Теорбанисты, Грегоръ, Каэтанъ и Францъ Видорты.

Новыя формы жизни постоянно вытѣсняютъ старые обычаи, а съ ними и предметы, употреблявшіеся въ домашнемъ обиходѣ, или въ общественной жизни. Но какъ въ средѣ обычаевъ, вѣрованій, пріемовъ въ обращеніи и т. п. нѣкоторые изъ нихъ переживаютъ срокъ своего общаго распространенія и существованія, такъ и многіе предметы, служившіе въ пережитыя эпохи для извѣстныхъ надобностей, задерживаются въ употребленіи и долго еще могутъ служить напоминаніемъ объ отжившей старинѣ.

Кто изъ живущихъ въ Кіевѣ и въ ближайшихъ къ Кіеву уголкахъ нашего края не помнитъ напр. того времени, когда даже среди интеллигенціи необходимыми принадлежностями куренія были трубки, длинные чубуки, кресала, кремни? Кто не помнитъ, какъ въ гостинныхъ на танцовальномъ или карточномъ вечерѣ кто-либо изъ прислуги ходилъ вокругъ столовъ съ маленькимъ подносикомъ, на которомъ помѣщался особаго рода инструментъ—такъ называемые свѣчные „щипцы“, чтобы ими „снимать со свѣчей“ нагорѣвшую часть фитиля? Кто не помнитъ, наконецъ, какъ въ окрестныхъ селахъ, да и въ самомъ городѣ Кіевѣ, щепали лучинки и дѣлали изъ нихъ „сирныкы“, концы которыхъ мочили въ расплавленную сѣру съ тѣмъ, чтобы, при надобности зажечь свѣчу или „каганець“, этими „сирныками“ разворушивать „багаття“ въ печи и такимъ образомъ получать огонь?

Гдѣ теперь найдешь студенческіе кисеты для табаку съ неизбѣжнымъ кресаломъ и кремнемъ, всѣ эти панскіе „щипцы“, мужицкіе „сирныкы“, „каганци“, „багаття“ и т. п., такъ недавно еще напоминавшіе, можетъ быть, и кіевскихъ „кагановъ“ и праарійскую эпоху почитанія бога-огня? Недавно еще занимались охотою на ежей, которыхъ кололи и потрошили, чтобы добыть сало для каганцевъ; а теперь — не только въ Кіевѣ, но и въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ не найдете ничего другого, кромѣ керосиновой лампы, а главная улица города освѣщается уже электрическимъ свѣтомъ.

Многіе изъ кіевлянъ, также, вѣроятно помнятъ и „торбанъ“ или „теорбанъ“, бывшій еще не такъ давно, почти въ такомъ же употребленіи, какъ и гитара, но уже совсѣмъ почти вытѣсненный изъ обихода другими музыкальными инструментами. Въ „Кіевской Старинѣ“ (январь 1892, стр. 162) было упоминаніе со словъ г. Фаминцына о торбанѣ и торбанистахъ, какіе извѣстны этому спеціалисту музыкальнаго дѣла. Онъ упоминаетъ уже только о четырехъ торбанистахъ, изъ которыхъ два—Григорій и Каэтанъ Видорты—были изъ волынской губерніи. Имѣвъ возможность слышать исполненіе сына Каэтана, Франца Каэтановича Видорта, который, очень можетъ быть, является послѣднимъ представителемъ этого рода музыкантовъ, какъ Остапъ Вересай былъ послѣднимъ бандуристомъ, представляемъ читателямъ „Кіевской Старины“ все, что мы могли узнать отъ него о пѣсняхъ, исполнявшихся подъ акомпаниментъ торбана отцомъ его и дѣдомъ.

Въ нашу задачу не входитъ описаніе самаго теорбана Видорта, который былъ осмотрѣнъ и изслѣдованъ съ технической стороны спеціалистомъ Н. В. Лисенкомъ; мы желаемъ привести только главнѣйшія пѣсни, сохраненныя Францемъ Каэтановичемъ по преданію отъ отца и дѣда, такъ какъ онѣ могутъ охарактеризовать тотъ особый оригинальный родъ словесно-музыкальныхъ произведеній, который еще недавно былъ распространенъ при дворахъ польскихъ магнатовъ Ржевусскихъ, Сангушекъ, Сапѣгъ, Браницкихъ, Потоцкихъ и др.

По разсказамъ Франца Каэтановича, дѣдъ его, выходецъ изъ Австро-Венгріи, родившійся въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, проходилъ школу игры на теорбанѣ; есть преданіе, что, бывши съ своими панами въ Петербургѣ, при дворѣ Екатерины II онъ обучалъ 6 дѣвушекъ этому искусству. Тѣмъ же занимался и сынъ его Каэтанъ при дворѣ Романа Сангушка, это—Францъ Каэтановичъ уже помнитъ, такъ какъ, родившись въ 1831 г., видѣлъ шестерыхъ надворныхъ козаковъ, обученныхъ его отцемъ игрѣ на торбанѣ и танцамъ, которыми сопровождалась эта игра. Танцы эти (14 фигуръ козака, между которыми были и „вприсяды“) изучались сначала въ особой учебной комнатѣ при помощи веревокъ, прикрѣпленныхъ къ потолку; когда ученики усваивали всѣ па и фигуры козака, они учились къ этимъ танцамъ „прыгравать“ на торбанахъ соотвѣтствующіе „прыгрывы“. Весь этотъ хоръ или коръ-де-балетъ изъ 6-ти душъ игралъ и танцовалъ съ торбанами въ рукахъ; послѣдніе приходилось то поднимать главнымъ кузовомъ вровень съ плечами, то опускать. Каэтанъ Видортъ училъ и сына своего Франца этому искусству; но послѣдній повредилъ себѣ ногу топоромъ, въ силу чего и оставилъ это занятіе. Изъ сни же подъ акомпаниментъ теорбана онъ перенялъ отъ отца, такъ что ему, служа по управленію имѣніями, приходилось (съ 1849 по 1881 г.) исполнять роль теорбаниста при князѣ Сангушко, съ которымъ онъ совершалъ путешествія по Австріи, Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Пруссіи и т. д.; нигдѣ въ этихъ странахъ не случалось уже ему видѣть такихъ теорбановъ, какой есть у него; только въ Италіи онъ встрѣчалъ мандолины, нѣсколько похожія на теорбанъ. Въ бытность князя въ Петербургѣ въ 1861 году онъ удостоился пѣть передъ Государемъ Императоромъ, который подарилъ ему за это золотые часы. Другой разъ ему случилось пѣть въ присутствіи Высочайшихъ особъ, когда въ 1878 году Великій Князь Николай Николаевичъ, отправляясь на Восточную войну, прожилъ три дня въ Славутѣ. Тутъ послѣ смерти князя Сангушка живетъ и до сихъ поръ этотъ послѣдній теорбанистъ, получая, какъ бывшій управляющій, пенсію отъ графини Потоцкой, живущей въ с. Антонинахъ.

Разсказы Франца Каэтановича объ отцѣ болѣе подробны, а забытыя имъ воспоминанія о дѣдѣ Грегорѣ могутъ быть пополнены извѣстіями о героѣ „арабскихъ авантуръ“, извѣстномъ Вацлавѣ Ржевусскомъ, похожденія котораго воспѣвались многими польскими поэтами и послужили темою для цѣлаго ряда повѣстей, вродѣ изданной въ прошломъ году во Львовѣ повѣсти Вигуры „Złotobrody emir“. Для уясненія содержанія приводимыхъ ниже пѣсенъ, мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ представителѣ отжившихъ шляхетскихъ порывовъ, въ которыхъ было много симпатичнаго, но которые въ силу своего разнообразія не представляютъ какого либо опредѣленнаго направленія польскихъ магнатовъ.

Несомнѣнно талантливый сынъ послѣдняго польскаго короннаго гетмана Северина Ржевусскаго, Вацлавъ Ржевусскій родился въ 1785 году, когда отецъ его послѣ раздѣла Польши переѣхалъ на жительство въ Вѣну, такъ какъ его имѣнія были расположены въ двухъ государствахъ—на Волыни (Ковельскій и Старо-константиновскій ключи) и въ Галичинѣ. Воспитаніе въ Вѣнѣ онъ получилъ подъ вліяніемъ съ одной стороны Клапрота, разрабатывавшаго вопросъ о переселеніяхъ народовъ, съ другой—Гаммера, занимавшагося археологіею Востока. Женившись на Розаліи Любомірской, воспитанной въ Парижѣ и бредившей Парижемъ и воспоминаніями о придворной жизни Маріи Антуанеты, Вацлавъ не оставилъ внушенной ему любви къ оріентализму и, какъ подобаетъ богатому меценату, давалъ средства на изданіе ученыхъ изслѣдованій Гаммера. Затѣмъ мы видимъ его увлекающимся идеею народнаго образованія подъ вліяніемъ извѣстнаго основателя Кременецкаго лицея Ѳадея Чацкаго. Охваченный этою идеею, въ своемъ селѣ Саврани (нынѣшняго балтскаго уѣзда) онъ открылъ даже школу для живших тамъ молоканъ-великороссовъ.

Но и это увлеченіе прошло, когда онъ занялся естественными науками, а изъ нихъ болѣе всего гиппологіей, и задался мыслью улучшить существующія въ Европѣ породы лошадей при помощи доставленія сюда чистокровныхъ арабскихъ „кобайлановъ“. Онъ составилъ широкій планъ поѣздки въ Аравію

съ цѣлью накупить тамъ этихъ знаменитыхъ лошадей и при помощи правительствъ Европы распространить ихъ и здѣсь. Окончательное увлеченіе Ржевусскаго этимъ планомъ совпало съ временемъ Вѣнскаго Конгресса, заключившаго собою войны Наполеона. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ одинъ изъ земляковъ Ржевусскаго:

„Народъ задавленный, истребленный войнами, народъ, который пожертвовалъ Наполеону, кромѣ золота, кровь своихъ 92,000 солдатъ, ждалъ съ тревогою, какую судьбу принесутъ ему совѣщанія конгресса; представители этого народа толпились въ переднихъ дипломатовъ, гнули съ покорностью шеи, думая такимъ поведеніемъ добиться чего-нибудь, если не для цѣлой Ржечи Посполитой, то хоть для нѣкоторыхъ ея провинцій... а онъ добивался сопровожденія коней изъ далекаго Арабистана. Косцюшко пріѣхалъ въ Вѣну, но держался въ сторонѣ, прислушивался, нельзя ли хоть крошечку свободы вымолить для своей родины; Чарторыйскій, вызванный императоромъ Александромъ, былъ здѣсь въ родѣ какого то представителя уже несуществующей Польши; прибылъ и почтенный Замойскій, и энергичный Огинскій... всякій по своему надѣялся участвовать въ рѣшеніи вопроса о будущности родины: а онъ, сынъ гетмана, представитель польскаго земства, красовавшагося тогда рубищемъ да развалинами, распространялъ славу арабскихъ рысаковъ, указывалъ на упадокъ кавалеріи—въ тотъ моментъ, когда у вѣнскихъ гостей—одно напоминаніе о войнѣ и томъ, что съ нею связано, вызывало содраганіе; словомъ—являлся въ роли тѣхъ авантюристовъ и прислужниковъ, которые осаждали квартиры великихъ міра сего, предлагая имъ съ одинаковымъ жаромъ и проэкты къ облагодѣтельствованію рода человѣческаго, и мази для самаго вѣрнаго уничтоженія мозолей. Не правда ли: горькая иронія?“ [1]).

А жена Ржевусска, съ которой онъ часто расходился, держала въ это время открытые салоны, въ которыхъ было такъ много

---

[1]) Dr. Antoni I. Opowiadania. Serya czwarta I. Warszawa. 1884. Стр. 194—195.

побимцевъ ея французовъ. Когда покончились въ Вѣнѣ засѣданія конгресса, Ржевусскій ничего не успѣлъ сдѣлать для осуществленія своихъ плановъ; ему пришлось еще нѣсколько времени посидѣть на Волыни, помогая средствами для снаряженія ботаническихъ экскурсій Андржеёвскаго; но онъ добился наконецъ милостиваго письма отъ королевы виртембергской, сестры Императора Александра I, которая благодарила его за готовность доставить ей когайляновъ изъ самой Аравіи. Въ 1817 г. онъ поѣхалъ въ Константинополь и сталъ устраивать свою поѣздку на Востокъ, которая стоила много денегъ, но за то доставила ему возможность осуществить увлеченія бедуинизмомъ и гиппофильствомъ.

Отправивши изъ Сиріи королевѣ первый свой подарокъ, Ржевусскій окружилъ себя и учеными секретарями, и спеціалистами конюхами и двинулся въ Алепъ, городъ, имѣвшій тогда 300,000 жителей, пополняя на дорогѣ свою свиту нанятыми мѣстными жителями. Принятый правителемъ города съ почетомъ, онъ основалъ свою резиденцію въ одномъ изъ его замковъ, который прозвалъ Гулистаномъ, давалъ литературные вечера съ чтеніемъ произведеній Саади, ѣздилъ переряженный бедуиномъ въ степи, розыскивая когайляновъ, волочился за женою французскаго посланника M-me Monge, наказавшею его на 15,000 піастровъ, затѣмъ за какою то леди Стэнгопъ, старушкою, представлявшеюся ему Сибиллою и т. п.

Въ этихъ арабскихъ авантурахъ себѣ онъ присвоилъ имя Эмиръ-Таджъ-Эль-Фагеръ-Абдъ-Эль-Нишана, или же иначе Золотобородаго Эмира; подписывался иногда на протоколахъ о покупкѣ арабскихъ лошадей также „невольникомъ цифры", что имѣло значеніе романтическое, ибо какая то символическая цифра, данная ему какою-то прелестною особою, преслѣдовала его и въ арабскихъ пустыняхъ. Наиболѣе счастливыми и торжественными минутами въ этотъ періодъ жизни Ржевусскаго были конечно случаи, когда онъ находилъ когайляна, ведущаго очень древній родъ; одинъ изъ такихъ коней съ прозвищемъ Obeiet-el-homlu-Hejdi-Kohajlan происходилъ по документамъ своей родословной чуть-ли не отъ священнаго копя самого пророка.

Участіе Ржевусскаго со своимъ войскомъ, возросшимъ до нѣсколькихъ сотъ всадниковъ, въ мѣстной революціи г. Алепа закончилось тѣмъ, что онъ принужденъ былъ бѣжать самъ-другъ въ Константинополь, оставивъ своихъ коней въ Тарсѣ. Здѣсь онъ узналъ, что долги его превышаютъ уже милліонъ піастровъ, а дома, т. е. на Волыни, многія имѣнія (напр. Ковельскій ключъ) проданы за долги матери или подлежатъ продажѣ. Напрасно Ржевусскій предлагалъ Строгонову и Нессельроде въ продажу для казенныхъ конюшень и императорской придворной своихъ когайляновъ; переписка по этому поводу затягивалась, и кони, отправленные черезъ Средиземное море въ Парижъ, на занятыя деньги едва были доставлены на мѣсто въ Саврань только въ маѣ 1821.

Не имѣя, гдѣ главы приклонить въ разоренномъ имѣніи, Ржевусскій, пока кое-какъ устроилъ свои дѣла по смерти матери, жилъ вмѣстѣ со своими конями въ конюшнѣ, или въ палаткѣ, разбитой по-бедуински; но это не мѣшало ему принимать участіе въ пиршествахъ и пикникахъ пановъ гайсинскаго, балтскаго и ольгопольскаго уѣздовъ, куда онъ являлся со своею неизбѣжною палаткою и проводилъ время подъ открытымъ небомъ съ выполненіемъ какихъ то таинственныхъ обрядовъ конепочитанія. Продажа нѣкоторыхъ коней, полученіе бриллiантоваго перстня отъ Его Императорскаго Величества за посланныхъ ему въ даръ пару когайляновъ вознаграждали его за перенесенныя бѣдствія.

Но 1825 годъ со съѣздомъ въ Бѣлой Церкви революціонеровъ изъ поляковъ и великороссовъ (Рылѣевъ, Муравьевъ, Тарнавскій, Карвицкій, Собанскій и др.) опять мѣняетъ родъ дѣятельности невольника цифры. Приставши къ юго-славянскому революціонному сообществу, Ржевусскій поддался настроенію нѣкоторыхъ его членовъ; особенно сильное впечатлѣніе на революціонныхъ совѣщаніяхъ произвелъ на него Тимко или Томашъ Падура, заговорившій передъ великороссами и поляками о существованіи третьей народности—малорусской и развивавшій мечты о возрожденіи козачества. Конечно, тѣ польскіе украинофилы, которые восторгались поэзіею Т. Падуры,

относились по своему къ его литературной дѣятельности: считая малорусскій языкъ лишь мѣстнымъ народнымъ говоромъ (powiatowszczyzną) литературнаго польскаго языка, нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе увлекающіеся, предсказывали этому поэту тоже мѣсто въ исторіи польской литературы, какое въ греческой литературѣ имѣлъ Гезіодъ[1]); для человѣка же практической жизни, какимъ былъ Вацлавъ Ржевусскій, въ восторженныхъ рѣчахъ поэта козацкой воли чудились лишь предводители съ конными полками, не уступающими по удали и молодечеству бедуинамъ аравійской пустыни. Участіе въ революціонномъ сообществѣ не привело Ржевусскаго къ ссылкѣ, чѣмъ поплатились другіе болѣе сознательные его товарищи; украинофильское же направленіе польской литературы, котораго держались въ то время Зоріанъ Ходаковскій, Тимошъ Заборовскій, поэты Залѣсскій, Гощинскій, Гославскій и другіе, вмѣстѣ съ пережитымъ въ теченіе прошлой жизни сдѣлало изъ бывшаго Эмира Таджъ Эль-Фагера какого-то особеннаго „отамана Ревуху“.

Новое увлеченіе этого Ревухи привело и къ новымъ предпріятіямъ. Въ его имѣніи Саврани Падура основалъ спеціальную школу лирниковъ, бандуристовъ и теорбанистовъ; они должны были создать провинціальную литературу не то польскую, не то малорусскую, содержаніемъ которой было бы воспѣваніе козацкихъ подвиговъ. Рядомъ съ этими „рапсодами“ явились тутъ же и „барды“ подъ предводительствомъ придворнаго пѣвца Евстафія Сангушка—Грегора Видорта. Каноникъ кременецкій Янъ Комарницкій принялъ участіе въ этой образовавшейся плеядѣ и также сочинялъ пѣсни, изъ которыхъ наиболѣе извѣстною стала народу и распространилась во многихъ варьянтахъ пѣсня о разбойникѣ Кармелюкѣ. Падура сочинялъ думки о козакахъ низовцахъ, ихъ кошовыхъ, о чайкахъ, подражалъ иногда Чайльдъ-Гарольду, воспѣвалъ Романа зъ Коширы и др. магнатовъ и т. п. Пропаганда его пѣсенъ не удалась ему, не смотря на его путешествія въ свиткѣ въ народъ подъ Каневъ, Чигиринъ и на ту сторону Днѣпра до самой Пол-

[1]) Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Т. III. Спб. 1891. Стр. 255, 256.

тавы, гдѣ онъ былъ и у Котляревскаго. Видортъ и самъ слагалъ пѣсни и исполнялъ тѣ, которыя были положены на ноты Ржевусскимъ изъ сочиненныхъ Падурою или Комарницкимъ.

Когда пѣсня была такъ подготовлена, собирались на репетиціи, въ которыхъ участвовали, кромѣ описанной компаніи, слушатели изъ дворскихъ козаковъ; между послѣдними первое мѣсто занимали Соколъ и Жеребко, конюхи при когайлянахъ, бывавшіе и въ пустыняхъ Аравіи и въ Парижѣ; на такихъ „дискуссіяхъ" читались и произведенія Ржевусскаго о Бобелинѣ, или же юмористическіе разсказы о безденежьи савранскаго магната, сочиненные Комарницкимъ. Когда, послѣ нѣсколькихъ репетицій, пѣсни признаны были достойными распространенія, компанія переѣзжала въ Ильинцы, Антонины или Славуту, гдѣ у Потоцкихъ и Сангушковъ придворный бардъ Видортъ распѣвалъ ихъ, утѣшая собравшихся гостей.

Такъ продолжалось до смерти Ржевусскаго, который, участвуя въ возстаніи 1831, гдѣ командовалъ отдѣльнымъ эскадрономъ кіевско-подольскаго корпуса повстанцевъ, или былъ убитъ 14 мая подъ Дашевымъ, или бѣжалъ съ поля битвы и погибъ въ бѣгствѣ. Скоро послѣ того померъ и старый Видортъ, участвовавшій, по словамъ его внука, въ путешествіи Ржевусскаго на Востокъ въ качествѣ теорбаниста при его свитѣ; сынъ его, состоя при дворѣ Сангушка, продолжалъ слагать пѣсни, но уже не о козацкихъ подвигахъ, а на случай свадьбы кого-либо изъ родичей своего мецената. То-же дѣлалъ и внукъ Грегора, хотя рѣже, будучи вызываемъ въ такихъ случаяхъ во Львовъ, Краковъ, Берлинъ и т. п.

Вотъ происхожденіе пѣсенъ, изъ которыхъ только одна о Кармелюкѣ поется въ настоящее время въ народѣ; сочиненія Падуры были три раза напечатаны (подъ заглавіемъ „Pieniа" во Львовѣ въ 1842, подъ заглавіемъ „Ukraińky" въ Варшавѣ въ 1844 г. и еще разъ въ 60-хъ годахъ). Ихъ мы не приводимъ, такъ какъ варьянты, сохранившіеся въ памяти Франца Каэтановича, очень мало чѣмъ разнятся отъ напечатанныхъ въ помянутыхъ изданіяхъ. Изъ пѣсенъ же дѣда, отца и нынѣ живущаго Франца Видорта приводимъ 4 пѣсни перваго и по одной двухъ послѣд-

нихъ. Въ „пісьні Видортовій“ Грегоръ В дортъ поетъ о своей собственной дѣятельности, какъ она понимались имъ и кружкомъ, къ которому онъ принадлежалъ; въ „Путешествіи В. Ржевусскаго“, „Золотой бородѣ“ и „Співѣ Ревухи“—воспѣваются похожденія Эмира; пѣсня Каэтана Видорта составлена по случаю возвращенія изъ ссылки князя Романа Сангушка въ 1842—44 г., а мадригалъ Франца Видорта сложенъ по случаю бракосочетанія кого-то изъ Сангушекъ и Сапѣгъ. Всѣ пѣсни записаны со словъ самого Видорта, какъ пѣлъ онъ ихъ въ бытность свою въ Кіевѣ прошлою осенью; поетъ онъ, конечно, и другія малорусскія и польскія общеизвѣстныя пѣсни, какъ напр. про Савву Чалаго, Кармелюка, Грыця, Була Польща та стала Россія, Co kochan to kochan, A gdy przydzie co do czego и множество другихъ (Гандзя, у сусіда хата била, іихавъ козакъ за Дунай и т. п.), которыя вмѣстѣ взятыя никакъ не могутъ представить изъ себя какого-нибудь цѣльнаго репертуара. Среди ихъ всѣхъ приводимыя ниже пѣсни являются совершенно особымъ отдѣломъ; онѣ не могутъ уже пережить, очевидно, истекшаго срока своего существованія и являются теперь анахронизмомъ.

---

1. *Пісня Видортова.*

Не журыся мій хазяинъ,—не за взяткомъ я иду:
Оттакъ сяду, заспиваю, видспиваю та й піду.
Видъ мисточка до столыцивъ, видъ столыцивъ до села
Для лыцаривъ для дивыцивъ Видортова пісня гула.
Стари замкы його знають: винъ дивъ давнихъ учыть васъ,
Въ його пісьняхъ оджывають змерли літа змерлый часъ.
Въ Запорожжи літъ не мало на Днипровыхъ берегахъ
Козакамъ ся проспивало о Богданахъ—козакахъ.
Хоть якъ мыло зъ нымы жыты, хоть якъ щастья иде викъ,—
Иду въ Польщу закинчыты шистьдесятый восьмый рикъ [1]).

---

[1]) Пѣвецъ объясняетъ, что дѣду его, помершему въ с. Кузьминѣ Старокостантиновскаго уѣзда вслѣдъ за гибелью Ржевусскаго, въ 1830-31 г. было 67 лѣтъ и что это была послѣдняя пѣсня, имъ сочиненная.

Видчыните замкы, брамы,—лядська писнь вамъ загуде:
Пожурыться спивакъ зъ вамы, пожурыться та й пиде.
Жадныхъ скарбивъ я не маю и не хочу йихъ одъ васъ;
Нехай тилько хто згадайе: «колысь Видортъ бувъ у насъ!»

2. *Podróż Wacława Rzewuskiego.*

Гей, отамане Кырылове! чы чулы вы лыхо такове?
Гей, отамане Кырыло! безъ батька намъ жыть не мыло!
Чуты въ батьковыхъ поговорахъ, що винъ йиздыть по всихъ морахъ:
То по Сынимъ, по Червонимъ, то по Билимъ и по Чорнимъ.
На пискови му не шкодыть, бо винъ лехкый хутко ходыть,
Але правда! якъ зморыться, то засыпле, якъ втомыться.
И перейихавъ килька моръ—двисти мыль за Саба-Таборъ,
Где пятдесять поколиння зостало жыдивъ племиння.
Тыждень тая вода грайе, пискомъ каминемъ кидайе,
Лышъ въ субботу тая вода стоить тыха и погода;
Въ той день всеньки пронджають, лышъ не жыдъ, бо свято мають:
То и тамъ зхотивъ знаты, щобъ намъ блыжче що сказаты;
Але винъ де бувъ зайихавъ, вже самъ почавъ торопиты
И до неба тилько вздыхавъ,—не думавъ винъ довше жыты.
Тамъ ся йому показалы цыки люды, що пыщалы;
Сыру рыбу йидять, ловлять, свыщуть, ничого не говорять.
И почавъ думку думаты, щобъ дальше не йихаты,
О тимъ краю не чутыся: тяжко буде вернутыся.
Перехрестывсь, схаменувся, проты витру обернувся;
Блудыть, човпыться по мори, радъ бы въ свій край якъ найскорій.
И вже нызыну покынувъ, ставъ по звиздахъ миркуваты,
Бо вирне бы бувъ загынувъ, якъ бы не вмивъ пизнаваты;
Звизда його провадыла и самъ собі дававъ раду,
Щастьемъ, що смерть не зкосыла,—и грыбувъ до Царограду.
Султанъ ся зъ нымъ утишайе, якъ винъ грайе и спивае,
Потимъ на двиръ выбигайе и вже на конях гуляйе;
И вси задумалысь туркы, що майе постиль дви буркы,
Пидъ головою—кульбака, и вся його постиль така!
Коло ёго богатая лежыть зброя турецькая;
Вставшы, по-турецьку убрався, зовсимъ на коня забрався.
И въ Мороку и во Фензыи, и въ Алжери и въ Кганкгези,
Всюды винъ тамъ пробувайе, бо ёго весь свитъ кохайе;

Алепія и Сирія, Ерусалемъ добре знайе
И Турція, Арабія, и Персія ёго знайе.
Всюды чесно знаходыться и прыятно обходыться,
Бо тамъ злого чоловика не люблять и збавлять вика.
Где прыйиде къ баши-гана,—вкаже карту одъ Султана,
И сидають на дывану,—честь оддають, яко пану.
Кажуть въ чаши каву налляты, въ шистьохъ одну люльку курять,
Просыть, щобъ му показалы кони, котри лучши малы;
Провадыть, крычыть, брыкайе, не ижджаны винъ сидайе.
Вси турки забулькоталы,—що такого йизьця не выдалы.
Якъ кинь майе добру расу,—винъ ся на ныхъ добре знайе,
И зъ собою возыть касу, платыть, въ Штамбулъ одсылайе,
Часто въ Стамбулъ одсылайе, бо тамъ много коней майе.
Предъ султаномъ пройижджайе и джерыдою кыдайе.
Нельзя того и сказаты, якъ винъ соби тамъ бавыться,
Всимъ правду можна прызнаты,—во всимъ свити винъ славыться.
Самъ до себе ставъ казаты: «въ свою землю якъ прыйиду,
Уклякну, буду цилуваты, вже до иншойи не пойиду.
Не мало провыдывъ сьвита, не покрасывъ свойи лита:
Думаю вдома сыдиты и буду на хлибъ робыты!»
Гей, Ревухо, батько мылый! Нехай Богъ дасть тоби сылы,
Нехай тебе оглядайемъ, бо мы тебе вси кохайемъ.
Прыбудь до насъ якъ найскорій, щобъ не потонувъ на мори,
Бо зробышъ насъ сыротамы, якъ не будешъ жыты зъ намы.
Вывартовый крычыть: пугу! Давайте гасло другъ другу,
Въ дверахъ наставте вуха, чы не йиде нашъ Ревуха?
Бо винъ якъ въ свій край зблыжыться, то прылетыть яко птыця,
Зразъ буде смотрить кони, чы въ порадку на прыпони?
Мы що граймъ и спивайемъ, таку хвалу йому дайемъ:
Бачылысьмо панивъ много, не бачылы такъ доброго!
Той у Бога ласку майе, що о бидныхъ памьятайе,
Винъ бидного не забуде, про тейе винъ паномъ буде.
Летимъ за нымъ, якъ до уля ройомъ за маткою муха:
Нехай жыйе, нехъ гуляйе, сердечны отець Ревуха!
Нехай жыють вси на сьвити: Вацлавъ, Рузя и йихъ диты!
Нехай жыють многи лита, нехай жыють многи лита!

3. *Золотая борода.*

Злетивъ орелъ на домброву попидъ сонцемъ витеръ гнать,
Прыйшла думка козакови давни письни засьпивать.
Але козакъ мало знайе: винъ зродывся на степахъ,
Тилькы въ полю зъ конемъ грае пры Днипровыхъ джерелахъ.
Зъ быстрымъ окомъ во вси сыли за ворогомъ лукъ стягавъ
И початокъ на могыли для любойи засьпивавъ:
«Отаманы ридни знають наше сердце, нашъ булатъ,
Воны швыдко изгадають, якъ зговорыть до ныхъ братъ.
Колыбъ Польща розумъ мала, та й не былася зъ Ордою,
Ще бъ, козаче, погуляла въ Царгороди зъ тобою.
Просты, просты, ляшый сыну! ваши земли—иншій сьвитъ,
И козакъ твою родыну ище знавъ видъ здавныхъ литъ.
Не оденъ зъ васъ бунчукъ мавъ, жвавый въ полю молодець,
Не оденъ зъ васъ турка гнавъ, кажуть люды зъ Пидгорець.
А де жъ тыйи мыли лита, а де жъ тыйи ворогы,
Що колысь зъ кинця свита биглы въ наши порогы?
Прыбудь до насъ, мылый ляше, прыбудь польське гетманя,
Дзюба въ били ручкы сплящe, якъ ты всядешъ на коня,
А молодци въ кгерелыцяхъ скрычать ура назади,
Скынуть шапку, поклоняться Золотійи Бороди.
Лышъ винъ о тимъ добре знайе, сплыветь щастя якъ вода:
Скоро зъ намы загуляйе Золотая Борода!»

4. *Спивъ Ревуцкій.*

Якъ выйихавъ Ревуха на кони гуляты,
Перевисывъ черезъ плече сагайдакъ багатый
Грайе море Чорне мое, Биле море
Гала-кгида-эу! Ла ла ла ла! Ла ла ла ла! Гала-кгида-гу! [1]).
Всяка птыця по повитри не потрафыть того,
Що нашъ батько Ревуха доказуеть много.
Кони сыви, половыйи, гнидыйи и чорни!
Втиште жъ мене, щобъ не тужывъ Ревуха моторный.
Духомъ зъ нёго на сывого: «скоро давай лука,
Подай стрилы, ставляй тарчу!» [2]) вже на конй чука.

---

[1]) Припѣвъ „Грай море“ повторяется послѣ каждаго куплета.

[2]) Цѣль.

А зъ сывого на гнидого,—къ земли прыпадайе,
Свойій Рузи мылесенькій цьвиточкы зрывайе.
Джахтампръ, Батыранъ [1])—то мойи соколы:
Колы всяду, сьмило йиду,—не уткне николы.
Ахъ ты, Кгульдо [1]) моя люба! якъ на тебе всяду.
Носышъ мене по всихъ мисьцяхъ,—николы не впаду.
Ой йидучы на качани, выклыкае: лье-ли!
Зависывся на сидли, схватывъ шаблю зъ земли.
«Подай, Саво, коня жваво! нехай мене знають;
Колы всяду на борзимъ, жылы мни дрыкгають».
Сто турецькыхъ, сто черкеськыхъ и татарськыхъ много,
Що день що годыны прыбувайе зъ того
Грайе море и пр.

5. *Powrót z niewoli.*

Встань, козаче, лыцемъ вдарь, не журысь: дило йде въ ладъ,
Бо вже Мылостывый Царъ вертае пана назадъ.
Не плачъ, дивчя молоде, и зле людямъ не желай!
Зле мынайе, добре йде: вертайеться до насъ рай.
Що першъ було засопило, теперъ дывытыся мыло:
Вси весели, всякый радъ, що радисть иде назадъ.
О, княгинё, ридна маты! Не плачъ бо иде твій сынъ,
Будешъ його цилуваты,—винъ для тебе йесть одынъ!
Нашъ князь-отець добре знае, що журытысь мынувъ часъ,
Винъ вже Романа встричайе, зъ нымъ прыйиде ажъ до насъ.
А мы, ваши вирни диты, будемъ до него летиты,
Цилуваты рукы й ногы, заведемъ до васъ въ порогы.
Потымъ вси крыкнемо разомъ предъ Матир-святымъ-образомъ:
«Маты Свята! дай йимъ жыты, а мы Тя будемъ хвалыты».

Где жъ ты валяешъ, мій теорбанъ!
Мынувъ часъ одпочываты!
Знай и ты, що есть нашъ панъ,—
Треба йому ще й заграты,
А, загравшы, заспиваты
И щыру правду сказаты,
Бо безъ тебе, мылый княже,

---

[1]) Клички коней.

Дуже до насъ бида вьяже:
Отець маты зъ тяжкойи скуки
И потуги серця муки
Хотяй о насъ памятають,
Лышъ нашой биды не знають.
Теперъ мы вси въ Твойій власти,
Къ ногамъ Твоимъ прынадаймъ,
Що не дасы намъ пропасты,—
Мы вси о тимъ добре знайемъ!
A więc wtedy, Moscie książe,
Gdy lat chwila nie jednaka,
Nowe struny Bard nawiąże,
By zaśpiewać Krakowiaka.
Всходыть сонце въ тыхимъ ранци
Розсмiявся новый сьвитъ,
Раньше твого серця бранци
Жычать тоби много литъ!
Zaśpiewajme wszyscy razem:
Nasze księstwo cnot obrazem
Kiedy u nich rozkosz taka,—
Utniem sobie ottropaka!
Шпарко лита утикають,
Беруть серце на кирмаршъ,
Щастя всимъ тщуть, ще кохають,
О, Романе батьку нашъ!

6. *Мадригалъ.*

На цьо свито, мій теорбане, нови струны навьяжу,
Буду граты що сылъ стане, а що въ серци—то скажу.
Якъ сьвижа вода зъ крыныци, такъ намъ пара всимъ мыла:
Орелъ прысивъ пры Орлыци, щобы слава зъ йихъ росла.
Ты, Леоніе[1]), духъ Гетьманьскій, свойій Гедыминси прыглянысь:
Гарна пани, цьвитъ Лытовськiй: мылуй, цяцькай та й дывысь!
А ты, писньо моя щыра, розійдыся на ввесь свитъ,
Загуды, якъ дзьвинъ для мыра: «най вамъ Богъ благословыть!»

---

[1]) Женихъ.

Назначеніе, содержаніе приведенныхъ пѣсенъ, кованный ихъ языкъ, или „зфальшована зляшона мова“, какъ о ней выразился одинъ изъ поляковъ, дебелый стиль, дубовый стихъ, лесть и подобострастіе въ пріемахъ паренія—всѣ эти ихъ особенности объясняютъ, почему онѣ не могли стать народными, какъ стала таковою пѣсня о Кармелюкѣ. Въ послѣдней авторъ исходилъ изъ чувствъ преслѣдуемаго разбойника, изображалъ отношенія его къ окружающему—такія, какія раздѣляетъ весь народъ и слишкомъ далекія отъ желанія цѣловать руки и ноги своимъ магнатамъ: оттого эта пѣсня Комарницкаго была воспринята народною массою и до сихъ поръ поется въ разнообразныхъ варьянтахъ; пѣсни же Видортовъ и Падуры съ теоретическими построеніями, далекими отъ народнаго міросозерцанія, съ музыкальною конструкціею, въ которой второе колѣно темы иногда не поется, а доигрывается на теорбанѣ, съ сухостью сочетанія звуковъ въ рисункѣ мелодіи, противуположною той сочности, задушевности и трогательной нѣжности, какая присуща малорусской пѣснѣ, не смотря на всѣ искусственныя мѣры къ распространенію ихъ, едва ли были переняты даже свидѣтелями ихъ составленія—конюхами Жеребкомъ и Соколомъ. Если относительно таинственной смерти Вацлава Ржевусскаго въ свое время распространена была такая молва, что его убилъ подъ Жванцемъ одинъ изъ придворныхъ козаковъ за растлѣніе его невѣсты, то можно думать, что и тогда выслушиваніе пѣсень про Ревуху представителями народа при его дворѣ исполняемо было по службѣ лишь, какъ оффиціальная обязанность, или повинность. Во всякомъ случаѣ по своему особому характеру онѣ заслуживаютъ быть сохраненными, какъ историческіе документы, свидѣтельствующіе объ извѣстномъ настроеніи въ 20—40-хъ годахъ текущаго столѣтія части общества юго-западнаго края.

А. Русовъ.

О ТОРБАНѢ И МУЗЫКѢ ПѢСЕНЪ ВИДОРТА.

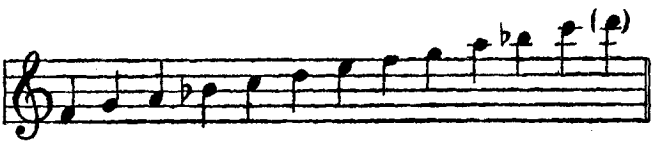
Въ числѣ музыкальныхъ инструментовъ, бывшихъ въ употребленіи въ Украинѣ право и лѣво-бережной, былъ и, такъ называемый, *то́рбанъ* или *торба́нъ*. Инструментъ этотъ болѣе совершенной фактуры, требовавшей несравненно болѣе сложной техники исполненія чѣмъ на кобзѣ, инструментѣ сравнительно болѣе простой конструкціи, занесенъ изъ Италіи въ Польшу— и отсюда перешелъ въ Украину. Торбанъ, обладающій богатыми средствами для музыкальнаго выраженія, по́ праву завоевалъ себѣ исключительное мѣсто въ имущественно обезпеченномъ, шляхетскомъ сословіи, ему онъ сослужилъ службу свою, среди него отжилъ и вѣкъ свой. Въ малорусскомъ дворянскомъ обществѣ, включительно до 50-хъ годовъ текущаго столѣтія, онъ привился еще шире, чѣмъ въ польскомъ, гдѣ онъ обрѣтался исключительно въ рукахъ спеціальныхъ придворныхъ музыкантовъ-торбанистовъ. Въ Малороссіи, помимо торбанистовъ изъ крестьянъ при панскихъ дворахъ, очень нерѣдко игрою на торбанѣ занимались и сами паны-помѣщики; правда по большей части мелкопомѣстные. Въ болѣе отдаленную историческую эпоху Малороссіи торбанъ несомнѣнно былъ, наравнѣ съ бандурой, привиллегированнымъ инструментомъ козацкой старшины. Въ музеѣ В. В. Тарновскаго хранится торбанъ, принадлежавшій гетману Мазепѣ. Въ средѣ народа торбанъ не былъ вовсе въ употребленіи. Сравнительно широкая, виртуозная требовательность по отношенію къ играющему на торбанѣ, въ которой обязательно связывался съ игрой и пѣніемъ еще и танецъ, стѣсняла его распространеніе въ народѣ.

Вслѣдствіе этого, репертуаръ торбана состоялъ главнымъ образомъ изъ пѣсенъ, романсовъ и пьесъ плясового характера. Строгій эпическій характеръ думы былъ ему вовсе чуждъ. Съ его веселымъ, лирическимъ, салонно-удалымъ характеромъ не гармонировала также ни духовная псальма изъ репертуара бандуры и лиры, ни вообще пѣсни нравственно-религіознаго содержанія. Характерно въ роляхъ торбанистовъ праваго и лѣваго берега Днѣпра то, что, въ то время, какъ при магнатскихъ дворахъ у польскихъ торбанистовъ, въ числѣ общаго репертуара, культивировался особый родъ диѳирамбовъ въ честь пана, въ знаменательный моментъ его семейной или общественной жизни,—лѣвобережные торбанисты далѣе чисто-народнаго репертуара,—въ крайнемъ случаѣ, искусственной пѣсни, на почвѣ чистой лирики—не шли. Величальныхъ продукцій, славословій, подобныхъ Видортовымъ, до насъ не дошло. Пишущему здѣсь очень памятенъ по дѣтскимъ воспоминаніямъ 40-хъ годовъ старикъ торбанистъ, *Кошовый* по фамиліи, бывшій крѣпостной его дѣда, но въ то время уже вольноотпущенный, въ обширномъ репертуарѣ котораго не было ничего подобнаго мадригаламъ и диѳирамбамъ Видорта. Торбанистъ Кошовый, глубокій въ то время старецъ, прекрасно исполнялъ лирическія, народныя пѣсни, подъ часъ съ собственными, полными украинскаго юмора, прибаутками въ пѣсняхъ комическаго содержанія. Онъ-же былъ, по отзывамъ людей, знавшихъ его смолоду, замѣчательный танцоръ виртуозъ, выдѣлывавшій передъ гостями своего пана труднѣйшіе кунстштюки,—своего рода эквилибристика на почвѣ народнаго танца. Но, во время „бучного весилля“ въ семействѣ пана, продѣлывая эти па на пальцахъ рукъ между рюмками и бокалами отобѣдавшихъ баръ, онъ оступился, упалъ и поплатился вывихомъ ноги, искалѣчившимъ его и лишившимъ съ тѣхъ поръ возможности танцовать. За прежнія услуги его удалили на покой и дали вольно-отпускную; но еще долго послѣ того его приглашали бывало по вечерамъ попѣть и потѣшить пріѣзжихъ гостей.

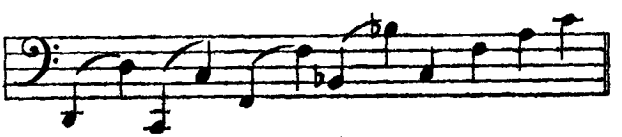
Остовъ торбана или кузовъ его, въ нижней, широкой части, напоминаетъ по формѣ *кобзу*: та-же дека (*верхнякъ*) съ

резонаторами (*голосниками*), тотъ-же овальный низъ—только овалъ торбана болѣе удлиненъ, а у кобзы онъ шире. Грифъ (*ручка*) у торбана нѣсколько длиннѣе чѣмъ у кобзы и въ верхней своей части, въ шейкѣ, гдѣ накручиваются струны, загибается въ лѣвую сторону, образуя на этомъ переломѣ меньшую шейку, къ которой также прикрѣпляются басовыя струны, такъ называемыя *вто́ры*. Изъ всѣхъ струнъ торбана онѣ, по протяженію, самыя длинныя.

Безъ этихъ вторъ расположеніе струнъ торбана и кобзы очень подобно: тѣ же *при́струнки* (короткія струны), укрѣпленныя на колочкахъ по окружности торбана съ правой стороны. Число приструнковъ 12—13. Настроены онѣ въ гаммѣ *фа*—мажоръ отъ $\bar{fa} - \bar{\bar{re}}$. Послѣдній звукъ часто отсутствуетъ.

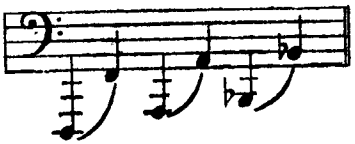


Игра на пристрункахъ, какъ на торбанѣ такъ и на кобзѣ, производится щипкомъ. Высота струнъ остается неизмѣнною. За приструнками слѣдуютъ басовыя струны, расположенныя по длинѣ грифа и укрѣпленныя на колочкахъ въ шейкѣ. Басовыхъ струнъ бываетъ 12—(14) въ такой послѣдовательности:

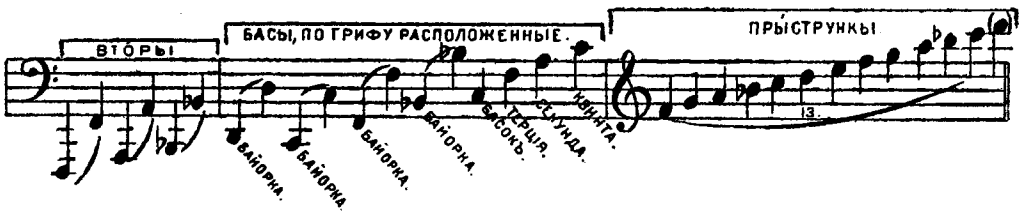


Четыре верхніе тона имѣютъ особыя названія: верхнее *do* называется *квинта*; слѣдующій за нимъ тонъ *la—секунда;* третій *fa—терція*; и наконецъ нижнее *do—басокъ*. Остальныя 8 струнъ — басы — выстроены по парно въ октаву (Si^b — si^b; Fa—fa; Do—do; RE—re). Всѣ струны кишечныя (*кышковы́*); изъ числа этихъ 8 басовъ, въ октаву по-парно построенныхъ, каждая нижняя струна обвита металлическою канителью (*сухозло́тыця*, на кобзѣ). Такія струны (ихъ 4) называются *байо́рками*. Техническое выраженіе о струнахъ, обвитыхъ канителью,

байóрки на пéліи намóтани. Наконецъ, третій рядъ струнъ прикрѣпленъ въ верхней, меньшей шейкѣ. Эти 6 длинныхъ струнъ—то же басы—наз. *втóры.* Вторы построены, подобно басамъ на грифѣ, тоже въ октаву.



Весь строй торбана представляется значитъ въ такомъ видѣ:



Игра на вторахъ производится щипкомъ. Участіе вторъ въ исполненіи крайне незначительное. Игра на басахъ, по грифу расположенныхъ, производится ладами, т. е. укорочиваньемъ длины струнъ, придавливая ихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, какъ на гитарѣ, къ грифу. Игра на пристрункахъ производится только щипкомъ.

Всѣхъ струнъ на торбанѣ 30—31. Послѣдняго тона *re* на пристрункахъ обыкновенно не достаетъ. Встрѣчаются торбаны, имѣющіо 60 струнъ; такой торбанъ называется полнымъ торбаномъ *(цíлый тóрбанъ).*

Строй торбана, обыкновенно мажорный, *(вéселый)* по требованію пьесы измѣняется въ минорный строй (*жалúбный*) опущеніемъ терціи (la) на $^1/_2$ тона внизъ.

Торбанистъ при исполненіи пользуется средствами инструмента различными способами. Мелодію, имъ исполняемую, онъ подыгрываетъ на пристрункахъ, чаще же на четырехъ крайнихъ басовыхъ струнахъ (do-fa-la-do), по грифу расположенныхъ, гармонизуя ее аккордами, добытыми помощью ладовъ на ба-

сахъ, изрѣдка добавляя къ аккордамъ основной басъ на вторахъ.—Въ прелюдіяхъ и заключеніяхъ, какими торбанистъ открываетъ и заканчиваетъ свои пѣсни, болѣе сложныя фигураціи, арпеджіи, пассажи онъ разыгрываетъ на пристрункахъ.

Обращаясь къ оцѣнкѣ наличнаго репертуара торбаниста Ф. К. Видорта, должно замѣтить, что онъ представленъ у него не какъ нѣчто цѣльное, подлежащее раздѣленію на извѣстные отдѣлы по содержанію текста и характеру музыки, какъ напр. у покойнаго ужъ нынѣ кобзаря О. Вересая, у котораго обширный репертуаръ складывался изъ думъ историческихъ, семейныхъ, изъ пѣсенъ „божествéнныхъ“ (про святыхъ), нравственно-религіозныхъ, изъ пѣсенъ, наконецъ, бытовыхъ лирическихъ, комическихъ, танцевъ.

У нашего же торбаниста народная пѣсня есть номеръ случайный; онъ её знаетъ, поетъ, такъ какъ въ той средѣ, которой онъ служитъ, и эта пѣсня можетъ быть въ спросѣ, и её могутъ потребовать.

Такимъ образомъ нами записаны у него оригинальный, красивый волынскій варіантъ думы про Саву Чалого (*„Ой, бувъ Сава въ Немырови въ пани на обиди“*); извѣстная бытовая пѣсня про Грыця; пѣсня про „знесення панщыны“ (*Була Польща та стала Россія*). Слыхали у него и пѣсни анакреонтическаго содержанія, малорусскую „казала мени Солоха прыйды“ и польскую „co kocham, to kocham“.

Спеціальный же, главный отдѣлъ пѣснопѣній Видорта,—это его quasi думы, дешевенькій романсикъ, пѣсенка въ куплетной формѣ съ характеромъ музыки довольно тривіальной, сродни пресловутой „Гандзя, цяця молодычка“. Музыка тутъ пріурочена къ тексту, который слагали дѣдъ, отецъ Видорты и самъ Ф. К. Видортъ.

Изъ композицій дѣда, Грегора Видорта, мною записано три номера: 1) Не журыся мій хазяинъ; 2) Гей, отамане Кырылове и 3) спивъ Ревухы.

Остальные настолько слабы, что я счелъ ихъ лишнимъ записывать.

Лучшій номеръ по музыкѣ есть спивъ Ревухы (*якъ выихавъ Ревуха на кони гуляты*). Въ немъ слышится эпическое настроеніе, удаль, бодрость духа степнаго рыцаря, отдавшагося своимъ думамъ. Такую думку можно бы было подслушать въ козацкомъ обозѣ. Принявъ во вниманіе, что авторъ этого номера, Г. Видортъ, жилъ за 100 лѣтъ и могъ, странствуя съ своимъ паномъ, Вацлавомъ Ржевусскимъ, слышать отъ современныхъ ему запорожцевъ нѣчто подобное, то неудивительно, что такое удачное настроеніе и выразилось въ этомъ лучшемъ номерѣ его композицій.

Припѣвъ этой думки *„грай море, Чорне море“*, турецкіе или татарскіе возгласы *„галакгида гу!“*—все здѣсь у мѣста и иллюстрировано подходящей музыкой.

Въ лицѣ почтеннаго Ф. К. Видорта мы познакомились съ неизвѣстнымъ доселѣ типомъ придворнаго магнатскаго рапсода. Типъ этотъ, какъ оригинальное явленіе мѣстной польской жизни, заслуживаетъ во всякомъ случаѣ вниманія къ себѣ, долженствуетъ быть изслѣдованнымъ, записаннымъ, оцѣненнымъ.

Но какъ странно, неестественно звучитъ малорусская рѣчь въ высокопарныхъ, часто безсвязныхъ и безсмысленныхъ, диѳирамбахъ, въ исканіи риѳмъ, въ искаженіи логическаго ударенія въ словахъ! Въ музыкальномъ исполненіи та же черта: неизмѣнный паѳосъ, ходульность, какой-то задоръ, комическая акцентуація...

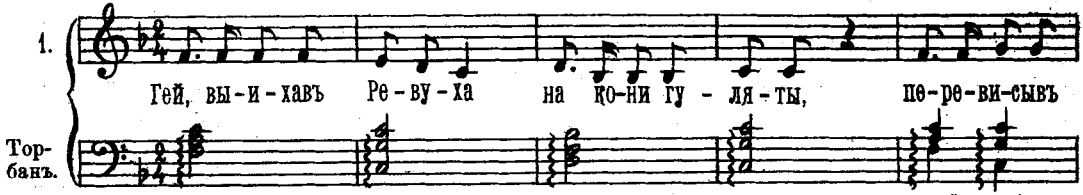
И благо, пусть бы ужъ этимъ пріемомъ руководился пѣвецъ въ исполненіи своихъ композицій, гдѣ въ самомъ текстѣ вѣчное пареніе. А то вѣдь у него и народная пѣсня подведена подъ одинъ шаблонъ... Это такъ не вяжется съ искренностью чувства народной мелодіи, съ глубиною и естественностью содержанія любой украинской пѣсни.

Мало понятно, какъ такая культурная среда мирилась съ псевдонародною декламаціей и экспрессіей. Такую неразборчивость во вкусахъ естественно было бы объяснить если не пренебреженіемъ, то полнымъ безразличіемъ къ народной рѣчи, народной мелодіи; но справка этого не подтверждаетъ: на мой вопросъ, какъ относятся слушатели—магнаты къ малорусской

СПИВЪ РЕВУХЫ.

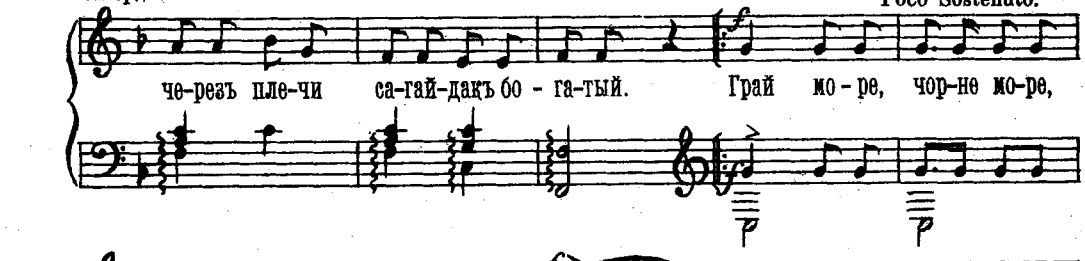
ДУМКА.

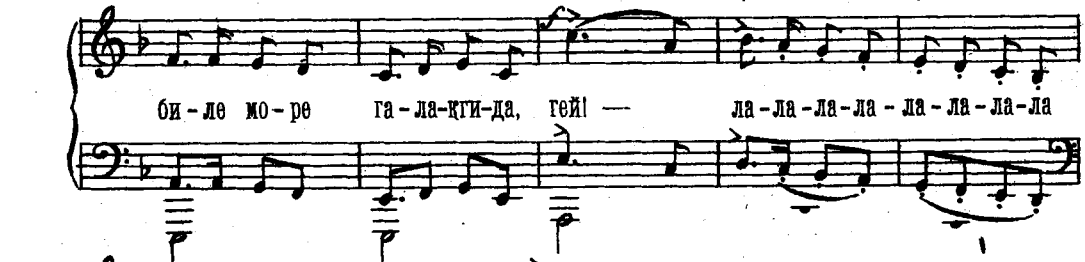
Andante.

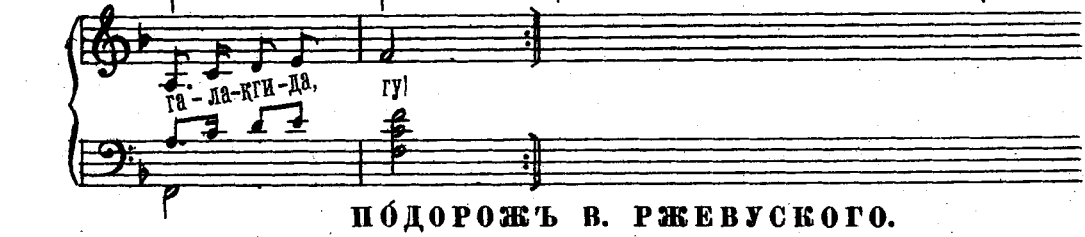


NB. Торбанистъ подъигрываетъ мелодію на пристрункахъ правою рукою, а лѣвою беретъ аккорды на басахъ.

Poco Sostenuto.



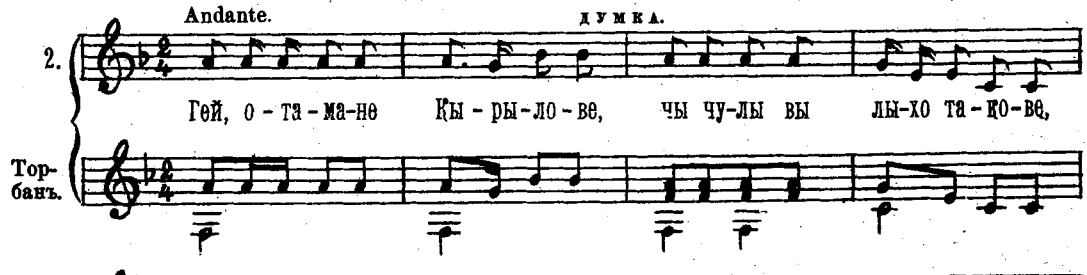


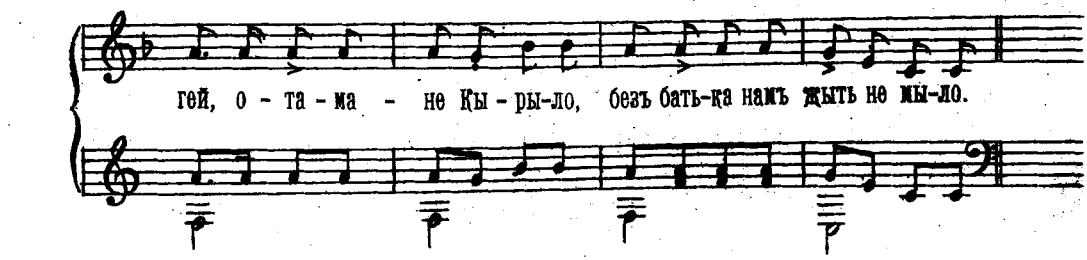


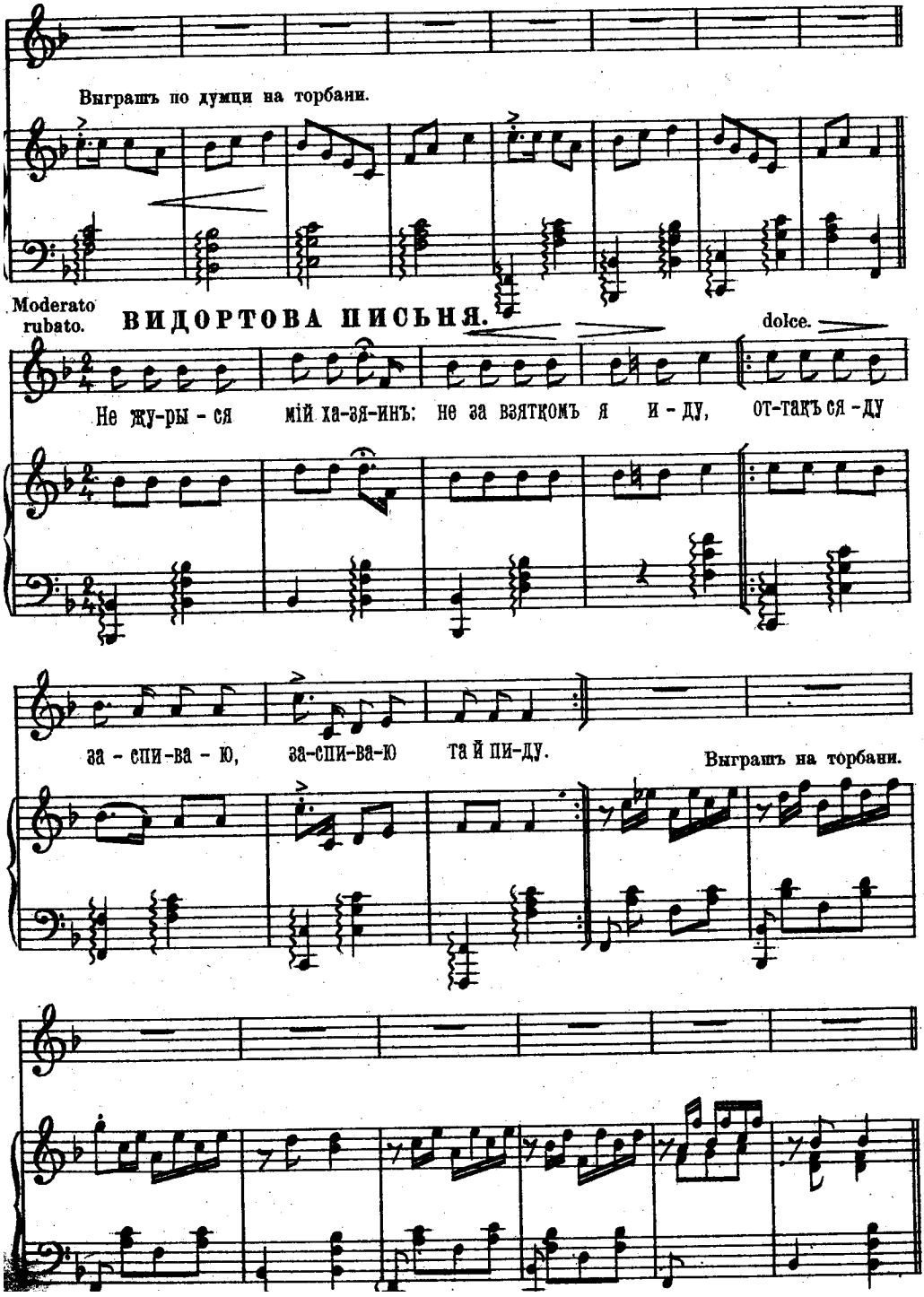
ПО́ДОРОЖЪ В. РЖЕВУСКОГО.

Andante.

ДУМКА.






Выграшъ по думци на торбани.
Moderato rubato.
ВИДОРТОВА ПИСЬНЯ.
dolce.
Не жу-ры-ся мій ха-зя-инъ: не за взятком ъ я и-ду, от-такъ ся-ду
за-спи-ва-ю, за-спи-ва-ю та й пи-ду.
Выграшъ на торбани.

рѣчи въ пѣсняхъ и композиціяхъ торбаниста и не требуютъ-ли они польскаго языка взамѣнъ малорускаго, польской пѣсни взамѣнъ мѣстной, Видортъ отвѣчалъ:—наоборотъ, они требуютъ исключительно малорусскаго текста въ его исполненіи, а польскаго не требуютъ. Такое требованіе предъявлялось ему не только въ Украинѣ, но также во Львовѣ и Краковѣ.

Прилагаю образцы записанныхъ мною думокъ, пѣтыхъ Ф. К. Видортомъ.

Н. Лисенко.

Малорусскія вирши нравоучительнаго содержанія.

Еще въ первой половинѣ XVII вѣка Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій предназначалъ свое „Перло многоцѣнное“ для студентовъ, которые, по его мнѣнію, могли „съ тои книги святои выбирати вѣрши на свою потребу и творити зъ нихъ орації розмаитыи часу потребы своеи, хочъ и на комедіяхъ духовныхъ“ [1]). Сами студенты соревновали другъ съ другомъ въ стихотворномъ искусствѣ, или, какъ тогда говорили, въ „поетицкомъ художествѣ“. Оно считалось самымъ рѣшительнымъ признакомъ литературнаго образованія, обязательнымъ для *письмѣннаго* человѣка, учившагося въ латинскихъ школахъ. Оно входило, такъ сказать, въ самый обиходъ жизни, какъ служебное орудіе разнообразныхъ задачъ ея, не имѣвшихъ большею частью ничего общаго съ поэзіей. Плодомъ этого школьнаго воззрѣнія на „поетицкое художество“ была громадная литература южнорусскихъ виршей, написанныхъ въ XVII и XVIII вв. и предназначенныхъ какъ бы для того, чтобы утонуть въ пучинѣ забвенія. И въ самомъ дѣлѣ, отъ нихъ не осталось, повидимому, ничего, кромѣ глухаго упоминанія въ учебникахъ литературы, что нѣкогда процвѣталъ въ школахъ и сей родъ поэзіи.

Не станемъ и мы извлекать изъ рукописей и старопечатныхъ книгъ всего виршеваго матеріала, созданнаго особенными вкусами и потребностями схоластической мысли. Мы обратимъ исключительное вниманіе только на тѣ вирши, которыя находятся

[1]) Перло многоцѣнное, ч. I, стр. 1, 2-е изд. (въ Могилевѣ), 1699 г.

въ соприкосновеніи съ народнымъ самочувствіемъ, съ народною самодѣятельностью въ области поэтическаго творчества. Многія изъ нихъ вошли въ составъ, такъ называемыхъ, духовныхъ стиховъ и сохранились до настоящаго времени въ полународной, въ полукнижной формѣ. Отсюда распространилось ихъ вліяніе и на другія сферы народной поэзіи семейнаго и общественно-бытоваго содержанія. Затрогивая самыя интимныя стороны народной мысли и чувства, онѣ содѣйствовали установленію основнаго тона, который звучитъ въ народной малорусской поэзіи. Мы разумѣемъ то настроеніе ея, которое выражается въ оригинальномъ сліяніи скорби и смѣха, безграничной вѣры и безпощаднаго сомнѣнія. Въ настоящемъ очеркѣ мы поставили для себя задачей выяснить это настроеніе, на сколько оно проявляется въ виршахъ, чтобы найти такимъ образомъ исходную точку къ приблизительному рѣшенію вопроса о происхожденіи и поэтической редакціи народныхъ малорусскихъ думъ.

Мы остановимся прежде всего на виршахъ нравоучительнаго содержанія, затѣмъ перейдемъ къ виршамъ нравоописательнаго содержанія. Первыя носили названіе *псальмъ*, вторыя—*кантовъ*, хотя оба эти названія не были безусловно обязательны для виршей того и другаго рода. Не мало нравоописательныхъ виршей существуетъ также въ видѣ школьныхъ интермедій. Обзоръ виршеваго матеріала мы закончимъ виршами историческаго содержанія.

Что такое жизнь человѣческая? Что означаетъ смѣна однихъ порядковъ и явленій ея другими? Въ чемъ заключается добро и зло ея? Совпадаетъ-ли первое съ идеей счастія, а послѣднее съ идеей несчастія? Чего долженъ желать человѣкъ, къ чему долженъ стремиться онъ?

Все это старые вопросы, на которые есть и готовые отвѣты, но въ этихъ отвѣтахъ всегда есть также индивидуальная примѣсь, или-же то психическое *нѣчто*, которое накопляется цѣлымъ рядомъ поколѣній и составляетъ этническій признакъ, отличающій одну народность отъ другой. *Нѣчто* это есть и въ виршахъ нра-

воучительнаго содержанія, безъ сомнѣнія, потому что составители ихъ были люди, выходившіе изъ народа и не терявшіе бытовыхъ связей съ нимъ. Конечно, выражаются они въ своихъ виршахъ, какъ люди *письмéнные*, но думаютъ и чувствуютъ, какъ люди народные. Смотрятъ они на жизнь съ высоты религіозно-философскаго отрицанія, въ которомъ есть добрая доля пессимизма, свойственнаго міровоззрѣнію малорусскаго народа. Но на днѣ этого пессимизма лежитъ нѣжное участіе къ людямъ, оторваннымъ отъ родной семьи, заброшеннымъ и обездоленнымъ. Это пессимизмъ украинскій, проникнутый сентиментальнымъ настроеніемъ.

Жизнь и смерть, смерть и жизнь, только иная, загробная, лучшая, — вотъ та естественная смѣна идей, въ которой вращается мысль вѣрующаго человѣка. Смерть есть моментъ освобожденія духа нашего отъ оковъ плоти, поэтому спокойно взираетъ на смерть тотъ человѣкъ, который думаетъ о вѣчности. Напротивъ того, боится смерти тотъ, кто увлекается земными наслажденіями и радостями.

На эту тему написано множество виршей въ XVII и XVIII вв. Самая древняя изъ нихъ и въ т-же время самая полная принадлежитъ тому-же Кириллу Транквилліону-Ставровецкому. Онъ помѣстилъ ее въ своемъ „Перлѣ многоцѣнномъ“ подъ заглавіемъ: „Лѣкарство роскошникамъ того свѣта—пѣснь вдячная при банкетахъ панскихъ“. — Поется эта пѣснь отъ лица покойника-пана, который застигнутъ былъ смертью врасплохъ. „Где мои нынѣ, восклицаетъ онъ, замки коштовные, мурованыи, а шкатули, злотомъ нафасованыи? Где мои пресвѣтлыи, златотканныи шаты, рыси, соболе, кармазины и дорогыи шкарлаты?“ Горько сѣтуетъ онъ, что „несподѣване“ смерть „зъ всего“ его „обнажила и межи смродливыми трупы положила“. „Пріятелѣ мои“, продолжаетъ онъ, „далеко отъ мене стали и носы свои предъ смрадомъ моимъ позатикали. Вчера въ дому моемъ было гойне веселье, музиковъ играня, а спѣваковъ веселое спѣване, и на трубахъ мѣдяныхъ выкрикане, скоки, танцѣ, веселое плясаня,—вина наливай, выпивай, проливай,—столы мои сладкими покормы покрытіи, гости мои и пріятелѣ—персоны знаменитіи, а нынѣ мене все доброе и весе-

лое минуло, слава и богатство на вѣки уплынуло".—Во цвѣтѣ молодости умеръ панъ, и ничего больше не осталось ему въ утѣшеніе, какъ только безплодное сознаніе, что смерть могущественнѣе жизни, что она „на всѣхъ мечъ свой лютый обнажила".—„Где нынѣ", восклицаетъ онъ, „тиранове неужитыи и князи на землѣ знаменитыи,—где нынѣ воинове горделивыи и мучителѣ невинныхъ злосливыи?" „Ты, обращается онъ къ смерти, съ премудрыхъ филозофовъ смѣховиско строишъ, у главѣ ихъ, где свѣтлая премудрость столицу свою мѣла и въ ней почивала, тамъ нынѣ тылько смродливая пустка зостала... Ты риторскій языкъ сладкоглаголивый безгласіемъ связуешъ и предъ многими его показуешъ, яко нѣмого болвана" [1])...

Много *риторскаго языка* въ этой пространной виршѣ. Она есть какъ-бы голосъ съ того свѣта,—конечно, болѣе громкій, чѣмъ молчаливыя дѣянія всемогущей смерти.—Для насъ важенъ этотъ голосъ по разнообразію мотивовъ, которые слышатся въ немъ и которые въ другихъ виршахъ развиваются отдѣльно. Это—мысли о скоротечности жизни, о тщетѣ благъ міра сего и, наконецъ, о всемогуществѣ смерти.

Послѣдняя мысль слабо развита въ другихъ виршахъ и въ духовныхъ стихахъ виршеваго происхожденія. Смерть въ этихъ послѣднихъ обрисована кратко: она „страшна вельми собою, лютымъ огнемъ наполнена и отъ лица возстраждена" [2]). Гораздо рельефнѣе выступаетъ образъ ея въ извѣстномъ сказаніи о прѣніи живота съ смертію, которое встрѣтилось намъ въ одной изъ рукописей XVIII в. Малорусскій текстъ сказанія, по всей вѣроятности, составленъ по одной изъ польскихъ редакцій его западно-европейскаго происхожденія [3]).

Зато первыя двѣ мысли подробно развиваются, какъ въ виршахъ, такъ и въ духовныхъ стихахъ.

Въ Богогласникѣ подъ № 227 помѣщена вирша, озаглавленная такъ: „Жаль надъ злѣ иждивеннымъ временемъ житія" [4]).

---

[1]) Перло многоцѣнное, ч. II, стр. 149.

[2]) Стихъ, записанный В. П. Горленкомъ въ Ловчицѣ отъ лирника Кравченка.

[3]) Рукопись церковно-археологич. музея при кіевс. дух. академіи, β, 52.

[4]) Мы пользовались сравнительно позднимъ изданіемъ Богогласника—1825 г. Вирши, напечатанныя въ этомъ изданіи, подправлены и подновлены: онѣ, какъ

Нерѣдко встрѣчается она и въ рукописныхъ сборникахъ конца прошлаго вѣка. Въ ней высказываются сѣтованія на внезапное появленіе смерти въ тѣ годы жизни человѣка, когда онъ вкусилъ уже отъ чаши наслажденій, но не допилъ ее до дна.

«Ахъ, ушлы мои лѣта,
Какъ вихоръ съ круга свѣта»,

такъ начинается эта вирша,

«Толко такъ мнѣ издалося»,
Что одинъ день прожилося».

Страшная гостья приказываетъ человѣку идти въ далекую дорогу, „на тотъ свѣтъ до Бога".

«Съ чемъ же тамъ я появлюся,

вопрошаетъ онъ самого себя,

Чимъ я Богу прислужуся?
Ны свѣтила, ны кадила,
Все то смерть роспорошила!»

Однако же, по нѣкоторомъ раздумьи, находитъ онъ, что смерть тутъ ни при чемъ, что самъ онъ виноватъ въ своей судьбѣ. Убаюкивалъ онъ себя мыслію, что „не часъ еще" ему умирати,

«Треба вѣку доживати»,—

что

«Старость будетъ на тое,
Чтобы дѣлать все благое».

И вотъ онъ

«Старости не дождался,
И на тотъ свѣтъ не прыбрался» [1]).

сказано въ предисловіи, предлагаются „аки снѣдь, иными смаками утворенная и наново приготовленная, аки одежда обветшавшая, перешита же и обновлена, или аки потемненное сребро, искушено же огнемъ и ощищенно седмерицею" Поэтому мы будемъ пользоваться преимущественно рукописными сборниками конца прошлаго вѣка, обращаясь къ Богогласнику только въ тѣхъ случаяхъ, когда текстъ виршей въ рукописяхъ представляетъ явные слѣды искаженія. Многія вирши, отмѣченныя именами авторовъ, могли быть сочинены вновь почаевскими базиліанами для изданія 1825 г., поэтому онѣ совсѣмъ не войдутъ въ наше обозрѣніе.

[1]) Сборникъ Кибальчича, № 53: „Пѣснь о покаяніи". См. также Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, Головацкаго, ч. III, отд. 1, 285.

Въ записяхъ этой вирши отъ лирниковъ—тѣ же мысли и тотъ же тонъ, только нравоученіе короче и языкъ, конечно, чище [1]).

Не мало есть также виршей, написанныхъ на тему „omnia vanitas“. Самая распространенная изъ нихъ та, которая начинается словами: „Кажуть люде, що я умру“... Она помѣщена въ Богогласникѣ подъ № 236 и тоже довольно часто встрѣчается въ старинныхъ спискахъ. Главный мотивъ ея, какъ и въ виршахъ Транквилліона, заключается въ противоположеніи между жизнію здѣсь и тамъ, за гробомъ.

«Зостанется сребро и злато, дорогіе шаты,
А вже жъ мѣнѣ изъ собою нѣчого не взяты!
А хотяй бымъ възялъ изъ собою, тамъ того не треба,
Саджонъ землѣ, четыри дощки, спасенія з неба» [2]).

Въ народной обработкѣ эта вирша отличается особенною задушевностію тона [3]).

Но вотъ—окончилось земное существованіе человѣка. „Простите мя“, говоритъ онъ словами одной вирши, разставаясь съ жизнію, „братья милая и други,

Поля, холми и дубрави, зеленіе луги:
Вже жъ мнѣ по васъ не гуляти,
Вже прийшолъ часъ мнѣ помирати» [4]).

Что-же ожидаетъ его тамъ въ первыя минуты загробной жизни, въ томъ переходномъ состояніи, когда душа его не нашла еще для себя опредѣленнаго положенія?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ вирша, помѣщенная въ Богогласникѣ подъ № 235 и начинающаяся словами: „Егда душа отъ тѣла разлучается“. Разсказывается въ ней о томъ, какъ появилась грѣшная душа въ воздушныхъ мытарствахъ. Видитъ

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1883 г., Февраль, 468.

[2]) Сборникъ Кибальчича, № 51: „Пѣснь о покаяніи“. См. также Народныя пѣсни, Головацкаго, ч. III, отд. 1, 286.

[3]) Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 371. См. также „Кіевс. Старина“, 1889 г., Февраль, Сборникъ Ищенка, 1780—82 г.

[4]) Рукопись церковно-арх. музея при кіевс. академіи, № 489.

она тамъ своего ангела-хранителя, кается въ своихъ прегрѣшеніяхъ и умоляетъ о защитѣ. Но это было уже позднее раскаяніе: „о человѣче, говоритъ ему ангелъ, собиралъ еси въ семъ мирѣ не по мѣрѣ,

Сокривалъ еси себѣ богатство,
Затворялъ еси свои врати предъ сироти,
Втратилъ еси царство» [1]).

Объ этомъ разсказывается въ духовномъ стихѣ нѣсколько иначе.—„Изъ Кыева, изъ Ерусалыма, видтиль ишло тры черныченькы"—одна съ крестомъ, другая съ евангеліемъ, третья съ кадильницей. Встрѣчаетъ ихъ Божья матерь и спрашиваетъ ихъ, гдѣ онѣ были, и что видѣли. Отвѣчаютъ онѣ ей, что были онѣ въ Кіевѣ и видѣли,

«Якъ душа зъ тиломъ ростaвалася,
Ростaвалася, та й позналася:
Чомъ же ты, тило, чомъ не терпило,
Постивъ не постыло? Чомъ-же ты, душе, недили не чтыла?
Будешъ же ты, тило, въ сырий земли прити,
А ты будешъ, душе, у огни гориты» [2]).

Далѣе слѣдуетъ въ виршахъ картина страшнаго суда. Въ Богогласникѣ она изображена подъ №№ 35, 36, 37, 239, 242. Не мало есть и духовныхъ стиховъ о страшномъ судѣ [3]). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ясно отражается вліяніе извѣстныхъ апокрифическихъ „Вопросовъ Іоанна Богослова Господу на Ѳаворской горѣ". Вотъ одинъ изъ этихъ стиховъ, болѣе выразительный и, сколько намъ извѣстно, нигдѣ еще не напечатанный:

«Страшный судъ наступыть,
Хто добре заробыть, той царства доступыть...

---

[1]) Ibidem.

[2]) Труды этнографическо-статистич. экспедиціи, Чубинскаго, т. I, 149—151. Въ виршахъ и стихахъ о грѣшной и праведной душѣ послѣ разлуки ея съ тѣломъ отразилось вліяніе извѣстнаго „Слова о видѣніи ап. Павла". (См. Сумцова, „Очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказ. и пѣсенъ", „Кіевс. Старина, 1887 г., Ноябрь, 423.

[3]) Метлинс., Народн. южнор. пѣсни, 272. Чубинс., Труды экспедиціи, 1 т., 220. Записки Юго-запад. отдѣла географич. общества, Матеріалы, 24, 31. „Кіевс. Старина", 1889 г., Сентябрь, 694.

А впадуть зорп зъ высокого неба,
Займеться море й глибоки крыныци,
А зирвуться витры—а дуже буйныи,
А позносять горы, що будуть ривныи.
Затрубыть янгелъ въ янгельскую трубу:
«Вставайте, умерши, до страшного суду!»
Ой якъ прыйшла жъ душа та до свого тила:
Гришный чоловиче, здайся зъ свого дила!
Ой на Сафатовий долыни, ой тамъ будуть люде,
Тамъ прынательство вытатыся буде:
Ой братъ изъ сестрою, а мужъ изъ жоною,
А сынъ зъ батькомъ, а маты зъ дочкою.
А сынъ видъ батька розлученый буде,
А маты зъ дочкою роздилена буде,
Що дочка заробыть, тамъ маты не буде.
Ой по ливий сторони будуть еретыкы стояты,
Ой тамъ будуть душамъ смолы пиддаваты,
А по правий сторони будуть янгелы стояты:
Ой не пыйте смоли, диждитеся воды!
Хто смолы напъеться, той въ пекло ввержеться,
Хто воды диждеться, въ раю зостанеться!» [1]).

Отдѣльныхъ изображеній рая и ада нѣтъ ни въ виршахъ, ни въ духовныхъ стихахъ. Встрѣчаются въ тѣхъ и другихъ разрозненныя указанія на адскія мученія, ожидающія грѣшниковъ на томъ свѣтѣ. Для насъ важны въ данномъ случаѣ народныя представленія о грѣхахъ, которые достойны адскихъ мученій. Любопытны въ этомъ отношеніи старинныя картины страшнаго суда, которыя до недавняго времени на югѣ Россіи составляли обычную принадлежность церковныхъ папертей. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской академіи есть нѣсколько такихъ картинъ, изображающихъ рай и адъ. Три изъ нихъ довольно значительнаго размѣра, не менѣе трехъ аршинъ въ длину (отъ верху до низу) и почти столько-же въ ширину. Лучше другихъ изъ этихъ трехъ сохранилась та, которая написана грубою кистью деревенскаго маляра и соста-

[1]) Записано въ с. Калюсикѣ, ушицк. у. подольской губ.

вляла собственность одной изъ сельскихъ церквей волынской губерніи.

Вотъ ея содержаніе.

На самомъ верху изображенъ Спаситель, предъ которымъ стоятъ съ правой стороны Богоматерь, съ лѣвой Іоаннъ Креститель, а за ними съ обѣихъ сторонъ ветхозавѣтные праведники, наслаждающіеся лицезрѣніемъ божественнаго судіи. Во второмъ ряду по срединѣ изображено евангеліе, раскрытое на страницѣ: „пріидите, благословенніи отца моего"... Надъ евангеліемъ крестъ, по сторонамъ евангелія два ангела, трубящіе въ трубы, по ту и по другую сторону—праведники новозавѣтные. Въ третьемъ ряду по обѣимъ сторонамъ налоя, на которомъ лежитъ евангеліе, изображено возстаніе изъ гробовъ: тутъ есть и сцена исповѣди предъ церковью, при чемъ дьяволъ искушаетъ исповѣдающагося,—и фигура человѣка, лежащаго въ постели, съ надписью: *лѣнивца до церкви*, котораго дьяволъ тащитъ въ адъ,—и смерть съ косою, къ ней приближается ангелъ съ мечемъ и дьяволъ съ рукописаніемъ.—Въ четвертомъ ряду, на самой срединѣ протянута изъ облаковъ рука, которая держитъ вѣсы: на правой чашкѣ вѣсовъ душа праведнаго человѣка; вѣсы поднялись вверхъ; на коромысло ихъ съ лѣвой стороны взобралась чорная мышь, а дьяволы вцѣпились въ лѣвую чашку вѣсовъ. Подъ вѣсами въ колесницѣ, запряженной дьяволами, сидитъ человѣкъ съ надписаніемъ: *судія неправдивій*; дьяволы тащатъ его въ адъ. Съ правой стороны вѣсовъ изображены Адамъ и Ева подъ яблоней, на которой извивается змѣй. Ближе къ вѣсамъ лики оправданныхъ душъ. Съ лѣвой стороны вѣсовъ толпа евреевъ, предъ которой сидитъ дьяволъ, спустивши ноги въ бездну адскую. Положеніе евреевъ довольно затруднительное, ибо рай далеко отъ нихъ—въ нижнемъ углу картины, на правой сторонѣ вѣсовъ. Какъ они дойдутъ туда? И дойдутъ-ли, не смотря на предводительство Моисея, который, впрочемъ, изображенъ дважды—здѣсь, въ четвертомъ ряду, и въ первомъ ряду, въ числѣ ветхозавѣтныхъ праведниковъ? Вопросы эти художникъ оставилъ открытыми... Въ пятомъ ряду съ правой стороны изображенъ рай въ видѣ зданія, предъ ко-

торымъ стоятъ оправданныя души, а предъ ними ап. Петръ, протягивающій ключъ къ дверямъ рая. Съ лѣвой стороны—разверстая пасть ада, въ которой дьяволы погоняютъ души грѣшниковъ, изображенныя въ два ряда по группамъ. Надъ первой группой перваго ряда надпись: *клеветникъ*, надъ второй—*вѣдьма*, надъ третьей—*наложница*. Надъ первой группой втораго ряда надпись: *чаровникъ*, надъ второй—*закрутка*, надъ третьей—*жито краде*, надъ четвертой—*кравецъ*, надъ пятой—*ткачъ*, надъ шестой—*мельникъ*. Каждая группа нарисована съ принадлежностями ремесла своего. Еще лѣвѣе—многое множество грѣшныхъ душъ стремглавъ низвергается въ адъ. Въ самомъ низу картины, подъ адомъ, помѣщено нѣсколько бытовыхъ сценъ съ соотвѣтствующими надписями. Сцена первая: группа состоитъ изъ четырехъ лицъ: на скрипкѣ играетъ музыкантъ, двѣ дѣвицы стоятъ въ парѣ, сбоку дьяволъ прикасается къ одной изъ нихъ когтистою рукою. Вверху надпись: *Дияволъ леститъ до танцевъ*. Сцена вторая: подъ деревомъ стоитъ женщина и отдаетъ дьяволу своего ребенка. Вверху надпись: *Та що дѣти тратила*. Сцена третья: по другую сторону того-же дерева крестьянинъ въ лаптяхъ собирается лѣзть на дерево, дьяволъ ему помогаетъ. Вверху надпись: *Пчели краде*. Сцена четвертая: дьяволъ тащитъ въ адъ тачку, въ которой сидятъ мужчина и женщина въ намиткѣ. Вверху надпись: *Кумъ и кума*.

Замѣчательно, что всѣ почти грѣшники, изображенные на этой картинѣ, обречены на адскія мученія главнымъ образомъ за правонарушенія общественнаго свойства. Что касается до обрядово-религіозныхъ и семейныхъ преступленій, то они не обрисованы здѣсь съ надлежащими подробностями, поэтому для дополненія картины мы должны обратиться къ произведеніямъ народной поэзіи, въ которыхъ съ бо́льшей ясностью выражены религіозныя воззрѣнія на семью, проникавшія въ народное сознаніе путемъ школьныхъ вліяній.—Изъ многаго выбираемъ немногое.

Такъ, въ одной галицкой колядкѣ рѣшается вопросъ: „Чому жъ такъ нема, якъ було давно?“—и затѣмъ изображаются отступленія отъ старины въ слѣдующемъ видѣ:

«Святамъ Ныколамъ пыва не варятъ,
Святамъ Рождествамъ службы не служатъ,
Святамъ Водорщамъ свичи не сучатъ.
Ой бо вже давно, якъ правды нема,
Бо вже ся цари повоёвалы,
А царь на царя вийсько збирае,
А братъ на брата мечемъ махае,
Ой бо сынъ витця до права тягне,
Донька на матиръ гнивъ пидпимае,
Ой бо кумъ кума зводыть зъ розума,
Сусидъ сусида збавляе хлиба» [1]).

Основная мысль этой колядки выражена въ словахъ: „ой бо вже давно, якъ правды нема“. Мы имѣемъ предъ собою идеалъ въ прошедшемъ, когда свято соблюдались порядки церковно-религіозные, семейные и общественные. Что-же было душей этихъ порядковъ? Иными словами, въ чемъ заключается по народнымъ представленіямъ идея правды?

Глубоко трогательный отвѣтъ на эти вопросы находимъ мы въ извѣстномъ духовномъ стихѣ о правдѣ.

Древнѣйшій варіантъ этого стиха, по нашему мнѣнію, тотъ, который начинается напоминаніемъ о смерти:

«Ой горе, горе на симъ свити жыты,
Боронь, Боже, смерты, буде Богъ судыты!» [2]).

Рѣчь идетъ далѣе объ отреченіи близкихъ людей отъ безсильнаго и больнаго человѣка:

«Якъ чоловикъ здоровъ, всякый его любыть,
Якъ лыха годына, родына одступыть».

По всему видно, что стихъ этотъ предназначенъ былъ для людей, которые извѣдали на опытѣ всю горечь жизни и подъ конецъ ея пришли къ разочарованію въ самыхъ дорогихъ надеждахъ и симпатіяхъ своихъ.

«Ой якъ тяжко-важко каминня лупаты,

грустно продолжаетъ пѣвецъ,

---

[1]) Головацкій, Народныя пѣсни, ч. II, стр. 21.

[2]) Записки юго-зап. отд. географич. общества, т. I, Матеріалы, 23. — „Кіевс. Старина, 1883, Февраль, 469.

Ой такъ тяжко-важко дитей годуваты:
Бо старая ненька диткы годувала,
Диткы годувала, ночи не доспала.
А тепера диткы на те не вважають,
Беруть отця-неньку, пидъ ногы вныжають.
Бо теперъ на свити така выйшла кара,
Що по всему свиту то вже есть неправда.
Бо тепера правда стоить край порога,
А тая неправда сыдыть кинець стола.
Бо тепера правду бьють та ругають,
А тую неправду трункомъ напувають.
Бо тепера правда сыдыть у темныци,
А тая неправда у панивъ въ свитлыци.
Бо тепера правда скризь закрыта,
Тильки есть прымита—на хрести прыбыта» [1].

Къ такимъ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ пѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнію „отцовъ и дѣтей“. Другой варіантъ того-же стиха начинается именно съ этихъ обобщеній:

«Нема въ свити правды!... Правды не зыскаты,
А звыкла неправда теперъ правдоваты!
Що вже теперъ правда слезамы рыдае,
А тая неправда зъ панамы гуляе.
Чы ты жъ, свята правда, умерла, чы ты заключена,
А чы ты, *маты ридна*, одъ насъ одреченна?
Нема въ свити правды!... Правды не зискаты!
Тильки въ свити правды, що ридный отець та маты».

Далѣе слѣдуетъ картина сиротской жизни, безъ отца и матери. Жалѣетъ сирота, что не далъ ей Богъ орлиныхъ крыльевъ, а то бы она полетѣла „до отця, до ненькы“. О трудностяхъ воспитанія дѣтей нѣтъ ни слова,—нѣтъ и жалобы на неблагодарность дѣтей. Пѣвецъ рѣзко переходитъ къ изображенію раздоровъ между младшими членами семьи:

«Уже жъ кинець вику и къ намъ прыблыжывся,
Хочъ ридного брата теперъ стережыся,—
Бо винъ хочъ и ридный братъ, то правды не мие,

[1]) „Кіевс. Старина“, 1889, Сентябрь, 683.

Винъ тильки устамы, якъ перамы, вие.
Изъ нымъ у судъ статы—правды не зискаты,
Тилькы срибломъ-златомъ судью насыщаты».

Заканчиваетъ пѣвецъ свой скорбный стихъ ободряющимъ воззваніемъ:

«Самъ Господь есть правда,
Сокрушыть неправду,
Сумырыть гордыню,
Вознесеть святыню!» [1]).

По смыслу того и другаго варіанта оказывается, что „нема правды" даже въ интимномъ мірѣ семейныхъ отношеній.—Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что подрываются эти отношенія не отцами, а дѣтьми, которые родителей своихъ не уважаютъ и сами между собою не ладятъ. Только одно родительское чувство, а именно чувство матери, остается неизмѣнно прочнымъ въ этомъ волнующемся морѣ вражды, которая подъ именемъ неправды царствуетъ въ мірѣ.

«А нема цвиту найновшого надъ тую макивочку,—
Да нема жъ роду найвирнишого надъ тую матиночку»,

говорится въ одной пѣснѣ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, по народнымъ представленіямъ мать есть символъ всепрощающей любви и безконечнаго самоотверженія. Она есть сама правда—такъ же вѣчно страдающая, какъ и та святая правда, которая была „на хрести прыбыта", поэтому и въ разбираемыхъ нами стихахъ правда называется *матерью рідною*, а мать въ свою очередь *правдою вирною*. Итакъ, правда есть ничто иное, какъ любовь, воплощенная въ лицѣ матери на землѣ, въ лицѣ Господа Бога на небѣ. Это, можно сказать, религіозное воззрѣніе на мать вылилось въ пѣсняхъ малорусскихъ съ такою силою и страстностію, что нельзя ни слушать, но даже читать ихъ равнодушно.

«Ой матинко, вишенько,
Що безъ тебе лышенько!

[1]) „Кіевс. Старина", 1883, Августъ, 769—770.
[2]) Лисенко, Збірникъ, вып. II, № 33.

Що тебе жъ ни купыты,
А ни заслужыты,
Що безъ тебе, ненько моя,
Горе въ свити жыты!
Що уже-жъ я й ходыла,
Уже жъ я й служыла,
Та не найшла тии ненькы,
Що мене родыла [1]).

«Маты наша, маты,

поется въ другой пѣснѣ,

де намъ тебе взяты?
Маляривъ наняты, матиръ змалюваты,
Поставыты матиръ на божничокъ въ хати...
На божничокъ гляну, то матиръ спомъяну,
Назадъ обвернуся, слезами зальюся,
На бикъ оглянуся, рукавомъ утруся!» [2])

Женскія роли въ семьѣ пѣсня распредѣляетъ такъ:

«Жинка для совиту, теща для прывиту,
Матинка ридна—лучче всего свиту» [3]).
(Вона)» родыла й болила,

присовокупляетъ другая пѣсня,

страдала, вмырала,
Кровъ пролывала, смертонькы бажала» [4]).

Теперь для насъ совершенно понятно, почему оскорбленіе отца и матери считается въ народной малорусской поэзіи величайшимъ преступленіемъ.

«Кого Богъ любыть, того й награждае,
А за отця и за матку сынъ Божый карае» [5]).

---

[1]) Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V. стр. 552, № 154.

[2]) Лисенко, Збірникъ, вып. I, № 23.

[3]) Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V. стр. 459, № 29.

[4]) Метлинскій, Народныя южнорус. пѣсни, 242.

[5]) Кобзарь Вересай далъ этому стиху такое названіе: „Пісня, що по несчастью живучы на свити спиваютъ". Зап. югозап. отд. географич. общества, т. I, Матеріалы, 24.

На этомъ мотивѣ построена прекрасная народная дума о вдовѣ и ея сыновьяхъ. Имѣла вдова

«трехъ сынивъ,
Якъ соколивъ:
Вона ихъ змалку годовала,
Зросту, славы, памъяты, спрожытку сподивала».

Оженились сыновья и, какъ видно, по наущенію женъ своихъ прогнали мать изъ дому:

«Не сыва зозуля закувала,
Якъ бидна вдова изъ свого дому выступала,
За слизамы свиту божого не выдала».

Принялъ ее къ себѣ добрый человѣкъ, „блызькый сусида“,—и вотъ на старости лѣтъ пришлось ей жить у чужихъ людей.

«Сталы люде тее зачуваты,
Сталы вдовыченькивъ на смихъ пидниматы».

По другимъ варіантамъ обрушились на нихъ всякія несчастія: „не ставъ имъ Господь ни въ чимъ помагаты“. Тогда сознали они тяжкій грѣхъ свой и пошли на чужой дворъ просить прощенія у матери.

«Боже мий мылый, Боже мий едыный,
Поможы ты мени сии диты опрощаты!»

Возвратилась она въ домъ свой, а вмѣстѣ съ тѣмъ

«Ставъ и Богъ, выдымо, имъ во всимъ помагаты».
«Тогди жъ то вони одынъ до одного стыха словамы промовлялы:
«Гляньте, браття!
Правду святе письмо свидчыть, высвидчае,
На всякый часъ моление показуе:
Который чоловикъ отця свого, матиръ штыть, поважае,
Тому Богъ на всякый часъ помагае»[1]).

Мы понимаемъ, что идеальныя черты матери далеко не всегда могли совпадать съ дѣйствительностію, но для насъ ва-

[1]) Содержаніе этой думы передано по четыремъ варіантамъ, помѣщеннымъ у Метлинскаго, Народн. южнорус. пѣсни, 345—354.

женъ поэтическій замыслъ—воспользоваться опытомъ жизни, чтобы создать въ образѣ матери нравственную силу, которая есть ничто иное, какъ сила любви, возстановляющей между людьми святую правду. Собственно говоря, это не есть сознательно поставленная формула жизни, выработанная на почвѣ правовыхъ или политическихъ отношеній. Но положительно можно сказать, что въ поэтическомъ настроеніи, которое мы подвергаемъ анализу, немаловажное значеніе имѣли земледѣльческія формы быта, въ которыхъ жилъ и донынѣ живетъ малорусскій народъ. По самому существу своему формы эти требуютъ больше труда, чѣмъ капитала, въ которомъ нуждаются преимущественно коллективныя предпріятія, осуществляемыя въ кооперації многихъ рабочихъ силъ, не связанныхъ между собою узами кровнаго родства. Отсюда—индивидуально-семейное начало составляетъ основу земледѣльческаго труда,—отсюда же индивидуальная свобода дѣйствій, которая приводитъ къ разногласіямъ. На этой почвѣ семейнаго индивидуализма единственной точкой опоры являлась идея любви въ лицѣ матери. За оскорбленіе этой беззавѣтной любви караетъ Господь, какъ за нарушеніе правды, надъ которой торжествуетъ неправда, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни. Весьма можетъ быть, что это міровоззрѣніе развивалось въ малорусскомъ народѣ по мѣрѣ неудачъ его въ общественно-политической жизни. Но, оставляя область гаданій, считаемъ нужнымъ установить то положеніе, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, вся народная этика сводится главнымъ образомъ къ такъ называемой семейной морали, основанной на чувствѣ родства, на взаимной симпатіи людей, близкихъ между собою по крови. Союзъ этихъ людей называется *родомъ, родыною*. При всей дробимости родовъ, т. е. семействъ въ дѣйствительной жизни, родство въ поэтическихъ представленіяхъ малорусскаго народа составляетъ своего рода культъ, можетъ быть, поддерживаемый самою этою дробимостію. Нужно испытать горькимъ опытомъ всю тяжесть единоличной борьбы за существованіе, безъ поддержки близкихъ людей, чтобы прильнуть страстной мечтой къ этимъ са-

мымъ людямъ, чтобы сознать всю незамѣнимость ихъ въ посторонней или чужой средѣ.

«Хочъ по шыю въ воду, та до свого роду,

говорится въ одной пѣснѣ,

Хочъ и обмочуся, въ роду обсушуся,
Таки зъ своимъ родомъ та повыдаюся»[1]).

И однако же привычка жить на свой страхъ, жить личною жизнію, остается во всей своей силѣ. Это одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыя нерѣдко совмѣщаются, какъ въ одномъ и томъ же лицѣ, такъ и въ цѣломъ народѣ,—одно изъ тѣхъ психическихъ раздвоеній, которыя служатъ источникомъ тревогъ и душевныхъ страданій. Отсюда эта тоскливая нота, проходящая чрезъ всю поэзію народную семейнаго содержанія. Чувство неудовлетворенности, неполноты счастія, составляетъ господствующую стихію ея.

Тѣмъ же чувствомъ проникнуты и вирши, съ которыми появлялись въ народъ представители школы.

Безъ сомнѣнія, реальною основой этихъ виршей была личная судьба самихъ виршеписателей, которые въ скитальческой жизни своей находили достаточно поводовъ къ жалобамъ на тежелое положеніе свое.

«Эй то якъ—то мени, маты, не хотилося бъ у чужий
сторони пробуваты!
Будуть мене люде знаты,
Будуть мене прышельцемъ называты»,—

говоритъ въ одной думѣ козакъ своей матери, отъѣзжая изъ родительскаго дома. По народнымъ понятіямъ, *хазяйскый сынъ*, *отецькый сынъ* пользуется полными правами гражданства въ своемъ околоткѣ, а *пришелецъ* есть лице загадочное: сегодня онъ здѣсь, а завтра тамъ,—для него не обязательно считаться съ мѣстными интересами, съ „поговоромъ и славою“ той среды, въ которой онъ очутился. Изъ такихъ-то *пришель-*

[1]) Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V, 474.

[2]) Записки югозапад. отд. географич. общества, т. I, Матеріалы, 14.

цевъ и состояла школьная братія, предлагавшая свои вирши народу. Неудивительно поэтому, если она въ этихъ виршахъ выражала тоску по родинѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда кому-нибудь изъ ея состава удавалось на чужой сторонѣ пристроиться недурно.

«Отче, отче, прибудь ко мнѣ,

говорится въ одной виршѣ,

Увесели сердце во миѣ, —
Прибудь, отче, на бракъ къ сыну,
Увиждь жену, мнѣ любиму».

Въ подобныхъ выраженіяхъ идутъ дальше обращенія къ матери и сестрамъ:

«Прибудте днесь, не смутѣтся,
Се бо братъ вашъ веселится» [1].

Еще тяжелѣе становилась жизнь на чужой сторонѣ, когда умирали близкіе люди на родинѣ.

«Тяжко та важко чоловикови въ чужий чужыни,
На чужий сторони,
Безъ отця, безъ неньки, безъ сердешного роду пробуваты» [2].

Та же мысль на разные лады развивается во многихъ виршахъ.

«Я, сырота, блукаюся,

говорится въ одной изъ нихъ,

родыны не маю,
На чужыни пробуваю и викъ свій теряю.
Ой якъ орелъ по-надъ поле повитремъ носится,
Такъ сырота на чужыни съ плачомъ веселится.
А якъ тяжко каменеви по води плываты,
Такъ сироти на чужыни горе пробуваты» [3].

---

[1]) Сборникъ Кобальчича, № 64.

[2]) Метлинскій, Народн. южнорус. пѣсни, 357.

[3]) Головацкій, Народныя пѣсни, ч. I, 376. Его-же ч. III, отд. 1, 313. Есть эта вирша и въ рук. церковно-археологич. музея при кіевс. акад. № 489, но въ искаженномъ видѣ.

Обычное содержаніе сиротскихъ виршей — жалобы на враговъ:

«Що я кому виноватъ, за що погибаю?
Нѣгде отъ злихъ человѣкъ спокою не маю,
Ненавидятъ, гонятъ, бьютъ, живцемъ пожнрають,
Якъ яструби на бедную птицу нападаютъ,
Нѣ скритися не могу, нѣ явно прожити,
Явно гонятъ, тайно бьютъ, подкладуютъ сѣти,
Лютимъ огнемъ, яростію палаютъ безъ мѣри,
Метаются на мене, якъ лютіе звѣри,
А що кому за вина, якая причина?
За то гонятъ, за то бьютъ, що я сиротина» [1]).

Ближе къ народному настроенію стоитъ псальма, распѣваемая и теперь лирниками и извѣстная подъ названіемъ „Сыритка“. Начинается она размышленіемъ о происхожденіи сиротства:

«Дывная годына на свити настала:
Не одна сыритка безъ мамки зосталась,
Отець пару знайде, буде въ парн жыты,
Нещасни сироты пидуть пречъ служыты».

Вотъ пошла сирота „по свиту блукаты“. Встрѣчаетъ ее самъ Господь Богъ и спрашиваетъ ее, куда идетъ она?—„Иду, говоритъ сирота, матери шукаты“.—Не найдешь ты своей матери, отвѣчаетъ ей Господь Богъ, „спочивае вона въ гроби“. Приходитъ сирота на могилу матери своей и, рыдая, жалуется ей на свое житье горькое. Совѣтуетъ ей мать обратиться къ мачехѣ, чтобы она ей „сорочку сшыла и головоньку змыла“: Мачеха, какъ мачеха, во всемъ отказала бѣдной сиротѣ, да еще и „по сусидахъ ии обсудыла“. Такая ужъ доля сироты:

«Хоць сырота робыть, робота ий ни защо,
Все говорять люде: сырота ледащо».

Заканчивается эта трогательная псальма изображеніемъ блаженства сироты въ раю и мученій злой мачехи въ аду [2]).

---

[1]) Рукопись церковно-археологич. музея, № 489. Сборникъ Кибальчича № 66. См. также Головац. Народн. пѣсни, ч. I, 357, Чубинс Труды экспедиціи, V, 448.

[2]) „Кіевс. Старина“, 1889 г. Сентябрь, 685. Головац. Народн. пѣсни, ч. III, отд. 1, 272.

Не мало есть въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ другихъ подобныхъ псальмъ, въ которыхъ выражаются горестныя чувства людей „бездольныхъ и безщасныхъ". Цѣлый вѣкъ свой они искали счастія и, вопреки завѣту евангельскому: „ищите и обрящете", нигдѣ не находили его, можетъ быть, потому что не всегда искали его тамъ, гдѣ слѣдуетъ [1]). Въ объясненіи этихъ неудачъ составители псальмъ слѣдуютъ отчасти старинамъ представленіямъ народнымъ о доброй и лихой долѣ, при чемъ та и другая дается человѣку при его рожденіи [2]). Поэтому

«Хто на семъ свѣтѣ без долѣ вродился,
Тому свѣтъ марне, якъ коломъ точился.
Лѣта плинуть марне, як бистрие рѣки,
Часи молодие, як з дожджу потоки,
Все то марне минаетъ»[3]).

По видимому, нечего гоняться за вѣтромъ въ полѣ, т. е. добиваться того, что одинъ только разъ дается человѣку, и чего въ другой разъ получить уже нельзя. Такое признаніе мы постоянно встрѣчаемъ въ псальмахъ,—и однако же составители ихъ неутомимо ищутъ доли или-же, въ крайнемъ случаѣ, сожалѣютъ, что орлиныхъ крыльевъ для этихъ поисковъ не имѣютъ. Конечно, они не соединяли съ словомъ *доля* мифическихъ представленій, отчасти и донынѣ живущихъ въ народѣ. Для нихъ *доля* была простымъ олицетвореніемъ случайнаго сцѣпленія благопріятныхъ обстоятельствъ. Стоя на этой болѣе раціональной почвѣ, они воображали, что каждый человѣкъ до извѣстной степени есть самъ для себя доля, что источникъ счастія заключается во внутреннемъ самоудовлетвореніи труждающагося и притомъ честнаго человѣка. Эта мысль пробивается въ

[1]) Сюда относится псальма въ сборникѣ Кибальчича подъ № 63, а также у Головац., Народныя пѣсни, ч. III, 1, 83, у Чубинс., Труды экспедиціи, т. V, 476, № 62.

[2]) Метлинс., Народныя южнорус. пѣсни, 108, 144, 278.

[3]) „Кіевская Старина", 1889 г., Мартъ. Эта псальма подъ заглавіемъ „Пѣснь о свѣтѣ" напечатана здѣсь по галицкой рукописи, помѣченной 1751 годомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы видѣли во Львовѣ, у каноника о. Антонія Петрушевича, школьный сборникъ, списанный въ 1783 г. Здѣсь сочинителемъ этой псальмы названъ нѣкто Падальскій. Въ томъ же сборникѣ есть любопытная „Пѣснь моральна о плачливомъ станѣ нашого студента", которой, къ сожалѣнію, мы не успѣли списать.

нѣкоторыхъ псальмахъ въ видѣ поздняго раскаянія въ собственныхъ ошибкахъ:

«Годи вамъ шумиты, зеленыи лугы!
Годи млиты сердцю моему зъ несносноп тугы!
Якъ цвиты прекраспып скоро одцвитають,
То такъ насъ молодыи лита скоро покыдають.
Пройшлы лита скоро, якъ быстрыи рики,
А я жыву нры нещасти черезъ уси вики.
Вюють витры въ степу—запрету не мають:
Идуть мысли въ день и въ нощи—спокою не дають.
Старость моя й жызность! Не могу терпиты,
Що я не вмивъ молодымы литамы владиты».

Какъ на выходъ изъ этого положенія, псальма указываетъ на удаленіе отъ міра, на бѣгство „въ темныи лугы, въ степы и въ пустыни“ [1]).

Такихъ бѣглецовъ было много въ старинной Малороссіи. Одни изъ нихъ стремились въ запорожскую Сѣчь, которая становилась для нихъ матерью, а „Велыкый лугъ — батькомъ“. Другіе направлялись въ степи и въ дикія поля, на которыхъ можно было при счастьи и отвагѣ поразить врага и отнять у него богатую добычу. Были, наконецъ, и такіе, которые уходили отъ тревогъ жизни въ пустыни, чаще—въ монастыри, какъ говорится объ этомъ въ одной задушевной псальмѣ:

«Не пиду у мыръ,
Пиду въ монастыръ,
Щобъ душу спасты,
Щобъ Господь простывъ» [2]).

Таковы въ общихъ чертахъ нравоучительные мотивы, широко развитые въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ и вполнѣ совпадающіе съ народнымъ міровоззрѣніемъ. Для насъ важнѣе всего въ данномъ случаѣ документально убѣдиться въ томъ, что старинная малорусская школа принимала живое и непосредственное участіе въ выработкѣ этого міровоззрѣнія.

П. Житецкій.

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1882 г. Августъ, 281. Есть эта псальма и въ сборникѣ церк. арх. Музея при кіевск. акад. № 489.

[2]) Метлинскій, Народныя южнорус. пѣсни, 372.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

Сочиненіе Потебни „*Къ исторіи звуковъ русскаго языка*“ (4 части) представляетъ рядъ этимологическихъ статей и замѣтокъ, написанныхъ съ 1878 г. по 1883. Въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ рѣдко встрѣчаются ссылки на это сочиненіе, и этнографы легко могутъ упустить его изъ виду, отнести въ разрядъ сочиненій спеціально филологическихъ, по имени автора, извѣстнаго филолога, по общему заглавію, указывающему исключительно на фонетику и въ особенности потому, что самая крупная по объему часть изслѣдованія — первый выпускъ — имѣетъ исключительно лингвистическій характеръ. Въ этнографическомъ отношеніи значительный интересъ представляютъ 2, 3 и 4 части. Отмѣтимъ здѣсь все существенно важное по части фольклора, выдѣляя главное на первое мѣсто и относя къ концу статьи мелочи.

На первомъ мѣстѣ по величинѣ и научной цѣнности стоитъ статья: „*Село, деревня и т. п.*“ (IV, 1—48), статья важная для филолога, этнографа, историка быта и права. Содержаніе статьи, въ короткихъ словахъ, съ пропускомъ всѣхъ лингвистическихъ деталей и всѣхъ выписокъ изъ древнихъ юридическихъ памятниковъ, состоитъ въ слѣдующемъ: Село не позже чѣмъ въ половинѣ X вѣка имѣетъ уже значеніе населеннаго мѣста, съ жилыми и хозяйственными постройками. Между прочимъ, бытовое значеніе села, какъ усадьбы, согласно съ нынѣшнимъ малорус. оселя—дворъ, самое жилье. Основными значеніями села П. счи-

[1]) См. Кіевск. Старина 1892 г., № 2.

таетъ поле, участокъ земли. Мѣстами, напр. въ Новгородскомъ краѣ, подъ названіемъ „село земли“ могъ разумѣться участокъ земли опредѣленной мѣры. Синонимомъ села въ древнихъ юридическихъ памятникахъ служитъ земля въ узкомъ значеніи слова, участокъ объединенный владѣніемъ. Съ такимъ же значеніемъ встрѣчаются слова селище („пооралъ моего селища полосу“), участокъ, выть, обжа, волока, гоны (земля разной величины, пахатная, сѣнокосная, лѣсная). Слово деревня отъ корня дар, драти—пахать лѣсную новину первоначально означало очищенное отъ лѣса мѣсто для нивы, потомъ пахатное поле, участокъ земли съ однимъ дворомъ, причемъ говорилось: жить на деревнѣ, а не въ деревнѣ и, наконецъ, сельцо, небольшое поселеніе безъ церкви. Въ малорусскомъ языкѣ слово деревня означаетъ: 1) домъ, 2) въ собирательномъ смыслѣ—бревна и деревянныя издѣлія (возы, плуги, ярма, грабли, оси), за исключеніемъ посуды. Съ великорусской деревней (въ значеніяхъ росчисти, нивы, поселенія) сходны: дерюга (росчисть), доръ (сѣнокосъ, пастбище), дорище (земля съ покосомъ), подсѣка (росчисть), пасѣка (нива на пасѣкахъ, огороженный или заповѣдный лѣсъ, пчельникъ въ рощѣ и потомъ вообще), осѣкъ (ограда изъ срубленныхъ деревьевъ, росчисть подъ пашню), сѣча (=осѣкъ, укрѣпленіе — запорожская Сѣча, росчисть подъ пашню и подъ жилье), чертежъ (росчисть), околодокъ (дворы близъ пасѣки), пожега, починокъ (новая пашня въ лѣсу, дворъ, выселокъ), застѣнокъ. При словѣ застѣнокъ находится этюдъ объ архаическихъ формахъ крестьянскаго землевладѣнія. Въ этотъ этюдъ вошли объясненія словъ и понятій волость, ополье, кругъ, круговая порука, дикая вира, сябры, волоки (пашни), стѣны (границы волокъ), и замѣтки о юридическихъ терминахъ, связанныхъ съ полѣсскимъ или волынскимъ селомъ XVI в. (чиншевые волоки, обрубъ, застѣнки—отдѣльныя нивы—росчисти=велик. дерюги, воля—большой обрубъ полей, предназначенныхъ къ раздачѣ, безъ поселенія). Нынѣ застѣнокъ, zaściaпek—хуторокъ съ дворомъ.

Къ отмѣченнымъ случаямъ перехода значеній въ село, деревня, починокъ, застѣнокъ отъ незаселеннаго мѣста къ засе-

ленному Потебня добавилъ еще два слова: корчма (домъ, дворъ на корчмѣ, на корчевьѣ), dorf (др. вн. thorp, теребить, корчевать и пр.).

Сдѣлавъ обзоръ словъ село, деревня и родственныхъ, Потебня замѣчаетъ, что нѣкоторыя черты общиннаго землевладѣнія представляются болѣе древними, чѣмъ обособленіе славянскаго племени, именно: свобода волости, т. е. то, что права волости на свою землю съ угодьями ограничены только правами сосѣднихъ волостей (die freie mark). Въ волости сочетались три способа пользованія землей: а) земля дѣлимая повытно, поля, обрубъ въ стѣнахъ волокъ, б) особина, починки, дерюги, застѣнки и в) немѣренная земля: угодья, уходы, ухожаи и пр. Величина выти (въ поляхъ) полномочнаго земледѣльца была приблизительно одинакова въ Россіи, Англіи и Германіи.

Въ видѣ прибавленій помѣщено два небольшихъ этюда: 1) о величинѣ и протяженіи села по свидѣтельству Тацита, Прокопія, русскихъ лѣтописей, въ связи съ тѣмъ какъ расположены села въ настоящее время въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ старина уцѣлѣла. Села растянуты въ линію на большомъ протяженіи и состоятъ изъ многихъ раскинутыхъ деревенекъ, и 2) о величинѣ и дѣлимости семьи въ зависимости отъ внѣшняго положенія селъ. При разбросанности дворовъ и трудностяхъ подсѣчнаго хозяйства только большая семья, выставлявшая нѣсколько работниковъ, обезпечивала существованіе, а при извѣстномъ душевномъ строѣ удовлетворяла и душевнымъ потребностямъ. Съ увеличеніемъ населенія возникло съ одной стороны стремленіе къ селамъ, съ другой—къ дробленію семей, въ Малороссіи составляющему правило. Нѣкоторыя побужденія того и другого выразились довольно ясно въ малорусскихъ нравахъ и пѣсняхъ. „Малорусскому простолюдину, говоритъ Потебня, столь же ясна хозяйственная польза большихъ нераздѣленныхъ семей, какъ и образованнымъ людямъ, писавшимъ объ этомъ; но не менѣе ясна ему несовмѣстимость такихъ семей съ душевнымъ миромъ“. Далѣе приведено нѣсколько малорусскихъ и великорусскихъ пѣсенъ о положеніи молодой замужней женщины въ семьѣ мужа и ея желаніяхъ,

напр. въ малорусской пѣснѣ дѣвушка требуетъ: „збудуй хату зъ лободы, та въ чужую не веды! Чужа хата такая, якъ свекруха лихая. Хочъ я буду сама жить, абы людямъ не годыть", а замужняя женщина проситъ своего мужа любить ее, потому что она не наймычка, а кгаздыня. „Только село въ новомъ смыслѣ слова (а при болѣе сложныхъ формахъ жизни только городъ) удовлетворяетъ и любви къ личной независимости, и потребности въ обществѣ... Недаромъ село, конечно въ новомъ смыслѣ, сопоставляется (въ пѣсняхъ) съ весело. Женщинѣ можно по крайней мѣрѣ „пійты до сусиды огню" и отвести душу.

Второе мѣсто по величинѣ, обилію фактическихъ данныхъ и научной обработкѣ ихъ занимаетъ статья „*Слѣпородъ*,. *ślepy Mazur*, *Случичъ*" (въ III, 68—83). Потебня сначала приводитъ указаніе Гримма о названіи гессенцевъ и швабовъ слѣпыми, Вельфовъ — щенятами, затѣмъ болѣе подробныя данныя изъ статьи Либрехта „Zur Sage vom Romulus und den Welfen" о преданіяхъ римскихъ, турецкихъ и др. о вскормленіи праотца волчицей. Далѣе слѣдуетъ самостоятельный подборъ славянскихъ фольклорныхъ фактовъ: 1) польскія повѣрья и пѣсни о слѣпородахъ псахъ мазурахъ; 2) великорусскія повѣрья и сказки о слѣпородахъ вятичахъ и пошехонцахъ; 3) германскія (съ XIII в.) и русскія бранныя выраженія—zohen sun, с..... сынъ, суча дочка и пр. т. п., свидѣтельствующія о томъ, что времени презрѣнія къ животнымъ предшествовало время, когда человѣкъ ставилъ ихъ въ уровень съ собою; 4) краткій обзоръ сказокъ о подмѣнѣ чудесныхъ дѣтей щенятами; 5) подробный разборъ сказокъ о Сучичѣ и его близкихъ родственникахъ (Иванъ Попяловъ, Поповичъ дурень, Кошкинъ, Бурхраберъ, Семилитокъ и др.). Со сказками о Сучичѣ сближены сказки о бросаніи богатыремъ сапога и свидѣтельства южнорусскихъ писателей XVII в. Эриха Ласоты и Кальнофойскаго о богатырѣ Чоботкѣ; 6) сжатый, но весьма содержательный обзоръ сказочныхъ мотивовъ о другомъ героѣ животнаго происхожденія Медвѣдкѣ, Медвѣжьемъ ухѣ и пр.

Въ статьѣ Потебни затронуто много важныхъ фольклорныхъ вопросовъ и для рѣшенія ихъ подобранъ богатый факти-

ческій матеріалъ; но матеріалъ этотъ можетъ быть еще значительно расширенъ. На с. 77 Потебня замѣчаетъ, что слово богатырь есть послѣ-татарскій переводъ болѣе древняго слова съ тѣмъ же значеніемъ: хоробръ. Это мнѣніе подробно развито *М. Е. Халанскимъ* въ дисертаціи о великорусскихъ былинахъ кіевскаго цикла (1885 г.) на стр. 15—24 (много подтвержденій изъ письменныхъ памятниковъ и былинъ). О чоботкѣ см. замѣтки г. *Халанскаго* въ соч. о былинахъ с. 101—102 и г. *Каллаша* во II кн. Этногр. Обозрѣнія 1890 г. с. 256—257. Обширную литературу о Медвѣдкѣ, указанную въ выноскахъ Потебни, мы можемъ дополнить слѣдующими указаніями: *Cosquin*, Contes populaires de Lorraine I № 1 (франц. сказка), *Chelchowski*, Powiesci № 34 (польск.); *Манжура*, 43; *Kolberg* Pocucie IV, 177 (малор.); *Добровольскій*, Смолен. Этногр. Сборн. с. 405 (коровій сынъ), 410 (кобылячій), 416 (собачій), *Hahn*, Grieh. und alb. Märchen № 14 (козій), 31, 41, 100 (змѣи) *Верещагинъ* 133 (вотяцкая сказка); *Садовниковъ*, сказки и преданія самарск. края § 34; *Вукъ Караджичъ* припов. № 1; *Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монголіи II 161—164 (сынъ ослицы, свиньи, быка); *Сборн. матер. о нар. Кавказа* IX, 189 (коровій сынъ).

Во II 3—12, III 123—129 *объясненіе пѣсни о соколѣ и конѣ* (споръ о быстротѣ и объясненіе, почему соколъ замѣшкался), обширный и цѣнный этюдъ по сравнительной литературѣ. Съ великор. пѣсней о соколѣ и конѣ, взятой изъ рукописи М. Е. Халанскаго, сопоставлены мал., серб., болгар., польск. и нѣкот. др. Потебня высказываетъ предположеніе, что мотивъ о посольствѣ орла (сокола) и коня и мотивъ о спорѣ коня съ соколомъ стоятъ въ тѣсной связи съ мотивомъ о смерти козака (героя вообще), находятся въ зависимости отъ послѣдняго мотива. Въ доказательство приведено много пѣсенъ изъ печатныхъ источниковъ и частныхъ неизданныхъ сборниковъ. Мотивы весьма распространены и, судя по этому, глубоко древни. Ранѣе Потебни пѣснями о соколѣ и конѣ интересовался *Новицкій*, напечатавшій въ 76 № Кіевскихъ Губерн. Вѣдомостей 1871 г. три варіанта малорусской

пѣсни о состязаніи коня съ орломъ. Новицкій относилъ эту пѣсню къ козацкому періоду южнорусской исторіи. Замѣтка Новицкаго осталась Потебнѣ неизвѣстной. По новизнѣ варіантовъ и дѣльнымъ примѣчаніямъ издателя эта замѣтка до настоящаго времени сохранила научное значеніе и можетъ служить полезнымъ дополненіемъ къ цѣнному этюду Потебни.

Во II 13—22 и въ III ч. 16 *объясненіе веснянки „Тума танокъ разводыть“*. (Т. не видитъ въ числѣ танцующихъ Рожи-спáжи. Мать чесала Рожу и совѣтовала ей не довѣряться тумѣ). Веснянка записана Потебней на родинѣ, въ с. Перекоповкѣ роменск. уѣзда. Указаны сходные варіанты малорус., великор., сербскіе и болгарскіе (III 16—18). Приведены разныя значенія сл. тума: человѣкъ, происшедшій отъ помѣси татарской и русской крови, ненадежный, полуумный, придурковатый. Объясненіе значенія сл. Рожа-спáжа (Роза госпожа). Любопытный подборъ малор., великор. бѣлор. и сербскихъ народныхъ пѣсенъ на мотивъ: *чесаніе и заплетанье косы и завиванье кудрей, какъ обычный образъ материнской любви*. Къ мѣсту приведены повѣрья, что домовой, любя лошадь, завиваетъ ей косы, и гаданія на завитье волосъ. Потебня веснянку „Тумá танокъ разводыть“ и пр. сначала разсматриваетъ съ исключительно малорусской точки зрѣнія, какъ величанье дѣвицы, а потомъ привлекаетъ къ сравненію бѣлор. и серб. пѣсни и склоняется къ мысли, что въ разбираемой пѣснѣ можетъ заключаться предсказаніе замужества дѣвицы.

Въ статьѣ о веснянкѣ „Тума и пр.“ находится маленькая, но любопытная деталь: объясненіе начальнаго образа пѣсни „Ой ты, селезню, косы части! Хто жъ тоби косыци завивавъ?— Завивала мини утинка“... природнымъ явленіемъ, отмѣченнымъ С. Аксаковымъ въ „Зап. руж. охотника“, что дикая утка, чтобы усыпить селезня, тихо и долго щекочетъ его спину: народъ думаетъ по примѣненію къ себѣ, что селезень любитъ искаться въ головѣ.

Во II 1—2 *замѣтка о пѣснѣ „якъ не женывся, то и не журывся“*, записанной Потебней въ волчанск. у. харьк. губ. (мужъ покупаетъ корабль и пускаетъ на немъ жену въ море,

вскорѣ проситъ вернуться, накормить сына; жена отказываетъ за побои). Потебня указываетъ на сходную великорус. пѣсню. Замѣтка краткая. Потебня, вопреки своему обычаю, не останавливается на деталяхъ пѣсни, въ числѣ которыхъ есть два характерныхъ выраженія: „ни до звичаю до йобычаю“, „мила сидыть-якъ свѣча горыть“. Любопытно слѣдующее общее замѣчаніе Потебни въ началѣ замѣтки: „Смежность населеній великорусскаго и малорусскаго, напр., въ харьк. и курск. губ., какъ извѣстно, не осталась безъ вліянія на пѣсенность того и другаго. Не говоря объ исконномъ сродствѣ и о явныхъ заимствованіяхъ, есть пѣсни, которыя до дальнѣйшаго изслѣдованія могуть быть отнесены къ третьему разряду, не представляющему несомнѣнныхъ признаковъ ни исконнаго сходства, ни заимствованія. Изъ этого разряда иное можетъ быть современемъ отнесено къ первому, иное—ко второму, но кое-что и окончательно сочтется образованіемъ промежуточнымъ, заимствованіемъ не буквы, а духа, возникшимъ именно въ сумежьѣ“.

Въ IV 79 находится интересная замѣтка о малорусскихъ пѣсенныхъ *выраженіяхъ чистоты* (хаты, постели), именно: „Ой не литай, мудрагелю, по пидъ чорну стелю, не пороши миленькому чистую постелю“. „Милый образъ, поясняетъ Потебня, постель такой бѣлизны, что на ней будетъ замѣтна даже пылинка сажи, отбитая отъ потолка курной хаты врыломъ ночнаго мотылька“; варіантъ: „прилетивъ шершень зъ стели, та впавъ на постели“. Къ хатѣ некурной относится изображеніе чистоты вѣнка и стели (якъ паперъ била).

Въ III 21—24 *о различеніи зари и свѣта*, вообще разныхъ степеней утренняго свѣта—рядъ примѣровъ изъ пѣсенъ малор., великор., серб., словац., болг., литовскихъ. Сюда вошло объясненіе малор. загадки: „одно каже свитай Боже“ и пр. Отмѣчено нѣсколько любопытныхъ деталей въ народныхъ опредѣленіяхъ свѣта, напр.: „въ малор. различается не только заря-aurora отъ свитъ, билый день; но и въ самой зарѣ ея начало: „ще тілько зоріе“. Эти объясненія пріурочены къ выраженію Слова о п. Игоревѣ „заря свѣтъ запала“, которое П. читаетъ: заря свѣтъ заповѣдала. Комментарій выходитъ за предѣлы ча-

стнаго случая, приподнимаетъ крайчикъ завѣсы съ народнаго міросозерцанія, освѣщая цѣлый рядъ прекрасныхъпѣ сенныхъ мѣстъ.

Въ IV 83 находится *объясненіе поговорки „онъ собаку съѣлъ“* существованіемъ сказки о косарѣ, съѣвшемъ собаку на косовицѣ. Сказка записана Потебней въ Кочеткѣ зміевскаго у. (Харьк. губ.). Объясненіе сомнительное. Ранѣе не было отмѣчено сказки такого рода, и м. б. сказка сложилась подъ вліяніемъ поговорки, а не наоборотъ.

Въ IV 84—85 объясненія *поговорки „пропавъ ни за цапову душу“* (т. е. даромъ). Четыре возможныхъ толкованія, и всѣ сомнительны.

Въ IV 86 объясненіе выраженія *„за чистую бѣлку“* (пропасть) — за настоящую цѣну. Воспоминаніе о томъ времени, когда бѣличій мѣхъ замѣнялъ еще металлическую монету.

Въ III 19—20 *замѣтка о повѣрьѣ, что каня проситъ дождя*, pragnie jak kania dźdźu. Исходя изъ славян. названій для коршуна пилюхъ, П. находитъ возможнымъ объяснить повѣрье жалобнымъ крикомъ коршуна піи или пію. Такъ какъ этотъ крикъ чаще слышится въ сухую погоду, когда коршуну больше добычи (онъ кричитъ паря́), то изъ этого одного могло родиться распространенное повѣрье, что каня проситъ дождя, такъ какъ пьетъ только ту воду, что ей канетъ въ ротъ, а съ земли не беретъ. Но далѣе П. говоритъ, что повѣрье это не должно быть объясняемо изъ однихъ славянскихъ данныхъ, ибо подобное повѣрье многократно упоминается въ памятникахъ санкритскихъ относительно чатака (cuculus melanolencus) и павлина (слѣдуютъ примѣры). Жажда, приписываемая этимъ птицамъ, легко могла быть понята, какъ тоска, горе. Крикъ орла въ томъ же родѣ, но только рѣзче (затѣмъ у П. слѣдуетъ прекрасная малор. пѣсня „Ой летивъ орелъ та по надъ моремъ“). Этотъ этюдъ любопытенъ, какъ одинъ изъ многихъ характерныхъ образцовъ методологическаго пріема Потебни отъ частнаго лингвистическаго факта восходить къ цѣлому ряду народныхъ психологическихъ и литературныхъ явленій.

Во II ч. на стр. 5 находится интересна замѣтка о *названіи извѣстнаго созвѣздія Возомъ и Большой Медвѣдицей.*

Потебня полагалъ, что названіе созвѣздія произошло отъ скр. арка—лучъ солнца, огня, хвалебная пѣснь, арчати—испускать лучи, восхвалять пѣснею. Въ силу ли забвенія этимологическаго значенія свѣта въ названіи созвѣздія (мнѣніе М. Мюллера) или, что П. считаетъ болѣе вѣроятнымъ, въ силу апріорнаго заключенія отъ однозвучности словъ къ сходству обозначаемыхъ имъ предметовъ (ркша-медвѣдь), созвѣздіе, первоначально представлявшееся возомъ у грековъ, римлянъ, германцевъ, славянъ, литовцевъ и, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, индійцевъ, стало представляться медвѣдемъ или медвѣдицей, къ коимъ греки прибавляли еще вожака (Арктуръ). Если вѣрно мнѣніе Потебни, что Большая Медвѣдица первоначально называлась Возомъ, то замѣна названія во всякомъ случаѣ относится къ очень древнему времени, такъ какъ названіе созвѣздія ἄρκτος (медвѣдь) встрѣчается уже у Гомера, наряду съ болѣе народнымъ и быть можетъ болѣе древнимъ названіемъ ἅμαξα—возъ (*Pictet*, Les orig. indoeurop. II 581), малор. Визъ, нѣм. Wagen. Въ параллель къ объясненію названія созвѣздія Б. М., предложенному Потебней, приведу старинное объясненіе, вычитанное мною у *Bailly* Histoire de l'astronomie 1781 изд. 2, т. I стр. 426, 441: Созвѣздія Большой Медвѣдицы и Малой Медвѣдицы имѣли большое значеніе для грековъ и въ особенности для финикіянъ во время мореплаваній. У грековъ М. М. называлась финикійскими звѣздами, какъ постоянный компасъ финикійскихъ мореплавателей. Финикіяне Б. М. называли довеве или доиве, что значитъ говорящее; такъ какъ слово доиве въ финикійскомъ языкѣ означало и медвѣдицу, то произошло смѣшеніе названій и предметовъ, и греки приняли названіе Б. М. У арабовъ и въ настоящее время созвѣздіе это называется dubbeh—медвѣдица. Это объясненіе названія созвѣздія Б. М. представляется болѣе вѣроятнымъ. Если принять его, то часть объясненія Потебни—санкритское корнесловіе—устраняется, а часть—о первоначальности названія созвѣздія Возомъ остается. Въ обоихъ случаяхъ украинское и др. тожественныя названія созвѣздія Возомъ сохраняютъ большую древность.

Во II на стр. 15—17 находится гипотеза Потебни *о значеніи и происхожденіи слова Русь*. П. говоритъ, что корень этого слова принадлежитъ корнямъ или совсѣмъ забытымъ, или крайне затемненнымъ. Принимая, что ру—ар передъ согласною, Потебня слова Рус-ь, Рус-инъ сближаетъ, за исключеніемъ суфиксовъ, съ санскр. ршабha—быкъ (=арсабha), зенд. аршан, аршана—самецъ, мужъ, греч. ἄρσην—мужескій, мужественный. При такомъ толкованіи рус-инъ значитъ мужъ, а рус-ь—собирательное мужи, и оба слова представляются вполнѣ туземными. Далѣе Потебня высказываетъ мнѣніе, что лѣтописное сообщеніе подъ 6370 г. о призваніи Руси заключаетъ въ себѣ глоссу составителя лѣтописнаго свода. Возможно, что Варяги, пришедши въ Русь, стали называться Русью, т. е., такими же мужами, воями, какъ и туземные... Во всякомъ случаѣ вѣроятно, говоритъ П., что лѣтописное свидѣтельство о призваніи, какъ это принимаетъ Д. И. Иловайскій, нѣкогда звучало иначе, напр., такъ, какъ читается въ лѣтописцѣ патріарха Никифора: „при сего (Михаила) царствѣ придоша Русь: Чудь, Словенѣ, Кривичи къ Варягомъ", которые стало быть не были Русью. По моему гаданію, продолжаетъ Потебня, и на югѣ не было племени съ именемъ Руси до того времени, когда многія племена объединились подъ этимъ именемъ и появился народъ русскій. Русь въ смыслѣ мужей, т. е. воевъ и гостей, выходила изъ разныхъ племенъ, но преимущественно изъ крайнихъ, болѣе сталкивавшихся съ иноземцами. Переходъ слова Русь отъ значенія состоянія къ значенію народа, отъ представителей къ представляемымъ, есть предположеніе, напоминающее былое. Такъ изъ козаковъ, бывшихъ первоначально людьми малыми въ смыслѣ количества, но не въ смыслѣ бродила, вышелъ въ XVII в. „людъ козакорусскій"...

Въ другомъ смыслѣ толкуется лѣтописное мѣсто о призваніи Руси въ статейкѣ г. Соболевскаго „Нѣсколько мѣстъ въ начальной лѣтописи", помѣщенной въ V кн. „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ лѣтописца Нестора". Г. С. читаетъ такъ: „Рѣша Руси (т. е. Варягамъ) чудь, словѣне и кривичи вся: земля наша велика". Очевидно, что это филологиче-

ское толкованіе ведетъ къ совсѣмъ другимъ историческимъ комментаріямъ.

Въ IV 71—80 *о названіяхъ болѣзней: дна, усовь, гостець.* Дъна упоминается въ лѣтописи подъ 1152 г. Потебня указываетъ на сходныя славянскія названія: польск. dna—ломота, чеш., слов., хорв. и хорут. dna—колика, серб. бедено. Не стоитъ ли въ родствѣ съ этими словами малор. данье? Усовь сближена съ сути, сулица и др.—означаетъ колотье. При объясненіи гостця принято во вниманіе демоническое значеніе этой болѣзни, въ связи съ повѣріями въ домоваго, der Mahr, der Alp. Въ 1891 г. вышло сочиненіе *Зибрта* „Skřitek v lidovem podani staročeskem". Здѣсь на стр. 22—31 собрано много новыхъ матеріаловъ о демонѣ колтуна въ повѣрьяхъ чеховъ и поляковъ. Приведены народныя лѣчебныя средства отъ колтуна, старинныя и современныя. Демоническія повѣрья о колтунѣ у народовъ Западной Европы, чеховъ и поляковъ изложены со многими выписками изъ старыхъ памятниковъ. Статья Потебни г. Зибрту была неизвѣстна. Статьи Потебни и Зибрта дополняютъ одна другую; въ обѣихъ статьяхъ матеріалъ богатый, новый и оригинальный. При этихъ статьяхъ моя краткая замѣтка о гостцѣ въ „Культурныхъ переживаніяхъ" не имѣетъ значенія.

Во II ч. на стр. 18, 21 и въ III 122 находятся *объясненія нѣкоторыхъ темныхъ словъ въ думѣ о бѣствѣ трехъ братьевъ изъ Азова;* именно: *мелюсь* — искаженіе собственнаго имени Міусъ; поле *лиліе*—блеститъ, виднѣется; *опрани* кульбаки—oprawne kulbaki — дорогія сѣдла, съ золотой или серебряной отдѣлкой; *китицы* замѣна менѣе понятнаго кити, а кити — искаженное китай, kitaj (польск.) — бумажная ткань; сонце *обитріе*, не обигріе, какъ у Ант. и Драг., и не обвитріе, какъ читаетъ Кулишъ, а, по объясненію Потебни, обутрѣетъ. При этомъ П. приводитъ выраженіе народное „мы обвечерѣемъ тамъ—то" въ значеніи будемъ находиться вечеромъ, обечеретися — vespere deprehendi, серб. осванути; въ старинныхъ переводахъ Св. Писанія „оубутрѣвъ же Гедеонъ за утра", „обутрѣвъ Ааронъ на утріи". Итакъ, сонце обитріе—когда появилось на востокѣ, „када свине и огрине сунце".

Въ III 61—67 находится этюдъ о значеніяхъ словъ *ворпсти, воропъ* и др. въ слав. языкахъ рвать, прясть, дырявить, бросать, нападать, веретено, вихорь (въ литов.). Съ этнографической точки зрѣнія интересными представляются двѣ детали. Первое названіе воропаемъ коровая въ малор. свадебныхъ пѣсняхъ. Этотъ эпитетъ, по мнѣнію П., указываетъ, что въ коровáѣ символизируется женихъ, овладѣвающій невѣстою, превращающій ее изъ дѣвицы въ жену, что стоитъ въ связи съ представленіемъ коровая быкомъ въ малор. пѣсняхъ, согласно съ римскимъ „ubi tu Cajus, ibi ego Caja“ (гдѣ ты быкъ, тамъ я корова). Возможно и другое объясненіе названія коровая быкомъ, если вѣрно мое предположеніе, высказанное въ соч. „Хлѣбъ въ обр. и пѣсняхъ“ (1885), что коровай—замѣна животнаго жертвоприношенія, коровы или быка. Вторая деталь: сближеніе церк.-слав. вьрпсти — рвать, пожинать, драть съ литов. warpa колосъ, по предположенію, что сжинанію или кошенію хлѣба предшествовало срѣзываніе однихъ только колосьевъ, съ ссылкой на обычай грузинскій срывать одни колосья и оставлять солому на корнѣ для скота и удобренія и на свидѣтельство Самовидца, что при Хмельницкомъ въ 1637 г. „рвали збоже“; но послѣднее обстоятельство зависѣло отъ неурожая и повторяется въ такомъ случаѣ и въ новое время. П. приводитъ при этомъ извѣстное сказаніе о стоколосѣ, но сказаніе это выходитъ за предѣлы славянскаго міра. Вообще, всѣ этнографическія замѣтки Потебни по этимъ двумъ деталямъ вызываютъ сомнѣнія, и собранный П. фактическій матеріалъ можетъ быть объясняемъ съ другихъ научныхъ точекъ зрѣнія.

Во II ч. на с. 27—31 *о нѣмецкихъ словахъ въ малорусскомъ языкѣ*. Потебня раздѣляетъ вопросъ о нѣмецкихъ словахъ въ малорусскомъ на два: А) о заимствованіяхъ черезъ польскій, какими считаетъ слова бавовна (bawołna, baumwolle), бúкусъ (beguss), бляха, броварь, ваги, вирша, галунъ, гаптувáты, гетьманъ, голдувáты, груба, гунство (hundsfott), кганокъ (gang), кгнитъ, дробина, дякувáты, дзигликъ, жартувáты, карбувáты, кахля, коштувáты, крамъ, кухоль, кушниръ, купервасъ, ляда, лехъ, лихтарь, любистокъ, малювáты, мандрувáты, миркy-

ваты, можджиръ — мущиръ (mörser), мордуваты, муроваты, муситы, набиръ (na-barg, borgen), обценьки (hufzange), орчикъ (ortscheit), паля (pfahl), пановка (pfanne), паньчоха (bundschuh), парахвія, плиндроваты, пляшка, прасъ (утюгъ), ратуваты, рящуваты — рахуба, римарь, ринва, риштування, саквы, смакъ, смалецъ, спижъ (glockenspeise, бронза), списъ, стельмахъ, стусанъ, ухналь (hufnagel), шинокъ, шкода, шляхъ, шмаруваты, шоруваты, шпаруваты, шпикгуваты, цямрина, и В) о заимствованіяхъ помимо польскаго языка непосредственно отъ нѣмцевъ, селившихся на Руси изстари (приведены лѣтописныя указанія подъ 1259, 1268, 1287, 1288 гг.), къ такимъ словамъ П. съ нѣкоторыми оговорками и сомнѣніями относитъ барма-пѣна на меду, вареньѣ (bärme), бендюги-роспуски (bindwagen), рептухъ (reiftuch), рундукъ (ründung), швидко (geschwind), лингварь овчина (linde waare), чмырь — табачный сокъ (schmiere), ширитвасъ—кадка (schrotfass), бешкетъ—пакость, стыдъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ нельзя опредѣлить, какимъ путемъ зашло то или другое нѣмецкое слово въ малорусскій языкъ. Кромѣ Потебни, на такихъ лингвистическихъ вопросахъ останавливался, какъ извѣстно, Миклошичъ, преимущественно въ словарѣ Die Fremdwörter in d. slav. Spr. Для исторіи культуры и этнографіи представляетъ большое значеніе подборъ инородныхъ словъ, чѣмъ занимались М. и П., и въ особенности, распредѣленіе ихъ по историко-культурнымъ рубрикамъ, по разнымъ отдѣламъ народной жизни (жилище, одежда, ремесла и пр.), чѣмъ никто, кажется, не занимался. А между тѣмъ научная работа такого рода, одинъ подборъ словъ открылъ бы любопытныя стороны иноземныхъ вліяній. Не случайно же, напримѣръ, съ малорусской хатой связаны такія названія, какъ дахъ, грубка, шибка, кганокъ. Названія эти указываютъ на извѣстныя культурныя вліянія; если бы опредѣлить по древнимъ памятникамъ первые случаи появленія этихъ названій, то можно намѣтить хронологическія опредѣленія относительно возникновенія тѣхъ или другихъ инородныхъ вліяній. Что касается до порядка группировки словъ, то полезныя указанія можно найти въ статьѣ г. *Тихова* о болгарскомъ

домѣ въ IX т. „Извѣст. Казанскаго Общества истор. и арх.“ 1891 года.

Кромѣ отмѣченныхъ нѣмецкихъ словъ въ малор. яз. Потебня приводитъ съ комментаріями еще слѣдующія: личманъ—человѣкъ низшаго состоянія (leisten), квачъ (quast), вершлягъ (verschlag—молотъ у мѣдниковъ), химорода (неудачное объясненіе сл. geheime rath, geheime kunst; если не ошибаюсь, это слово цыганское и означаетъ кузнечное ремесло); не до шмыги не-до дѣла, собственно не по угольнику (schmige).

Кромѣ того, въ соч. „Къ исторіи звуковъ“ разбросаны еще краткія замѣтки о слѣдующихъ малорусскихъ словахъ и выраженіяхъ: *„лысый дидько“*—лысый чортъ въ значеніи лукавый, хитрый (II 3); *„лунь вхопыла“* (7, и въ соч. „О миф. знач. нѣкот. обряд.“ 98, въ значеніи мифологическомъ лунь вхопыла—смерть взяла—умеръ); рѣка *Рось* (санск. арш, рш—течь, оплодотворять 15); фамилія южнорусскаго писателя XVII в. *Кальнофойскаго* изъ сл. Кально—хвостьскій (II 21), *левенець*—малодецъ и др. значенія въ связи съ родственными словами въ др. языкахъ (II при объяс. пѣсни о соколѣ и конѣ, 8); *на чуд* къ думѣ про Алексѣя Поповича—на чердакъ (II 23); *Холобзда*—имя сказочнаго лица, въ родѣ Вернигоры, Объедѣла, „що снигомъ на двиръ ходыть“, отъ холода, какъ остатокъ глубокой старины (III 8); *гарный*—хорошій, по предположенію П., заимствовано отъ южныхъ славянъ, а послѣдними отъ грековъ Χαρεις, χαρειν; *гиля!* — кликъ гусей — болг. ела, греч. ёla — ступай сюда; *ничичъ*—нисколько=болг. и тур. хиг—вовсе нѣтъ; бешиха—рожа отъ румынск. bešike; *бигме* (у Котляревскаго и въ народ. пѣсняхъ) = серб. бог-ме; *кірадина*—огородъ на полѣ= серб. градина — садъ; *паланка* — серб. паланка — городъ; *душманъ* — ворогъ отъ сербовъ, болгаръ, волоховъ или прямо изъ турецкаго, въ который вошло изъ персидскаго (III 14—15); *продажа, промыто*, и др. *юридическія слова* (III 43—54; замѣтка важная для исторіи рус. права); *зась* (въ значеніи: нѣтъ дѣла отъ за ѳя—за себя, назадъ и прочь, III 55); цуръ тоби—*пекъ* тоби (опако, назадъ, III 57), *потороча, мавки, потерча* (бѣгущее вслѣдъ за...., потерчата—дѣти, умершія безъ креще-

нія, серб. трчати—бѣжать, III 58—60); *веремія крутыты* (сомнительное сближеніе съ верепаемъ, III 67); Прудыусъ (искаженіе прудымусъ, усачъ съ растопыренными усами III 120); *маточникъ* (у Мицкевича), островъ *буянъ*, *прей* (IV, 51—55); *Щавидубъ* (сказочный богатырь, отъ зчавити—сдавить, IV, 64); названія рѣкъ *Сула*, *Осколъ*, *Мжа* (значеніе течь, IV, 67).

Главный трудъ А. А. Потебни по этнографіи—это „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“ въ двухъ большихъ томахъ. Если бы Потебня ничего другаго, кромѣ этихъ двухъ томовъ, не издалъ, то и этого труда, при самой строгой и придирчивой критикѣ, вполнѣ достаточно, чтобы поставить Потебню первымъ научнымъ дѣятелемъ въ малорусской этнографіи въ томъ смыслѣ, какъ по отношенію къ собиранію матеріаловъ первыми по величинѣ дѣятелями представляются Чубинскій и Головацкій. Съ этими тремя именами связывается представленіе о рѣдкомъ трудолюбіи въ накопленіи матеріала и глубокомъ образцовомъ изученіи его. Достоинство „Объясненій“ увеличивается по мѣрѣ углубленія въ нихъ, и нашъ обзоръ содержанія и посильная оцѣнка этого труда разсчитаны на то, чтобы обратить на него вниманіе читателя и облегчить пользованіе имъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Возсоединеніе уніатовъ въ м. Ратномъ волынской губерніи въ 1838 году.

Возсоединеніе уніатовъ въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ по населенію уніатскомъ поселкѣ, мѣстечкѣ, городѣ западно-русскаго края вызывало между православными и уніатами много недоразумѣній или даже враждебныхъ столкновеній. Такими столкновеніями особенно богата исторія возсоединенія уніатовъ въ м. Ратномъ ковельскаго уѣзда, волынской губерніи, этомъ „гнѣздилищѣ уніи", по выраженію архимандрита Іероѳея (впослѣдствіи волынскаго викарія), главнаго дѣятеля при возсоединеніи ратненскихъ уніатовъ. На ряду съ эпизодами и, если угодно, курьезами здѣсь мы встрѣчаемъ много важныхъ, характерныхъ данныхъ для сужденія о взаимныхъ отношеніяхъ уніатовъ къ православнымъ въ періодъ возсоединенія.

Мы попробуемъ на основаніи черновыхъ бумагъ преосвященнаго Іероѳея, касающихся вопроса возсоединенія ратненскихъ уніатовъ, и III т. „Записокъ Іисифа, митроп. литовскаго" [1]), разсказать вкратцѣ исторію этого возсоединенія [2]).

---

[1]) Изданныхъ въ 1883 году Императорскою Академіею Наукъ.

[2]) М. Ратно въ половинѣ XIV в. было завоевано Гедиминомъ и долгое время оставалось подъ властью его потомковъ; затѣмъ оно перешло во владѣніе Любарта, князя волынскаго и холмскаго. Казиміръ Великій, по договору съ Ольгердомъ, въ 1366 г. закрѣпилъ его за собою и сдѣлалъ староствомъ. Привилегіей Владислава, кор. польс. и венгерс., Ратно подчинено въ 1420 г. общему магдебургскому положенію. Въ 1433 г. оно уже упоминается, какъ принадлежащее кн. Сангушку, который получилъ его отъ короля Владислава („Archivium ks. Sanguszkow", t. I str. 32). По статистическимъ даннымъ 1569 г., въ Ратно насчитывалось уже 278 домовъ. Въ 1615 году Сигизмундъ III, въ виду большой бѣдности мѣстечка,

Русское православное епархіальное начальство давно обращало свое вниманіе на это „гнѣздилище“ и дѣлало попытки привлечь уніатовъ къ православной церкви. Попытка, сдѣланная въ этомъ родѣ лѣтомъ 1834 года, не имѣла успѣха. Когда, по распоряженію православнаго гражданскаго и епархіальнаго начальства, въ этомъ году было приступлено къ устройству въ м. Ратномъ православной церкви, прихожане „одни во всемъ ковельскомъ уѣздѣ сопротивлялись устройству церкви по правиламъ восточной церкви и переставили буйствомъ сами собою престолъ къ стѣнѣ по римскому обыкновенію“ [1]), „сняли завѣсу съ царскихъ вратъ и нарушили святотатски должное святынѣ благоговѣніе“ [2]). По этому дѣлу была назначена Высочайшей волей военносудная коммиссія, производившая слѣдствіе надъ преступниками [3]). Многіе изъ сопротивлявшихся были преданы „уголовному суду и наказанію“ [4]).

позволилъ ему „Stowanie na własną za korzyść gorzełką“. Имъ же учреждена должность „bakalarza łackiego“ при костелѣ. По даннымъ 1628 г. въ составъ ратненскаго староства входили села и деревни: „Zamszany, Datyń, Synow, Wiliemcze, Tur, Zdomysliany, Kortylesy, Powiet, Radostow, Szczdrogost, Wiotły, Zalosy, Głóchy, Zastawie или Przechód, Dubeczno, Krymno, Koscienie, Zerzyct, Samarowicze, Wydranica, Postupla“. Сумма „prowentu“ со всѣхъ селъ равнялась 4008 fl. Въ 1771 г. Ратно было во владѣніи Александра Любомирскаго. На сеймѣ 1773—1775 г. „nodaly te dobra narodowe w posiadanie emfitentyczne spadkobiorcom Wincentego i Katarzyny z Sosnowskich Platerow“. На томъ-же сеймѣ выдѣлена особая коммиссія для точнаго обозначенія границъ ратненскаго староства. („Słownik Geograficzny królewstwa Polskiego“т. IX. Warsz. 1888 г.). О Ратномъ, кромѣ того, упоминается въ „Archiw. ks. Sanguszа.“ t. 3, стр. 89—99, т. 4. См. Указат.; „Памятники кіевс. арх. ком.“ т. III, отд. 3, стр. 317; „Арх. юго-зап. Рос.“ ч. II, т. I. стр. 374; ч. 3 т. 3 стр. 335; ч. 6, т. 1. прилож. стр. 71. Цѣнныя монографіи о Ратномъ: кн. Любомирскаго въ „Bibliot. Warsz. 1855 г. t. II str. 209—232. и Яблоновскаго.—„Lustracye krolewszczyzn ziem russkich“ str. 152—162. Въ частности, о сопротивленіи уніатовъ на Волыни въ ковельскомъ уѣздѣ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія можно читать статью свящ. П. Гапановича въ „Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ“ за 1886 г.

[1]) Запис. мит. Іосифа т. III стр. 364—365 (Конфиденціальное отношеніе м. Іосифа къ об.-прок. св. Син. Протасову отъ 4 мая 1838 г.)

[2]) Тамъ-же, стр. 94.

[3]) Тамъ-же, стр. 140—141 (конфиденц. отнош. м. Іосифа отъ 5 фев. 1835 г. къ м. в. д. Д. Н. Блудову съ просьбою о распоряженіи, чтобы военно-судная коммисссія, учрежденная надъ крестьянами, допустившими безпорядковъ (и) въ ратненскихъ церквахъ, не вводила въ дѣло сторонних обстоятельствъ.

[4]) Тамъ-же, стр. 365.

Въ 1837 г. и въ началѣ 1838 г. встрѣчаются уже случаи частнаго обращенія уніатовъ къ православію. Хотя греко-унитскій протоіерей ратненскаго деканата о. Максимиліанъ Дмоховскій и старался „раскрыть... лично въ Почаевѣ преосвященному волынскому архіепископу Иннокентію... о вредныхъ послѣдствіяхъ отдѣльнаго обращенія части ратненскихъ прихожанъ [1]), но его старанія не имѣли успѣха.

Весной 1838 г. было, наконецъ, приступлено къ коллективному возсоединенію ратненскихъ уніатовъ вслѣдствіе оффиціальнаго заявленія большей половины уніатскаго населенія (1360 душъ) о желаніи присоединиться.

Волынскій губернаторъ Масловъ особымъ отношеніемъ увѣдомилъ уніатскаго епископа Антонія о томъ, что греко-россійское духовенство, по распряженію епархіальнаго начальства, хочетъ начать присоединеніе къ православію 1360 ратненскихъ греко-унитскихъ прихожанъ и просилъ у его преосвященства соотвѣтствующихъ распоряженій.

Преосвященный Антоній „предложилъ консисторіи предписать ратненскому благочинному Дмоховскому подъ стражайшею отвѣтственностью не противодѣйствовать присоединенію къ православію ратненскихъ прихожанъ и по требованію отдать во владѣніе православнаго духовенства мѣстную ратненскую, грекоунитскую церковь“ [2]) и увѣдомилъ о начинавшемся дѣлѣ м. Іосифа.

М. Іосифъ въ свемъ особомъ конфиденціальномъ распоряженіи подтвердилъ предписанія Антонія съ тѣмъ однако ограниченіемъ, чтобы церкви приходской не отдавать во владѣніе православнаго духовенства впредь до дальнѣйшаго распоряженія [3]).

Послѣднее распоряженіе м. Іосифа не имѣло, впрочемъ, значенія: оно опоздало въ своемъ исполненіи. Обстоятельства сложились иначе. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа,

---

[1]) Тамъ-же, стр. 364.

[2]) Записки м. Іосифа Литовс. т. III. стр. 364.

[3]) Тамъ-же, стр. 366 (секретное отношеніе м. Іосифа Дмоховскому отъ 6 мая 1838 г.)

Дмоховскій еще 28 апрѣля (слѣдовательно, за двѣ почти недѣли до появленія послѣдняго отношенія Іосифа отъ 6 мая) долженъ былъ сдать Воскресенскую церковь уніатамъ, по настоянію гражданскихъ и духовныхъ властей.

М. Іосифъ, какъ опытный грекоунитскій администраторъ, понималъ съ какими неудовольствіями съ обѣихъ сторонъ совершается присоединеніе къ православію въ западно-русскомъ краѣ. Онъ не безъ основаній предвидилъ въ этомъ дѣлѣ „новую суматоху, новыя затрудненія, новый расколъ“ [1]), и въ своемъ отношеніи къ оберъ-прокурору св. Синода гр. Протасову предлагалъ въ интересахъ полюбовнаго соглашенія уніатовъ съ православными слѣдующее замѣчательное мнѣніе.

„По моему мнѣнію, писалъ митрополитъ литовскій, этому дѣлу (возсоединенію ратненскихъ уніатовъ) можно бы дать самый благопріятный оборотъ. Волынское епархіальное начальство могло-бы чрезъ православнаго благочиннаго объявить ратненскимъ прихожанамъ (если можно, еще до совершенія обряда присоединенія), что начальство благодаритъ ихъ за усердіе, что оно считаетъ уніатовъ и грекоунитское духовенство принадлежащими къ православной церкви и не находитъ нужнымъ ихъ обращать. Затѣмъ оставило бы протоіерея Дмоховскаго по прежнему ихъ священникомъ, и я бы его обязалъ при семъ случаѣ не вспоминать на будущее время при богослуженіи папы и не прибавлять въ символѣ *„и Сына“*. Этотъ поступокъ далъ бы совершенно новое направленіе общему образу мыслей, и волынская епархія въ теченіи года или двухъ вмѣсто 1360 прижанъ пріобрѣла бы безъ всякаго шуму 100,000 уніатовъ, по волынской губерніи состоящихъ“ [2]).

Но мнѣніе м. Іосифа, нѣсколько расходившееся съ мнѣніемъ и планами начальства и притомъ достаточно таки запоздалое, не было принято во вниманіе. Еще раньше его проэкта, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ епархіальнымъ начальствомъ былъ командированъ въ Ратно архимандритъ Іероѳей для формальнаго присоединенія ратненскихъ уніатовъ къ православію.

[1]) Тамъ-же стр. 365.

[2]) Записки м. Іосифа литовс. т. III, стр. 365—366.

Начальство не безъ основанія опредѣлило для этой миссіи именно арх. Іероѳея. Какъ уроженецъ ковельскаго уѣзда (пр. Іероѳей родился въ с. Облапахъ ковельскаго уѣзда, вблизи самого Ратного имѣвшій притомъ отца уніата, онъ болѣе чѣмъ кто-либо былъ знакомъ съ духомъ и характеромъ уніи и вполнѣ соотвѣтствовалъ цѣлямъ миссіи.

15 апрѣля архимандритъ Іероѳей съ діаконами и пятью пѣвчими выѣхалъ изъ м. Почаева и 17, позднимъ вечеромъ прибылъ въ Ратно. Прибывшимъ былъ оказанъ далеко нерадушный пріемъ даже со стороны православныхъ. Хотя ковельское начальство и было предупреждено о пріѣздѣ архимандрита, но тѣмъ не менѣе оно не позаботилось даже приготовить для него приличнаго помѣщенія, и о. архимандритъ долженъ былъ во все время своего пребыванія въ Ратномъ жить въ еврейскомъ домѣ. О. Максиміліанъ Дмоховскій предлагалъ, впрочемъ, свою квартиру, но о. Іероѳей не согласился на предложеніе, не желая навлечь на себя подозрѣніе въ преждевременномъ сообществѣ съ грекоунитскимъ протоіереемъ. Вскорѣ въ Ратно прибылъ ковельскій земскій исправникъ Бѣляевъ, съ которымъ особенно близко сошелся о. Іероѳей, и который оказалъ значительное содѣйствіе при возсоединеніи уніатовъ. Кромѣ Бѣляева, помощниками въ этомъ дѣлѣ явились мѣстныя административныя, гражданскія и духовныя лица: становой приставъ Лобурцовъ, благочинный священникъ о. Іона Дашковскій, священникъ о. Иванъ Михалевичъ и вообще православные священники, которыхъ, впрочемъ, тогда въ ратненскомъ округѣ было немного. Гражданскія власти оказались здѣсь далеко не лишними. Безъ нихъ можно бы сомнѣваться въ успѣхѣ миссіи о. Іероѳея: такъ значительна и сильна была оппозиція со стороны грекоунитскаго начальства. Въ своемъ отчетѣ о. Іероѳей съ большой похвалой отзывается о дѣятельности всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, принимавшихъ участіе въ возсоединеніи, и въ частности даетъ лестный отзывъ о Бѣляевѣ и Лобурцовѣ.

Присоединеніе началось съ мѣстнаго священника уніата Кульчицкаго, раньше другихъ заявившаго о своемъ желаніи перейти изъ уніи въ православіе. Неизвѣстны съ точностью мо-

тивы его перехода. Грекоунитскій протоіерей о. Максимиліанъ Дмоховскій, зорко слѣдившій за ходомъ возсоединенія своихъ прихожанъ въ Ратномъ, гдѣ, по его словамъ, имъ были положены „послѣднія силы“ для служенія своей паствѣ [1]), объясняетъ переходъ Кульчицкаго въ православіе грубо-матеріальнымъ разсчетомъ. „Живя въ м. Ратномъ, доносилъ Дмоховскій м. Іосифу, священникъ Іоаннъ Кульчицкій подстрекнулъ тайно бо́льшую часть тамошнихъ прихожанъ его, Дмоховскаго, къ дачѣ подписки въ томъ, что они соглашаются на принятіе православной вѣры и чтобъ у нихъ былъ священникомъ никто другой, какъ оный Кульчицкій“ [2]). Конечно, этимъ словамъ Дмоховскаго, какъ человѣка, горячо заинтересованнаго въ судьбѣ своихъ прихожанъ и явно склонявшагося притомъ на сторону уніатовъ, нельзя придавать полной вѣры; во всякомъ случаѣ дѣлу возсоединенія много, кажется, повредило то обстоятельство, что о. Кульчицкій былъ человѣкомъ невысокихъ нравственныхъ качествъ, небезъукоризненнаго поведенія. Въ теченіи почти всего времени своего священства (18 лѣтъ) онъ „постоянно состоялъ подъ слѣдствіемъ по различнымъ дѣламъ; по одному изъ уголовныхъ дѣлъ оставленъ Правительствующимъ Сенатомъ въ сильномъ подозрѣніи (по дѣлу о поджогѣ строеній предмѣстника Дмоховскаго, священника Полухтовича), нѣсколько разъ состоялъ въ запрещеніи и низводимъ былъ въ дьячки [3])“, начато было даже дѣло „о преднамѣренномъ отъ Кульчицкаго отравленіи самого благочиннаго Дмоховскаго“... Если даже согласиться, что такая рѣзкая аттестація Кульчицкаго дана Дмоховскимъ не безъ преувеличеній и пристрастій, вполнѣ естественныхъ у человѣка, имѣющаго личныя причины вражды къ Кульчицкому, то всетаки въ Кульчицкомъ нельзя видѣть человѣка съ нравственнымъ достоинствомъ и пастырскимъ авторитетомъ. На переходъ въ православіе такого человѣка уніаты да, кажется, и всё населеніе смотрѣли какъ на конфессіональную мистификацію съ удачно разсчитанной для себя выгодой.

[1]) Записки Іосифа Литовскаго. т. III, стр. 375.

[2]) Тамъ-же т. III стр. 363.

[3]) Записки м. Іосифа литовск. т. III стр. 367 и 368.

О немъ пошли разные сплетни и слухи, съ которыми естественно связывалось и имя о. Іероѳея. Стали говорить, что присоединяться къ православію нужно только тѣмъ, кто чувствуетъ за собою какія-нибудь преступленія, грѣшки, что простой народъ ни въ чемъ неповиненъ... Населеніе всполошилось, слышались недовольства противъ о. Іероѳея.

Стало ясно, что присоединеніе ратненскихъ уніатовъ къ православію дѣло далеко не такое легкое, какимъ оно казалось о. Іероѳею вначалѣ. Уніаты имѣли тайнаго, но энергичнаго и дѣятельнаго защитника своихъ интересовъ въ о. Дмоховскомъ,— человѣкѣ двоедушномъ и хитромъ.

Этотъ человѣкъ, управлявшій цѣлымъ ратненскимъ деканатомъ, понялъ, что, при начавшемся въ цѣломъ краѣ стремленіи уніатовъ къ православію, выгодно заявить себя предъ начальствомъ ревностнымъ поборникомъ его государственно-вѣроисповѣдныхъ, объединительныхъ интересовъ, выступить въ качествѣ православнаго миссіонера (при своемъ уніатскомъ званіи). Ничѣмъ особенно не смущаясь, онъ подаетъ докладную записку православной администраціи о томъ, что, благодаря его заботамъ и стараніямъ, 1360 уніатовъ его прихода согласны перейти въ православіе. Заботы и старанія о. Дмоховскаго были, впрочемъ, воображаемымъ подвигомъ, а цифра 1360 уніатовъ была положена по вѣрѣ въ предполагаемую возможность такого числа прозелитовъ. О. Дмоховскій, повидимому, совершенно не ожидалъ, чтобы его докладная записка имѣла серьезныя послѣдствія; онъ разсчитывалъ только отличиться, выдвинуться предъ начальствомъ и въ крайнемъ случаѣ отдѣлываться канцелярскими отчетами о своихъ мнимо-миссіонерскихъ заботахъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. На основаніи именно этой записки и была назначена миссія о. Іероѳея. И вотъ теперь, когда дѣло стало близко къ развязкѣ, когда пріѣхавшая коммиссія приступила къ возсоединенію, о. Дмоховскій неожиданно дѣлаетъ ловкій tour de force и начинаетъ отстаивать интересы уніатовъ. Съ чисто іезуитскою хитростію онъ умѣлъ лавировать между православнымъ и своимъ уніатскимъ начальствомъ и мутить воду въ самую ясную погоду. Его спраши-

вали, почему онъ относится равнодушно къ дѣятельности о. Іероѳея. „Видя употребляемыя дѣйствующими (т. е. членами коммиссіи) средства, отвѣчалъ о. Дмоховскій, понудительныя и безнравственность въ народѣ распространяющія, видя возникающее отъ того замѣшательство между народомъ и духовенствомъ, я не нашелъ возможнымъ содѣйствовать членамъ коммиссіи и смотрѣлъ на всё равнодушно издали, за что сіи господа, вѣроятно, не засвидѣтельствуютъ обо мнѣ хорошо)“.

Посмотримъ. что это были за „средства, безнравственность распространяющія,“ и кто былъ причиною замѣшательства между народомъ и духовенствомъ.

Православнымъ нужны были церкви для богослуженій. Дмоховскій категорически отказалъ имъ въ этомъ. Тогда о. Іероѳей обратился за содѣйствіемъ къ свѣтскому начальству. Представленіе гражданскихъ властей, сдѣланное по предмету просьбы о. архимандрита къ Дмоховскому, не имѣло на первыхъ порахъ никакихъ послѣдствій. Дмоховскій упорно стоялъ на своемъ и говорилъ, что, пока присоединеніе къ православію совершенно не вполнѣ, онъ не вправѣ передавать уніатскія церкви православнымъ. Положеніе о. Іероѳея было крайне затруднительно. Наступили 23 и 24 апрѣля, одни изъ бойкихъ ярмарочныхъ дней въ м. Ратномъ (юрьевская ярмарка). Въ эти дни въ мѣстечко съѣзжается много народа. Представлялся удобный случай открыто заявить о возсоединеніи уніатовъ, но, за неимѣніемъ православныхъ церквей, эти дни остались безъ богослуженій, равно какъ не было службы и въ высокоторжественный день 21 апрѣля. „Праздники провели мы въ крайнемъ унынiи, писалъ арх. Іероѳей въ своемъ отчетѣ [2]) къ преосвящ. Иннокентію, глядя только на недоступные для насъ храмы Божіи“. Такое положеніе православной миссіи еще болѣе уси-

[1]) Записки м. Іосифа литовск. т. III стр. 374 (Отношеніе м. Іосифа отъ 1 іюня 1838 г. за № 215 къ оберъ-прокурору св. Синода гр. Протасову съ препровожденіемъ рапорта благочиннаго Дмоховскаго о порядкѣ, какимъ совершалось присоединеніе ратненскихъ прихожанъ къ православію. Рапортъ Дмоховскаго писанъ по польски; цитуется м. Іосифомъ по русски).

[2]) Не напечатанъ.

лило различные толки и сплетни въ простомъ народѣ, искусно раздуваемые и поддерживаемые приверженцами о. Дмоховскаго. „Народъ судилъ по тому, что видѣлъ, на насъ взирали какъ на *странныхъ* и пришельцевъ въ отечествѣ нашемъ, не имѣющихъ значенія“, продолжаетъ Іероѳей въ своемъ отчетѣ. Полѣсскій народъ, собравшійся со всего ратненскаго деканата на ярмарку, „услыша, что благочестіе пріѣхало изъ Почаева въ Ратно, по своей простотѣ считая, что благочестіе есть лицо, насильно толпился къ жидовскимъ окнамъ и, какъ на какое чудо, смотрѣлъ на грекороссійскаго монаха въ клобукѣ и рясѣ, произнося: „ахъ, яка страшна благочестія, ще-жъ мы отъ роду таковой не бачилы“ [1]). Вообще, въ Ратно присоединеніе подвигалось очень медленно. Сравнительно большій успѣхъ имѣлъ о. архимандритъ въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ, принадлежавшихъ къ ратненскому деканату. Миссіонеры ежедневно ѣздили по селамъ и деревнямъ и присоединяли уніатовъ къ православію покойно и свободно. Когда число православныхъ возросло до такого количества, что могло составить свой приходъ, о. Іероѳей потребовалъ у Дмоховскаго возвращенія православной церкви, по смыслу закона 1 февр. 1800 г. (по которому церкви, по возсоединеніи грекоуніатовъ, возвращались православнымъ), но о. Дмоховскій по прежнему продолжалъ упорствовать. Тогда, по просьбѣ о. Іерофея, исправникъ лично явился въ домъ Дмоховскаго, требовалъ возвращенія церкви, грозилъ въ противномъ случаѣ судомъ, но о. Дмоховскій, по выраженію Іерофея, „не восхотѣ ничего разумѣти„ и стоялъ на своемъ.

Правда, Дмоховскій уступалъ на время (на 21-ое апр.) православнымъ одну уніатскую церковь, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы богослуженіе въ ней было совершено на уніатскомъ антиминсѣ безъ освященія. Разумѣется, о. Іероѳей не согласился на такой компромиссъ. „Священнодѣйствіе православнаго архимандрита въ уніатской церкви, коея употребленіе отъ Дмоховскаго дозволяемо было только временно“, по словамъ Іеро-

[1]) Запис. Іосифа Литовс. III 374.

ѳея, „означало бы, что не унія присоединяется къ православію, а православіе къ уніи".

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось такое неопредѣленное положеніе вопроса о возвращеніи церквей, если-бы вмѣшательство полиціи не привело его къ концу. Ковенскій исправникъ Бѣляевъ потребовалъ у о. Дмоховскаго рѣшительнаго отчета въ своемъ упорствѣ, угрожая въ противномъ случаѣ донесеніемъ высшему начальству и судебнымъ слѣдствіемъ. Тогда Дмоховскій особымъ отношеніемъ (отъ 27 апр. 1838 г. за№ 162) увѣдомилъ Биляева, что „ключъ отъ церкви Воскресенской еще 19 числа врученъ имъ викарію священнику Іоанну Страшкевичу для отдачи желающимъ, а онъ (т. е. Страшкевичъ) по службѣ отдалъ таковой ключъ старостѣ церковному, присоединившемуся уже къ православію, съ тѣмъ, чтобы этотъ отдалъ по требованію православному духовенству". Вся эта сложная процедура передачи ключа была выдумана протоіереемъ Дмоховскимъ для отвода глазъ полиціи. Но полиція не вѣрила протоіерею. Произведенное по этому поводу ковенскимъ приставомъ 3 стана Лобурцовымъ дознаніе раскрыло только неудавшуюся хитрость Дмоховскаго. И только тогда, когда дальнѣйшее сопротивленіе становилось невозможнымъ, уніатскій протоіерей вынужденъ былъ уступить и передать (27 апр.) Воскресенскую церковь о. архимандриту. 28 апр. въ ней было совершено водоосвященіе съ окропленіемъ, а 29 была впервые отслужена торжественная православная литургія съ проповѣдью на тему: „се нынѣ благословите Господа, вси рабы Господни" и участіемъ почаевскихъ пѣвчихъ [1]).

Съ пріобрѣтеніемъ православными церкви дѣло возсоединенія уніатовъ пошло значительно быстрѣе въ Ратномъ. Ежедневно совершаемая служба при хорошемъ пѣніи и произносимыя проповѣди, по словамъ миссіонера, привлекали къ православію самыхъ упорныхъ, закоренѣлыхъ уніатовъ. „Опытъ показалъ, писалъ Іероѳей въ своемъ отчетѣ, что въ дѣлѣ присоединенія уніатовъ къ православію пѣвчіе оказали особенно важ-

[1]) Настоятелемъ возсоединенной церкви былъ утвержденъ Кульчицкій.

ное значеніе". Всѣхъ присоединившихся въ маѣ оказалось 1069 душъ.

Протоіерей Дмоховскій не могъ равнодушно видѣть такой успѣхъ православія и, несмотря на то, что 27 апрѣля передалъ православнымъ Воскресенскую церковь, 3 мая сталъ протестовать противъ своего-же собственнаго распоряженія и отношеніемъ къ Іероѳею (отъ 3 мая за № 168) заявилъ, что церковь отнята православными незаконно и сталъ требовать ея возвращенія уніатамъ. „Если сего не признать сумасшествіемъ, писалъ о. Іерофей, то онъ шутилъ надъ нами и явно издѣвался надъ распоряженіями правительства". Разумѣется, протестъ Дмоховскаго не имѣлъ значенія. Еще больше озлобился протоіерей, когда отношеніемъ пристава Лобурцова (за № 112) было ему заявлено, что прихожане его деревни Гориничь поголовно присоединяются къ православію и просятъ передать ихъ уніатскую каплицу въ владѣніе православныхъ. Отношеніемъ отъ 3 мая онъ раздражительнымъ тономъ отвѣтилъ Лобурцову, что, отдавъ одну церковь православнымъ (Воскресенскую), онъ не уполномоченъ своимъ епархіальнымъ начальствомъ сдавать другому священнику Горницкую каплицу. Ему указано было на законъ 1 февр. 1800 года; но о. Дмоховскій, по своему обыкновенію, не придавалъ такимъ указаніямъ особеннаго значенія и другимъ отношеніемъ отъ 4 мая еще разъ напомнилъ православнымъ, что „ни церквей грекоуніатскихъ, ни фундуша оныхъ, движимаго и недвижимаго, онъ, безъ распоряженія своего начальства, никому во владѣніе сдавать не можетъ". Дѣло о горницкой каплицѣ „спеціальной эстафетой" пошло 5 мая на разсмотрѣніе губернатора. Губернаторъ 9 числа особымъ отношеніемъ распорядился немедленно передать каплицу православнымъ. При отношеніи губернатора было приложено, между прочимъ, отношеніе отъ 22 апр. уніатскаго епископа Антонія къ губернатору о томъ, что онъ (Антоній) предписалъ Дмоховскому не противодѣйствовать присоединенію ратненскаго прихода. Дмоховскій, видя, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, поспѣшилъ сдать каплицу православнымъ, не дожидаясь даже окончательнаго распоряженія губернатора (каплица была сдана 7 мая).

Въ исторіи присоединенія ратненскихъ уніатовъ особенно характерно двусмысленное поведеніе высшаго грекоуніатскаго начальства. Оффиціально якобы покровительствуя интересамъ православія, оно, частнымъ образомъ, давало неоффиціальныя, секретныя предписанія противоположнаго характера. Въ отчетѣ арх. Іероѳея говорится, между прочимъ, что ковенскій исправникъ стороною узналъ о двусмысленныхъ продѣлкахъ уніатскаго начальства. Этимъ только и можно объяснить хитрую политику ратненскаго уніатскаго протоіерея, который, оффиціально заявляя о своей близости къ православію, въ тоже время внушалъ своимъ прихожанамъ, „щобъ воны, якъ прыйидуть попы зъ бородами, не слухалы ихъ“ и стращалъ одного ратненскаго церковника (Павла Тилькевича) различными угрозами и, между прочимъ, взысканіемъ съ него суммы, издержанной на воспитаніе его сына, если онъ перейдетъ въ православіе.

Пріобрѣтеніемъ горницкихъ прихожанъ и ихъ каплицы и кончилось собственно фактическая сторона возсоединенія ратненскихъ уніатовъ. Всѣхъ присоединившихся насчитывалось 1142 человѣка, въ томъ числѣ изъ духовнаго званія 35 человѣкъ. 11 іюня о. Іерофей со своимъ штатомъ „безъ особенныхъ происшествій“ возвратился въ Почаевъ. Но этимъ не кончилась еще оффиціальная сторона дѣла.

Дмоховскій не скоро могъ примириться съ фактомъ и забыть свою неудачную попытку отстоять интересы уніатовъ. Онъ поднялъ цѣлое слѣдствіе противъ о. Іероѳея, сталъ доказывать, что присоединеніе было совершено насильственными мѣрами и потому незаконно. Въ поданномъ имъ греко-уніатскому епархіальному начальству доносѣ о. Іероѳей обвинялся, между прочимъ, въ томъ, что разъѣзжалъ самовольно по уніатскимъ селамъ и деревнямъ, сгонялъ уніатовъ въ одно мѣсто и насильственно приводилъ къ присягѣ; что 21 апр. въ царскій высокоторжественный день не служилъ литургіи; что о. Іероѳей своими насильственными мѣрами приноситъ не столько пользы, сколько вреда дѣлу возсоединенія, такъ какъ онъ (Дмоховскій) расположилъ своихъ прихожанъ безъ насилія перейти въ православіе и т. д. Хотя всѣ эти и многіе другіе въ такомъ же

родѣ пункты диктовало Дмоховскому его раздраженное, задѣтое самолюбіе, однако доносъ достигъ своей цѣли. Уніатское епархіальное начальство снеслось по поводу его съ канцеляріей Оберъ-прокурора св. Синода и успѣло бросить тѣнь на дѣятельность о. Іероѳея. Слѣдствіемъ этихъ сношеній была особая секретная бумага изъ канцеляріи Оберъ-прокурора св. Синода (1 мая 1838 г. № 923) къ преосвященному Иннокентію о дѣятельности о. Іероѳея въ Ратномъ.

Ратненскій протоіерей Дмоховскій, сообщалъ прокуроръ, доносилъ грекоуніатскому епископу Іосифу о томъ, что арх. Іероѳей употребляетъ насильственныя мѣры при присоединеніи ратненскихъ уніатовъ и сталъ безъ всякой причины во враждебныя отношенія къ Дмоховскому, содѣйствующему интересамъ православія и приглашавшему о. Іероѳея къ себѣ на квартиру; что о. Іерофей предпочелъ оставаться въ еврейскомъ домѣ; что будто бы о. Іероѳей на слова Дмоховскаго о мѣрахъ гуманности и терпимости по отношенію къ уніатамъ отвѣчалъ: „таковыя мѣры намъ совершенно неизвѣстны, мы придерживаемся своихъ мѣръ"; что если священникомъ въ м. Ратномъ будетъ Кульчицкій, то ему—Дмоховскому—угрожаетъ опасность жизни. Кульчицкій рекомендуется въ отношеніи прокурора, какъ человѣкъ самаго неблагонамѣреннаго поведенія, о Дмоховскомъ прокуроръ напротивъ очень высокаго мнѣнія, считаетъ его однимъ изъ благонадежнѣйшихъ грекоуніатскихъ священниковъ. „Если показанное Дмоховскимъ справедливо, говорилось въ отношеніи Оберъ-прокурора, то не могу не замѣтить, что въ дѣйствіяхъ о. архимандрита Іероѳея не усматривается того духа любви и кротости, коими должна быть растворена спасительная ревность по Бозѣ. Уклоненіемъ своимъ отъ дружественнаго съ протоіеремъ Дмоховскимъ сближенія и даже оставленіемъ высокоторжественнаго дня безъ богослуженія, при имѣвшихся къ тому средствахъ, онъ конечно не могъ подать обращаемымъ въ православіе благаго примѣра, котораго православная церковь и правительство вправѣ были отъ него ожидать, равно и допущенныя имъ принудительныя мѣры земскихъ чиновниковъ могли, безъ сомнѣнія, произвести раздраженіе въ умахъ" и т. п.

Преосвященный Иннокентій потребовалъ отъ арх. Іероѳея подробнаго отчета о своей дѣятельности въ Ратномъ. Отчетъ вскорѣ былъ представленъ преосвященному (отъ 14 іюня за № 42). Вотъ его содержаніе:

Во-первыхъ, если Дмоховскимъ приготовлены уніаты къ возсоединенію, писалъ о. Іероѳей, то странно жаловаться, что мы ихъ присоединяемъ и разъѣзжаемъ по уніатскимъ поселкамъ, а разъѣзжать мы вынуждены были потому, что объ этомъ насъ просили; куда насъ не просили, туда мы не ѣздили (напр. въ д. Лучицы, Конище — недалеко отъ Ратного); да и притомъ поѣздка представлялась болѣе удобнымъ средствомъ сношенія съ уніатами. Не обременять же ихъ вызовомъ за 7 и болѣе верстъ! Да и притомъ необходимо было провѣрить семейные списки, дабы малолѣтніе не остались неприсоединенными. Мы ѣздили даже по нѣскольку разъ въ одно и тоже село, такъ какъ не всегда заставали уніатовъ дома. Что касается оповѣщеній о нашемъ пріѣздѣ въ приселкахъ и созыва желающихъ присоединиться, то это было собственно дѣло гражданскихъ чиновниковъ, которые о насильственномъ сгонѣ людей отъ насъ не имѣли распоряженія.

Во-вторыхъ, самъ Дмоховскій говоритъ, что имъ подготовлено 1360 человѣкъ къ возсоединенію съ православными, а между тѣмъ было найдено 1142 человѣка, которые заявили гражданскимъ порядкомъ о своемъ желаніи присоединиться.

Въ-третьихъ, если бы мы позволили себѣ мѣру насилія надъ уніатами, то присоединили бы или весь ратненскій приходъ, состоявшій изъ 1695 душъ, или же во всякомъ случаѣ *больше 1360* человѣкъ, но сего не случилось.

Въ-четвертыхъ, въ неотправленіи богослуженія въ Высочайшій день не мы виноваты, а Дмоховскій, не отдавшій намъ ни одной церкви и предлагавшій лишь на время уніатскую церковь, на что невозможно было согласиться.

Въ-пятыхъ, спокойствіе и удовольствіе присоединяющихся лучше всего свидѣтельствуютъ, что мы не произвели на нихъ худаго впечатлѣнія.

Въ-шестыхъ, что касается наконецъ того, почему я не перешелъ на квартиру къ о. Дмоховскому, то цѣлесообразность моего поступка оправдана послѣдствіями... Да и притомъ, домъ, въ которомъ я остановился, приличный, близокъ къ Воскресенской церкви, а о. Дмоховскій живетъ далеко, въ концѣ мѣстечка.

Епархіальное начальство вполнѣ удовлетворилось отчетомъ арх. Іероѳея.

Ѳ. Кудринскій.

КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО.[1)]

Тетка, знавшая еще ранѣе о моей экспедиціи, встрѣтила меня съ необычайною ласковостію, заботливо распрашивала обо всемъ случившемся съ нами по пути и, несмотря на то, что я хвастался храбростію, со слезами высказывала свое неодобреніе этого способа доставленія меня въ гимназію. Николаевскій служака, дядя Л—овъ, хранившій подъ суровой оболочкой вояки самое теплое сердце, только поощрялъ меня, повторяя: ничего-съ, все это такъ и слѣдуетъ испытывать мужчинѣ.

Заботливость свою тетка выказала, какъ водится, не только ласками, но и всевозможнымъ кормленіемъ и тѣмъ еще, что, когда я, заспавшись, проснулся поздно, то оказалось, что Прокопъ уже былъ отправленъ въ путь съ какимъ-то солдатомъ изъ подначальныхъ дядѣ Л—ову, и сама она, покормивъ и напоивъ на дорогу, подвезла меня на своихъ лошадяхъ до какого-то села, кажется—Кищинецъ, гдѣ мы догнали Прокопа съ солдатомъ. Тамъ мы попрощались, и я, много разъ перекрещенный и напутствуемый наставленіями не запаздывать, останавливаться въ селѣ у зажиточныхъ хозяевъ, снабженный массою провизіи и даже деньгами, тронулся въ дальній путь. Прокопъ тоже былъ не оставленъ милостями: въ возу оказалось нѣсколько арбузовъ, дынь и, кромѣ того, коржи и узелъ яблокъ.

Онъ сталъ теперь разговорчивѣе: видно было, что и онъ осмѣлился въ пути.

[1)] См. Кіевская Старина, 1892 г., № 2.

Какими-то проселками мы наконецъ выбрались на чумацкій шляхъ, на которомъ была большая *мурованная корчма*. Откуда-то на ясномъ небѣ появилась тучка, и разразился страшный ливень. Хотя не хотя нужно было укрыться въ корчмѣ, куда мы и въѣхали черезъ заднія ворота.

Неподалеку отъ этой корчмы стояли двѣ большія чумацкія валки, а чумаки толпились въ первой избѣ шинка. Слышны были возгласы, пѣніе и звуки сопилки. Я прошелъ въ комнату хозяевъ и сквозь открытую ляду смотрѣлъ на сцену чумацкой гульни.

Картина эта такъ запечатлѣлась въ моей памяти, что, будь я живописцемъ, я могъ бы и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, изобразить ее во всѣхъ деталяхъ. Изо всей этой видѣнной и памятной мнѣ картины описываю, такъ сказать, отдѣльный эпизодъ ея.

Около поставленной торчмя пустой бочки стоялъ выдѣляющійся изъ цѣлой компаніи человѣкъ. Онъ былъ одѣтъ въ широкія пестрядиновыя шаровары, спадающія на босыя ноги. Очкуръ у него былъ изукрашенъ бляшками и пуговицами, какъ равно и припонъ спрятаннаго въ карманѣ ножа. Поверхъ заношенной холщевой съ мережками рубахи надѣта была голубая съ желтыми шнурами гусарская куртка, такая, какія тогда носили, т. е. безъ всякихъ полъ. Лице, давно небритое, у него было зарощено рыжею щетиною и торчащими врозь подстриженными усами; на непокрытой головѣ торчали тоже врозь рыжые вихры. Онъ игралъ на сопилкѣ очень искусно, причемъ лице его краснѣло не только на вздутыхъ щекахъ, но и вокругъ глазъ.

Передъ нимъ съ рюмкою стоялъ высокій, красивый человѣкъ въ суконномъ жупанѣ на опашку, въ лихо заломленной высокой бараньей шапкѣ. Онъ одной рукой держался за плечо дударя, а другою съ недопитою рюмкою размахивалъ въ тактъ пѣсни, подпѣваемой подъ сопилку:

Въ кинци гребли шумлять вербы,
Що я й насадыла...
Та немажъ мого мыленького,
Що я й полюбыла!

Отчетливо закончилъ пѣвецъ пѣсню, взмахнулъ рюмкою, поставилъ ее на дно бочки и, припавъ къ дударю, замоталъ свѣсившеюся головою... Дударь пересталъ играть, лукаво посматривалъ на пѣвца, и какъ-то особенно загримасничалъ своею небритою физіономіею.

Пѣвецъ, очевидно, понялъ мимику рыжаго, отстранилъ его отъ себя, посмотрѣлъ ему въ глаза и вдругъ, нагнувшись, поцѣловалъ его, послѣ сразу оттолкнулъ и закричалъ:

— Грай, або гроши оддай! Шинкарю! Сыпъ горилки на виру, та пышы гроши на спыну!—И потянулся къ стойкѣ, подавая шинкарю пустую бутылку.

Въ то время онъ сквозь широкое отверстіе стойки увидалъ меня и уставился глазами. Черные брови его какъ-то сдвинулись, онъ крутнулъ усы и, замотавъ головою, забормоталъ:

— А що мени начальство, паны! Я самъ соби начальство! Матери ихъ чортъ! А же я никому невыненъ!... Сыпъ, кажу, швыдче! Обратился онъ опять къ шинкарю. Но требованій было столько, что еврей не успѣвалъ удовлетворять всѣхъ и разсчитываться, и потому, вѣроятно, и его требованіе не было исполнено сейчасъ.

Я отстранился въ глубь комнаты, не желая попадаться опять на глаза пьянаго гуляки. Но не успѣлъ я найти еще себѣ мѣсто, какъ онъ какимъ-то образомъ проникъ уже въ это отдѣленіе корчмы—и подошелъ къ стойкѣ.

— Що се ты сюди вперлося!—кинулась къ нему хозяйка еврейка, но онъ отстранилъ ее рукой и сталъ требовать водки.

— Заразъ, заразъ! Азе бацъ, що я одмиряю! успокоивалъ его шинкарь.

Чумакъ обперся рукою въ стѣну и сталъ осматриваться; опять уперся въ меня помутнѣвшими глазами. Онъ, очевидно, что-то соображалъ; какъ-то однимъ усомъ мигнулъ и направился ко мнѣ.

— Начальство! Ажъ воно от-що! А же ты москальча? Га?[1]). Якъ пакъ васъ звуть у поселянщыни—туды геть, за гря-

[1]) Москаль—по украински солдатъ. Москальча—солдаченокъ.

ныцею. У запорожьи—кантонысты, наче. Знаю, бачывъ. Усе таки гиряви, у такихъ шапочкахъ (на мнѣ была гимназическая фурашка съ краснымъ околышкомъ).—Знаю, бачывъ! Муштруються, якъ справжни москали!—Разъ! два! разъ два! Почастую! ходимъ! Я такый!...“ говорилъ онъ, шатаясь передо мною, прижавшимся къ окошку и не знавшимъ, что дѣлать, чтобъ избавиться отъ этого громаднаго пьянаго человѣка. Онъ уже протянулъ свою огромную ручищу, чтобы тащить меня туда, гдѣ намѣревался частувать, какъ вдругъ на выручку явилась хозяйка еврейка.

Она стала между чумакомъ и мною, заслонивъ меня и стала упрашивать его идти туда, въ общую половину. Но онъ и не думалъ отступать отъ затѣяннаго угощенія: не двигался съ мѣста, отстранялъ шинкарку и все твердилъ свое:

— Геть къ нечыстій матери! Хиба тоби жалко моеи горилки! Геть! Воно хочъ и москальча, а горилку вже мабудь вжывае, бо на то воно служба—москаль! Якъ пакъ ихъ звуть!? кантонысты?

— Яке це тоби кантонысты? Тю, дурне! Це паныцъ, а завсимъ не кантанысты! Ай вей! Яке дурне! Азе ты раздывысь!... уговаривала шинкарка. Онъ замолкъ, какъ бы что-то соображая, а послѣ отстранилъ еврейку, опять, сдвинувъ брови, уставился глазами на меня и отшатнулся...

— А! такъ це панычъ! Панычъ! Ляшеня, выходыть! Такъ и е! Панычъ! А я ще хотивъ ёго частуваты! Хвороба й его матери!

Голосъ его становился еще громче, грознѣе. Я совершенно растерялся, не зналъ, что дѣлать, слезы готовы уже были брызнуть изъ глазъ...

— Воны ляхы прокляты! Ото дывысь сюды, обратился онъ къ еврейкѣ—дывыся на того, що ото на сопилци грае! Нечоловика зробывъ зъ его проклятый ляхъ! Нимымъ ставъ! Дывысь! Малымъ ще бувъ, то якось упустывъ у спашъ воливъ, а той якъ ставъ его катать гарапнykомъ та ще сонного, такъ и онимивъ! Нимымъ ставъ—не чоловикомъ: усе тямыть и чуе, на сопилци, бачь, грае, а нимый! Прокляти!...

Все это онъ проговорилъ, перебиваемый старающеюся удалить его еврейкою. Кончилъ, потрясъ кулакомъ и пошелъ, чуть не выталкиваемый шинкаркой и явившимся къ ней на помощь мужемъ.

— Отъ яке прокляте! гайдамака! — Обратилась ко мнѣ еврейка, какъ бы извиняясь въ случившемся.

Я былъ сконфуженъ, растерянъ и чуть не плакалъ, къ счастію дождь унялся и можно было сейчасъ же ѣхать, что мы съ Прокопомъ и сдѣлали, причемъ еле удалось мнѣ уговорить повернуть возъ и выѣхать опять въ задніе ворота, мнѣ было страшно встрѣтиться опять съ кѣмъ-либо изъ подгулявшей чумацкой компаніи, что легко могло случиться при выѣздѣ въ переднія фронтовыя ворота.

Когда мы минали послѣднюю валку, то какой-то чумакъ сталъ кликать кого-то изъ своихъ, восклицая.

— Дывысь! Ото такъ волы! Ой тожъ и волы! Но мы не останавливались и ѣхали по шляху, прихватывая на колеса промоченный дождемъ верхній слой дороги.

Солнце опять свѣтило и пригрѣвало, блестѣло на лужицахъ, на неопавшихъ капляхъ росы, на стебляхъ бурьяну; чорная туча съ двумя радугами уходила на востокъ; отъ корчмы доносились выклики пѣсенъ.

Все это мнѣ до мельчайшихъ подробностей памятно, и я въ состояніи воспроизвесть въ моей памяти чувство оскорбленія, униженія, озлобленности, въ которомъ я тогда находился послѣ этого столкновенія съ пьянымъ чумакомъ — гайдамакою, по словамъ еврейки. При всей демократичности воспитанія и особенно моего путешествія на волахъ, я всетаки былъ чистокровный панычъ, паненя, и меня душила злоба за оскорбленіе, которое я принялъ лично относящимся ко мнѣ, не умѣвъ понять, что проклятія, слышанныя, мною, относились вообще къ панамъ, несомнѣнно заслуживавшимъ въ то время порицанія во мнѣніи тѣхъ, которые дѣлались нѣмыми отъ ихъ арапниковъ. Притомъ же въ этомъ столкновеніи было донельзя унижено мое самолюбіе не какъ паныча, а какъ особы, возмечтавшей уже о себѣ послѣ проведенной въ полѣ ночи, послѣ хвастовства

своею храбростію передъ теткою. Въ моихъ мысляхъ о происшедшемъ я передумывалъ на разные лады то, какъ мнѣ слѣдовало держаться съ пьянымъ, что нужно было дѣлать. Многое приходило въ голову и между прочимъ то, что слѣдовало сейчасъ же осѣдлать слѣпого и ѣхать пожаловаться дядѣ Л—ову, но противъ этого стоялъ стыдъ передъ теткою, передъ которою я такъ много хвасталъ своею храбростью. Лучшее надуманное это было: *схватить* его (пьянаго) за шиворотъ и вытолкнуть изъ корчмы! Я до того увлекся этою невозможною мыслію, что даже возстановлялъ въ себѣ всю раздраженность, чуть не ощущалъ въ своемъ сжатомъ кулакѣ шиворота чумака.

— А онде дрохва! вдругъ прервалъ токъ моихъ мыслей Прокопъ.

Дѣйствительно по степи ходилъ цѣлый табунъ дрофъ. Они ничуть не боялись насъ, а спокойно паслись, пощипывали траву, только изрѣдка приподымая головы, чтобы взглянуть на насъ. Я сталъ ихъ считать и насчиталъ болѣе тридцати, постоянно сбиваясь, потому что и онѣ не стояли, и мы двигались.

— Тай багато ихъ! удивлялся Прокопъ Исакъ разсказувавъ, що, якъ бурлаковавъ винъ на Бессарабіи, такъ тамъ десь ажъ по-биля моря волохы разъ цилисенькый табунъ загналы у хутиръ. Пообмерзало усе писля дощу пирья на нихъ, такъ и загналы наче овець...

И затѣмъ, помолчавъ немного, какъ бы передумывая что-то, добавилъ:

— Винъ богато де чого розказувавъ! Опять молчаніе, передумываніе.

— Розсказувавъ, що тамъ десь у Лымани, чи на мори йивъ таку рыбу, що зъ однымъ окомъ. Така, каже, якъ лопата... Опять молчаніе...

Табунъ дрофъ мы уже проѣхали, въ сторонѣ на степи въ какой-то балочкѣ показались верхушки вербъ и крыши хатъ.

— Отъ тутъ бы намъ попасты воливъ тай напоиты онъ тамъ у бальци, тамъ, мабуть, е вода. А то не напувалы у корчми.

Я согласился, и мы, свернувъ къ сторонѣ шляху, выпрягли воловъ и пустили ихъ на пастьбу вмѣстѣ со слѣпымъ конемъ.

Прокопъ сейчасъ же порѣшилъ пойти къ хатѣ узнать, есть ли тамъ водопой, а я остался около воза. Скоро въ сторонѣ вербъ послышался собачій лай. Это означало, что Прокопъ уже дошелъ до хаты. Кругомъ было пусто, никого ни на степи, ни по шляху не видно было. Я отъ нечего дѣлать открылъ ящикъ съ провизіей и только что хотѣлъ выбрать что-нибудь повкуснѣе, какъ опять услыхалъ усиленный лай собакъ на хуторѣ и увидѣлъ шибко идущаго ко мнѣ отмахивающагося отъ собакъ Прокопа и на фонѣ вербъ какую то женщену.

Прокопъ объяснилъ, что тамъ „у балци можно добре попасты воливъ“, что „дидъ казавъ“, чтобы мы ѣхали туда къ хутору попасать. Я было сталъ раздумывать, но Прокопъ уже велъ за „налыгачь“ воловъ и съ обычнымъ „шый-шый“ сталъ запрягать. Осталось мнѣ только взять за поводъ слѣпого и мы поѣхали къ хутору прямо по степи, безъ дороги.

По мѣрѣ приближенія къ вербамъ, балка все больше и больше открывалась передъ нами; поближе вербъ оказался густой вишневый садокъ и около него бѣлая чепурная хата, подъ вербами полуразрушенная водяная мельница, отъ которой внизъ по балкѣ шла зеленѣющая сочною травою мочажина. Около прорванной плотины свѣтлѣлъ небольшой ставокъ. Женская фигура, отгонявшая кинувшихся къ намъ двухъ собакъ, оказалась дѣвушкой, очень красивой, одѣтой въ черную только запаску; на холщевой бѣлой сорочкѣ съ мережками краснѣло „намысто добре“, а когда она опустила руку, которою закрывалась отъ солнца, на темныхъ косахъ ея оказался „червоный киснык“.

Отгоняя не унимавшихся собакъ, дивчина проводила насъ до самой хаты, гдѣ былъ поставленъ нашъ возъ, а волы и слѣпой отведены Прокопомъ на мочажину. Изъ сада, немного времени спустя, вышелъ къ намъ сѣдой дѣдъ безъ шапки, въ бѣлой рубахѣ и такихъ же бѣлыхъ штанахъ, запущенныхъ краями въ истоптанные сапоги. Поздоровавшись, онъ распросилъ меня, откуда и куда насъ Богъ несетъ, и пригласилъ въ садокъ „полудновать“. Уютность мѣста и привѣтливость дѣда и дивчины, оказавшейся внучкою его, сразу плѣнила меня, осо-

бенно когда я зашелъ въ садокъ, гдѣ между тщательно подчищенными вишнями и яблонями стояло много ульевъ.

Въ тѣни отъ хаты и высокой вербы находилась цѣлая мастерская дѣда: онъ бондарилъ; тутъ стоялъ ослонъ, валялись разные инструменты, пучки чакалу, обручи и нѣсколько кадушекъ. Между ульями на особомъ столбикѣ подъ навѣсомъ изъ двухъ дощечекъ виднѣлась иконка. Освѣженная дождемъ, недавно бывшимъ и здѣсь, зелень ярко, сочно выглядѣла; все благоухало запахомъ травы и меду.

На перевернутой вверхъ дномъ кадушкѣ дивчина послала какой-то рушникъ, дѣдъ изъ сѣней хаты въ мискѣ принесъ нѣсколько сотовъ меду и, нарѣзавъ поданный внучкою хлѣбъ, пригласилъ меня и послѣ подошедшаго Прокопа „полудновать“. Онъ тутъ же усѣлся бокомъ на своемъ бондарскомъ верстакѣ, ослонѣ, а внучка приткнулась около завалинки и не спускала съ насъ глазъ, чѣмъ не мало смущала меня. Мнѣ казалось,—да это, вѣроятно, такъ и было,—она разрѣшала въ умѣ своемъ вопросъ о томъ, что мы за люди. Ей, вѣроятно, страннымъ показался особенно я, панычъ, ѣдущій въ дорогу на волахъ.

Прокопъ раньше меня всталъ отъ трапезы и не сѣлъ, не смотря на упрашиванья старика. Онъ повернулся на востокъ, помолился и поблагодарилъ поклономъ какъ дѣда, такъ и дивчину.

Мнѣ показалось неприличнымъ оставаться одному и, хотя дѣдъ хлѣборѣзнымъ ножемъ отковырялъ и подвинулъ ко мнѣ соблазнительный кусокъ сота, я все таки всталъ съ какого-то ведра, на которомъ сидѣлъ, и въ точности продѣлалъ то же, что и Прокопъ, т. е. повернулся на востокъ, нѣсколько разъ перекрестился и, степенно поклонившись дѣду и дивчинѣ, поблагодарилъ „за хлибъ-силь, за полудень“. Дивчина, по просьбѣ Прокопа, вынесла изъ сѣней въ глиняномъ „кухлѣ“ воды и, когда онъ сталъ пить, степенно поклонилась и сказала: „добре здоровья пывшы“.

Радушіе, вся эта степенность, этотъ этикетъ—все это мнѣ чрезвычайно нравилось, скажу больше, положительно плѣнило меня.

Когда по предложенію Прокопа я хотѣлъ идти „мазать“ возъ, старикъ, понявъ, что Прокопъ самъ не управится съ этимъ дѣломъ, если зоветъ меня, сказалъ:

— Седить тутъ въ холодку, а мы вдвохъ помажемо. Ще намажетеся: дорога ще далека! — Я было вздумалъ похрабриться, но ласковое—„седить, одпочыньте“—дѣда осадило мою прыть.

Дивчина тѣмъ временемъ убрала остатки „полуденка“, снесла все въ хату и, вышедши и отставляя въ сторону кадушку, служившую намъ столомъ, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Хиба вы не лядськои виры?

— Ни, я православный!

Она улыбнулась какъ-то лукаво и говоритъ:

— Та що славни вы, то правда, що славни; такъ мени дывно, що вы панычъ, а Богу молытесь по нашому, якъ люде, а не по лядськи?

— Бо я православный, такои жъ якъ и вы виры, грекороссійськои.

Дивчына изумленно смотрѣла на меня, она, очевидно, не понимала...

— Наша вира проста, мужицька, а вы жъ якои?

— Такои жъ, якъ и вы, тилько вона, наша вира, такъ по пысьменному зветься—православна, греко-каѳолическая, руська вира—старался я объяснить дивчинѣ.

Она всѣ эти мои объясненія слушала съ устремленными на меня умными сѣрыми глазами и, очевидно, поняла все, но тѣмъ не менѣе еще таки спросила:

— А говіете вы до (sic) нашого попа?

— До вашого, у церкви...

— Ну! такъ!

Наступила неловкая пауза въ разговорѣ. Я попросилъ напиться, но дивчина не подала мнѣ „кухля“, а со словами—„отъ я заразъ“ кинулась въ сѣни, сейчасъ же выскочила оттуда, выплеснула изъ деревяннаго ведра воду и по тропинкѣ отъ хаты побѣжала по воду. Въ саду около ставка она запѣла не помню какую пѣсню, показавшуюся мнѣ очень мелодичною,

печальною, шевелящей душу. Очень скоро на фонѣ зеленой листвы показалась ея стройная, граціозно изгибающаяся въ сторону несомаго бедра, фигура.

Что то неопредѣленное, невыразимое шевельнулось у меня на душѣ при видѣ этой красивой дѣвушки; мнѣ такъ хорошо было здѣсь, такъ хотѣлось бы говорить съ нею, не удаляться отсюда.

Много лѣтъ послѣ у меня, много повидавшаго, много и испытавшаго, часто въ памяти возставалъ образъ этой дивчины, въ бѣлой сорочкѣ и черной запаскѣ, и не затмѣвали этого образа ни пышно убранныя красавицы, ни жизненныя встрѣчи съ женщинами.

Когда дивчина съ обычнымъ поклономъ и съ пожеланіемъ „добре здоровья пывши“ подала мнѣ кухоль холодной чистой воды, то я, взволнованный и переконфуженный, не соблюлъ мало мнѣ знакомаго этикета и вмѣсто того, чтобы напившись поблагодарить, оторвалъ губы отъ кухля и сказалъ „спасыби вамъ“. Вышла неловкость, такъ какъ я послѣ „спасыби“ продолжалъ пить воду, и напившись сказалъ опять „спасыби“. Мы обое переконфузились, и намъ было неловко, разговоръ не начинался; но эту неловкость прервалъ дѣдъ, очевидно окончившій съ Прокопомъ подмазку воза.

— Ну теперъ справылы усе! Колеса розмолоти, стари, ося передняя съ макогономъ. Такъ такы й уся справа не по товаряци! Ну та Богъ дасть зчумакуете якъ небудь... Онъ, очевидно, не досказалъ, что и чумаки то сами тоже „не по товаряци“.

— Ось я вамъ затешу килкивъ—и сейчасъ же принялся тесать колки (чеки) для колесъ.

За хатою послышался лай собакъ и явился Прокопъ съ предложеніемъ идти ловить слѣпого, чтобы напоить „худобу“ и запрягать „щобъ дёготь не стикавъ“.

Жизнь увлекла своимъ теченіемъ меня отъ этого милаго мѣста, отъ дивчины, равнодушно усѣвшейся на „присьбѣ“, и привѣтливаго дида, тешущаго „килки“.

Скоро мы справились; волы были запряжены, слѣпой конь привязанъ, дидъ засунулъ въ возъ потесанныхъ штукъ шесть колковъ, а дивчина уняла расходившихся собакъ.

Мы поблагодарили за хлѣбъ-соль, за опочывокъ и тронулись, но я, увидавъ въ возу кавуны предложилъ два изъ нихъ диду—я хотѣлъ подать дивчинѣ, но не посмѣлъ.

— Та не треба, на вищо це! Вамъ самимъ пригодятьця у дорози — отказывался дидъ, но я настоялъ и подалъ ихъ, кому именно хотѣлъ—дивчинѣ.

— Ну спасыби вамъ—сказалъ дидъ, буде онукамъ гостынець, а то у насъ цей рикъ не вродылысь.

Дидъ пошелъ выпроводить насъ на „шляхъ“ а дивчина понесла въ хату нашъ подарокъ.

Когда выѣхали мы изъ лощины, я оглянулся—видны были вербы, верхняя часть хаты и вершины темной зелени вишенника, но того, на кого я оглянулся, не видно было, только слышна была звонкая пѣсня.

— Це въ мене сама старша онука — сказалъ дидъ, какъ бы понявъ мое оглядыванье.—Маты ii була мамкою у панивъ, такъ оце мене й пускають зъ пасикою на млынъ. Колысь то бувъ добрый млынъ, та якъ вмеръ старый панъ, такъ усе й загуло. Два сыны десь тутъ недалеко у поселянщыни у москаляхъ служать, юнкари, скоро, кажуть, у охвыцеры выйдуть.

— Ну, тутъ оце й выпростовуйтесь зъ Богомъ на шляхъ; дорога тутъ ривна ажъ до Вороного“, — напутствовалъ насъ дѣдъ. Мы еще разъ сказали ему спасибо и распрощались.

Дидъ побрелъ къ хутору — млину, а мы скоро выбрались на шляхъ. Еще разъ оглянулся я назадъ: около хутора бѣлѣлъ дѣдъ, съ двумя провожавшими его собаками.

Солнце уже давно свернуло съ полудня, но все еще свѣтило и припекало. Я растянулся на возу, закрылъ глаза и сталъ передумывать, лучше сказать перечувствывать впечатлѣнія этой нашей стоянки. Чувства злобы, вызваннаго у меня пьянымъ чумакомъ въ корчмѣ, мимовольно въ тотъ моментъ волненія переносившагося на всѣхъ ему подобныхъ мужиковъ—гайдамаковъ, какъ не бывало, а напротивъ мною овладѣло теплое чувство расположенія къ тѣмъ же мужикамъ, представители коихъ—дѣдъ и дивчина—такъ обворожили меня своею привѣтливостью, чинностью въ обращеніи. Чувство униженія, испытан-

ное въ корчмѣ, замѣнилось сознаніемъ своего не то паничовскаго, не то мужскаго достоинства. Я разумѣлъ, что умѣю держать себя, какъ слѣдуетъ, со степенными людьми и главное, что меня радовало, такъ это сознаніе какой-то общности, близости съ этими прежде совершенно чуждыми мнѣ мужиками. Мнѣ вспомнилось почему-то въ эту именно пору, что вся та прислуга, кучера, кухарки, чабаны, пастухи, рабочіе, что все это вѣдь также мужики, которые не только никогда не обижали меня, не выказывали мнѣ своей враждебности, а напротивъ, какъ это на самомъ дѣлѣ и было, любили меня и были любимы также мною, что они даже въ обыденной жизни и во всѣхъ ея отправленіяхъ гораздо ближе стоятъ ко мнѣ, чѣмъ всѣ тѣ гости, знакомые моего дяди, съ которыми у меня не было ровно ничего общаго.

Такой рой мыслей копошился въ моей головѣ и въ тактъ этимъ соображеніямъ нѣтъ нѣтъ да и обрисуется фигура дивчины во всей ея плѣнившей меня прелести, уютность садка, привѣтливость старика, пока наконецъ все это не преобразилось въ дивчинъ и дидовъ въ какомъ-то пріятномъ сновидѣніи.— Всѣ они эти диды и дивчины какъ будто толпились около меня, что-то хотѣли сказать, но вмѣсто человѣческой рѣчи мычали и блеяли, какъ коровы и овцы. Все явственнѣе, отчетливѣе слышалось ихъ—му! му! бе! бе! мее! бее!—опять му!

Оказалось, что я заснулъ и, когда очнулся, то увидѣлъ себя на возу, окруженнымъ подгоняемою къ селу чередою. Изъ за облака пыли, поднятой стадомъ, виднѣлось спускающееся книзу къ огромному ставку село. По другой сторонѣ шляха скрипѣли возы, нагруженные снопами какого-то хлѣба, около которыхъ шли мужики въ соломенныхъ брыляхъ и женщины въ черныхъ запаскахъ.

Рано ли еще было гнать череду въ село, или её гнали въ другую какую нибудь улицу, но скоро она отошла отъ насъ въ сторону, за ней потянулось облако пыли и мы стали на виду у людей, сопровождавшихъ телѣги со снопами. Мужчины опять стали высказывать похвалы нашимъ воламъ, а двое даже подошли къ намъ и стали распрашивать насъ, откуда мы.

Когда я отвѣтилъ, что изъ балтскаго уѣзда изъ подъ Саврани, то одинъ изъ подошедшихъ сказалъ, что онъ знаетъ тѣ мѣста, бывалъ тамъ, когда „мандрувавъ за молодихъ литъ у Бессарабію“, онъ даже называлъ нашихъ воловъ волошскими.

Такъ въ этой компаніи мы и въѣхали въ село Вороное, гдѣ возы со снопами своротили отъ насъ въ сторону, такъ что до корчмы мы доѣхали уже одни.

Было еще рано становиться на ночевку, и мы порѣшили переѣхать греблю, чтобы поспѣть къ ночи въ Охматовъ—(мнѣ эта дорога была хорошо извѣстна).

На мосту, около большой водяной мельницы—„пытля“ (пытель—крупчатка)—намъ пришлось помучиться съ нашими волами, боявшимися шума колесъ, дощатой настилки моста, а, можетъ быть, и невидѣннаго ими дотолѣ такого большого пространства воды. Два совершенно бѣлые отъ муки человѣка по приказанію еврея, очевидно арендатора мельницы, пособили намъ перевести воловъ по мосту, причемъ они жались одинъ къ другому, поводили грозно глазами и успѣли таки сломать одинъ занозъ въ ярмѣ. Пока Прокопъ доставалъ изъ воза запасный занозъ, я долженъ былъ отвѣтить на распросы еврея, кто мы, откуда и куда ѣдемъ. Помнится, что еврей почему-то называлъ меня не панычемъ, а по польски „вашець“. Это собственно непереводимое слово равносильно русскому „почтенный“ или охотноряденому полупоштенный. Онъ, вѣроятно, не могъ представить себѣ паныча въ такой обстановкѣ, а сказать мнѣ „хлопче“ не смѣлъ. Мнѣ помню понравилось это *вашець*, можетъ быть потому, что съ такимъ мѣстоимѣніемъ обращаются только ко взрослымъ. А мнѣ такъ хотѣлось перестать быть мальчикомъ и сдѣлаться мужчиной, взрослымъ.

По широкой и длинной—что-то больше версты плотинѣ, которою въ этомъ мѣстѣ запруженъ Тыкичъ, мы проѣхали благополучно. Влѣво отъ этой плотины широко разливалось большое плесо пруда, съ очеретомъ и кугою вдали; виднѣлись на немъ цѣлые табунки утокъ, взлетывали крячки, припахивало болотомъ. Солнце большимъ ослѣпительно яркимъ дискомъ заходило въ раззолоченныя по краямъ облачка, по ту сторону

пруда надъ косогоромъ виднѣлись какія-то не то глинища, не то осовы, можно даже было подумать, что это ямы кирпичнаго завода!

Солнце зашло, когда мы уже стали подыматься на пологую гору, подъѣзжая къ Охматову.

По селу слышалось мычаніе и блеяніе разбираемаго стада, ощущался запахъ кизяка, кое гдѣ дымились трубы, на токахъ желтѣли стожки свезеннаго хлѣба, шныряли по улицѣ двуцвѣтныя фигуры женщинъ—снизу черныя и сверху бѣлыя, потому что тогда на Украинѣ будничный костюмъ женщинъ состоялъ изъ холщевой сорочки и черной запаски.

Я, памятуя наставленія тетки, изъ ряда дворовъ сталъ выбирать для ночлега такой, какой мнѣ казался позажиточнѣе, для чего и велѣлъ Прокопу держаться по шляху поближе къ дворамъ. Но вышло вовсе не такъ, какъ предполагалось.

Мы нагнали человѣка, несущаго на плечѣ мѣшокъ муки, какъ послѣ оказалось съ мельницы. Я предложилъ ему положить мѣшокъ на возъ. Принявъ съ благодарностью это предложеніе, крестьянинъ пошелъ рядомъ съ возомъ и, разумѣется, разговорился съ нами, спросивъ, кто мы, откуда и куда держимъ путь, и предложилъ намъ ночевать у него во дворѣ. Не согласиться на это предложеніе не было основанія, такъ какъ въ силу нашего ему одолженія между нами, само собой, устанавливались отношенія взаимной любезности.

Проѣхавъ съ полверсты, мы, по указанію нашего спутника, заѣхали въ его дворъ черезъ имъ самимъ отворенныя ворота. Насъ встрѣтила цѣлая орава дѣтей различнаго возраста, при нихъ была собака, попробовавшая было лаять, но при видѣ хозяина, снимавшаго съ воза мѣшокъ, ласково завилявшая хвостомъ. Дворъ былъ просторный, отдѣленный отъ садка, огорода и гумна большою хатою и еще кой-какими пристройками. Посреди двора брошенъ былъ очевидно только что распряженный плугъ со всею снастью. Нашъ возъ уставили поближе къ хатѣ, а воловъ и слѣпаго помѣстили подъ навѣсомъ около какой-то телѣги. Пока мы устанавливались, изъ трубы показался дымокъ, и маленькая дѣвочка оповѣстила всѣхъ, что „мамка и титка качають тисто на галушкы“.

Прокопъ устроился на возу и сталъ вечерять коржами и кавуномъ, а я присѣлъ на завалинкѣ рядомъ съ хозяиномъ, слушалъ его разсказъ о томъ, что ихъ два брата живутъ вмѣстѣ при старикѣ отцѣ, ни во что не мѣшающемся, а вѣдающемъ только вѣтрякъ; что братъ еще съ Петрова дня „у дорози чумакуе“, а дома у нихъ только одна пара воловъ, почему они и принуждены „спрягатыся для оранки“, что, вернувшись съ поля, онъ отослалъ воловъ на пашу, а самъ сходилъ вотъ къ отцу на мельницу за мукой, которой они еле намололи „оцей клунокъ“, потому что вѣтру нѣтъ.

Въ продолженіи этого разсказа онъ раза три кресалъ огонь и закуривалъ коротенькую трубочку, которая то и дѣло тухла.

Я старался держать себя какъ можно солиднѣе, какъ и подобаетъ взрослому мужчинѣ, и въ свою очередь разсказалъ о томъ, что вотъ по случаю рабочей поры дѣдушка не нашелъ возможности иначе отправить меня въ гимназію въ Бѣлую-Церковь, какъ препровождая вмѣстѣ со мною и купленныхъ для дяди воловъ; что дѣдушка мой посессоръ, а дядя докторомъ при графахъ Браницкихъ, что я уже переведенъ въ 6-й классъ гимназіи и черезъ два года окончу гимназію и тогда буду тоже учиться „на доктора“ и т. п. въ заключеніе же объяснилъ, что я православный, „руською вири и говію до попа“. Послѣднее обстоятельство было объяснено мною ради того, чтобы этимъ уменьшить отчужденность между мною и хозяиномъ и было результатомъ какъ разговора на хуторѣ съ дивчиною, такъ, можетъ быть, и всего перебродившаго у меня въ головѣ во время пути отъ млына до Вороного.

Хозяинъ, какъ бы что-то сообразивъ, закуривая трубку, сказалъ:

—Та, бувае! Отъ тутъ якось проживавъ у нашего попа одынъ—ляхъ, и у церкви по нашому молывся, та щей зъ дякомъ, було, спивае!...

Много времени спустя я уразумѣлъ, что въ міровоззрѣніи украинца панъ, какой бы онъ вѣры ни былъ,—тождественъ съ ляхомъ. Ces sont des synonymes.

Кто былъ этотъ ляхъ, распѣвавшій вмѣстѣ съ дьякомъ въ церкви, хозяинъ не объяснилъ мнѣ, можетъ быть, потому, что вышедшая къ намъ молодыця обратилась къ нему съ вопросомъ, собирать ли вечерять.

Мой собесѣдникъ затушилъ пальцемъ трубку, спряталъ её въ карманъ своихъ широкихъ холщевыхъ штановъ и пошелъ въ сѣни, гдѣ о чемъ то пошептался съ молодицею, и тогда уже, вышедши ко мнѣ, пригласилъ и меня, и Прокопа „вечерять".

Мы перешли черезъ обширныя сѣни, гдѣ уже было почти темно, и вышли черезъ другія двери на ту сторону хаты. Тамъ сейчасъ же около дверей, какая то взрослая дивчина промела мѣсто, на которомъ поставила низенькій столикъ, просто стольницу, снятую со стола, и, заславъ настольникомъ, вынесла нѣсколько ложекъ. Вслѣдъ затѣмъ была внесена и поставлена другою женщиной постарше, а не той, которая выходила къ намъ, большая миска „стравы". Крестились и усаживались прямо на землѣ, но мнѣ, по приказанію хозяина, принесли какую-то свитку и, скомкавъ ее, предложили на ней усѣсться. Вечеряли— насъ двое, хозяинъ, взрослая дивчина, младшая женщина и еще маленькій мальчикъ. Изъ разговора я понялъ, что старшая женщина вечеряетъ съ дѣтьми въ избѣ.

„Страва" были пшеничныя, крошеныя галушки и кусочки картофеля въ юшкѣ, но безъ всякаго жиру. Хозяинъ объяснилъ, что хотя „Богъ и вродывъ" немного рыжію, но еще не успѣли выдавить „оліи". Но тѣмъ не менѣе кушанье оказалось очень вкуснымъ, и я ѣлъ съ аппетитомъ, хотя, соблюдая подмѣченный мною еще раньше этикетъ, клалъ отъ времени до времени ложку на столъ. Неловко ли я дѣлалъ или ужъ такъ гостепріименъ былъ хозяинъ, но только всякій разъ, когда я клалъ ложку, хозяинъ упрашивалъ меня ѣсть.

— Годуйтеся, кормиться, будте ласкови! приговаривалъ онъ радушно.

Кромѣ этихъ приглашеній, иныхъ разговоровъ не было, трапезовали молча, только молодыця что-то пошептала замурзанному хлопчику, да хозяинъ спросилъ дѣвушку, записалась-ли она у писаря.

Въ поясненіе сего обстоятельства онъ сказалъ, обратившись ко мнѣ:

— Вона одбувае панщыну на машыни, де хлибъ молотять; такъ оце якъ не допыльнувать, щобъ записалы, такъ и личуть залегли дни.

Послѣ галушекъ молодыця вынесла штуки три маленькихъ кавуновъ и хозяинъ сталъ было ихъ рѣзать, но я остановилъ его и сказалъ Прокопу, чтобы онъ принесъ съ воза нашихъ.

Сопротивленіе хозяина было устранено моею просьбою, и, когда Прокопъ принесъ три большихъ кавуна, то я предложилъ дивчинѣ отнести одинъ „въ хату“ дѣтямъ.

Кавунами мы и закончили вечерю.

Луна еще не заходила, было прохладно и тихо. Я чувствовалъ себя особенно хорошо и уютно.

Хозяинъ съ Прокопомъ повели воловъ и слѣпого поить, а одна изъ молодыць, несмотря на мои протесты подъ „притилкомъ“ хаты на широкой завалинкѣ послала постель, состоявшую изъ куля соломы, рядна и сложеннаго кожуха вмѣсто подушки. Вся же семья расположилась съ дѣтьми частью въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы вечеряли, а частью въ какой то, отдѣльно на дворѣ стоявшей коморѣ. Изъ разговоровъ, доносившихся изъ хаты, я узналъ, что дивчина собирается мыть голову, такъ какъ завтра „недиля“ и она пойдетъ въ церковь. Изъ тѣхъ же разговоровъ я узналъ, что „батькови“—(я понялъ диду, который вѣдаетъ витрякъ)—Йосыпъ отнесъ чистое бѣлье, когда ходилъ за мукой, а Петрови откладывалось бѣльё, когда онъ „приженетьця зъ волами“. Я, такъ сказать, былъ au courant всего домашняго обихода семьи; сидѣлъ на присьбѣ, любовался тишиною вечера и испытывалъ какой-то особый покой въ душѣ, былъ всею душою, всѣми моими помыслами настолько какъ бы внѣдреннымъ въ эту сельскую мужицкую жизнь, что, когда неугомонная мысль унесла меня въ Бѣлую Церковь, въ гимназію, — когда мнѣ припомнилась латинская грамматика Цумпта и алгебраическія уравненія 3-й степени, то я чуть не плюнулъ и вспомнилъ народное заклинаніе — „цуръ тоби, пекъ-тоби!“

Мои размышленія были прерваны приходомъ хозяина, усѣвшагося около меня на присьбѣ и сейчасъ же добывшаго изъ кармана трубку и кисетъ. Онъ помялъ въ ладони листокъ махорки, набилъ трубку и, выкресавъ огня, сталъ курить, какъ то особенно сквозь зубы сплевывая.

— А не знаете скилько заплатылы за волы?

Спросилъ онъ, очевидно, думая о ихъ достоинствѣ.

— Не знаю! Здается, що девяносто карбованцивъ.

— И цина добра, тай худоба не погана! молоди ще...

— Що! воливъ облюбовуешъ?—отозвался въ сторонѣ отъ насъ чей то мужской голосъ, и изъ за недалекаго плетня показалась фигура человѣка въ бѣлой рубахѣ.

— Лизь сюды до насъ посидиты—отвѣчалъ мой хозяинъ.

Затрещалъ немного плетень, и сосѣдъ, человѣкъ въ бѣлой сорочкѣ и штанахъ, но босой, подошелъ къ намъ.

— Але! Увесь тынъ поломавъ!—подшутилъ хозяинъ, но сосѣдъ, ничего не отвѣтивъ, снялъ брыль и поздоровался обычнымъ... „Добри-вечиръ!“

— Будьте здорови, отвѣтилъ хозяинъ—сидай!

Я тоже приподнялъ за козырекъ фуражку и тоже отвѣтилъ: „будьте здорови!“

Присѣвши, сосѣдъ сейчасъ же спросилъ хозяина, кто это у него ночуетъ и куда держимъ мы путь.

Тотъ объяснилъ ему обстоятельно, на что вопрошающій послѣ каждаго слова говорилъ: „гмъ! гмъ!“ Онъ также досталъ изъ кармана трубку и закурилъ, зажегши кусочекъ трута у хозяина.

Они начали говорить между собою о хозяйствѣ. Изъ этихъ разговоровъ я узналъ, что они спрягаются вмѣстѣ, и что „пидъ дубравою“ осталось допахать не больше, какъ на одинъ „упругъ“, что экономъ говорилъ сегодня, что „череду“ будутъ гонять „на глыныще“, пока не свезутъ проса, что, хотя на глынищѣ и корму мало, за то недалеко гонять „на стійло“ и къ водѣ, такъ какъ ставъ тутъ-же.

Я вмѣшался въ разговоръ и спросилъ, не тѣ ли глинища они поминаютъ, которыя я видѣлъ, проѣзжая съ гребли по

надъ ставомъ. Оказалось, что рѣчь шла именно про эти глинища, что теперь эти глинища выровнялись, а прежде тамъ были глубокія ямы, образовавшіяся отъ выборки кирпича, который добывали мѣстные жители, такъ какъ тамъ когда то былъ большой городъ, „церквы булы", что „батько ще було зазнають", какъ въ землѣ отрывали цѣлыя стѣны (муры) и много желѣза, что въ городѣ этомъ „седивъ" какой-то князь,—что городъ былъ „звоеванный" какимъ-то „лыцаремъ",—разсказчикъ даже зналъ, какъ его звать не то Палій, не то Богунъ, или кажется Швачка что послѣ, когда этотъ „лыцарь" остался въ городѣ, такъ къ нему, „пидступыла орда", но города не могла взять, потому что онъ, этотъ лыцарь, зналъ такое слово, благодаря которому „якъ оце который стрѣльку (sic) пустыть, то вона повернеться, тай його жъ и вбье, такъ и застромыться у груды"; что „стрѣлкы" эти находили въ глинищахъ и что кто-то продалъ разъ тому „ляху", который проживалъ у попа, этакихъ стрѣлёкъ цѣлую жменю за злотого.

Я, желая показать себя, разсказалъ собесѣдникамъ про случай у насъ въ пасѣкѣ, когда мы искали „шкарбу". Съ этого рѣчь перешла на „шкарбы" и пошли разсказы, какихъ я и послѣ много слыхалъ на Украинѣ и которые такъ похожи одинъ на другой, что я не нахожу ихъ настолько типичными, чтобы съ увѣренностію сказать, слыхалъ ли я ихъ всѣ въ этотъ ночлегъ въ Охматовѣ или въ другихъ мѣстахъ.

Было уже поздно, неполный мѣсяцъ, откидывая все большія и большія тѣни отъ построекъ, наконецъ совсѣмъ скрылся, гдѣ то на селѣ лаяла собака, сопѣли наши волы.

Сосѣдъ, какъ равно и хозяинъ, притушивъ чуть не десятый разъ закуренныя трубки и пожелавъ спокойной ночи, разошлись, а я еще долго лежалъ, смотрѣлъ на небо, усѣянное звѣздами, пока, наконецъ, не заснулъ, прикрывшись своею шинелькою, такъ какъ стало свѣжѣть.

Б. Познанскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

X.

1787 г. Послѣ Полтавы.

9-го іюня, во 2-мъ часу дня Императрица выѣхала изъ Полтавы[2]) и прибыла въ *Карловку*, имѣніе фельдмаршала графа Разумовскаго. На подъѣздѣ дома Ее встрѣтили прискакавшіе впередъ гофмаршалъ кн. Барятинскій и правитель губерніи Синельниковъ. Въ Карловкѣ назначенъ былъ обѣдъ, послѣ котораго, въ 3 часу, выѣхали черезъ станцію Кузминку въ Константиноградъ; при въѣздѣ Императрицы въ городъ производилась съ земляного вала пушечная пальба, въ церквахъ колокольный звонъ;—у тріумфальныхъ воротъ встрѣчали: град-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1892 г., № 2.

[2]) Наканунѣ, (8 іюня) она сдѣлала подарокъ Потемкину: „Князь Григорій Александровичъ! Пріемля съ особеннымъ удовольствіемъ труды и старанія ваши въ доставленіи продовольствія войскамъ Нашимъ, начальству вашему ввѣреннымъ, съ выгодою и сбереженіемъ казны, Всемилостивѣйше жалуемъ вамъ сто тысячъ рублей, кои вы можете взять изъ суммъ, въ распоряженіе ваше назначенныхъ, на счетъ возвращенія ихъ въ будущемъ году изъ кабинета. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны. Екатерина“. (Изъ дѣлъ Государственнаго архива V. 85).

Подчиненнымъ Потемкина и мѣстному дворянству Императрица въ тотъ же день, въ Полтавѣ, выразила черезъ Потемкина также особую благодарность:

„Князь Григорій Александровичъ! Во время путешествія моего черезъ губернію екатеринославскую и область таврическую, видѣвъ надлежащее устройство, ревностное и радѣтельное прехожденіе должностей вашими подчиненными, усердіе и добрую волю дворянства и прочихъ обществъ, поручаю вамъ всѣмъ имъ объявить отличное мое удовольствіе и благоволеніе“. (Изъ дѣлъ Государственнаго архива. V. 85).

ское общество, тамошніе купцы и мѣщане съ хлѣбомъ и солью. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ [1]).

Изъ Константинограда Императрица написала гр. Брюсу: „Графъ Яковъ Александровичъ. Письмо ваше отъ 30-го мая я получила въ Полтавѣ, откуда я выѣхала сего утра, и сюда пріѣхала здорова. Завтра буду ночевать въ Харьковѣ. Прощайте, Богъ съ вами. Недосугъ писать“ [2]).

На слѣдующій день, 10-го іюня, Императрица передъ отъѣздомъ, по утру, жаловала къ рукѣ мѣстное дворянство и разныхъ должностныхъ лицъ; на подъѣздѣ, когда Императрица садилась въ карету, константиноградскіе купцы и мѣщане поднесли хлѣбъ и соль „съ серебряною продолговатою рѣзною солонкою со вкладною синяго стекла“ (Камер.-Фурьер. журналъ). Императрица поблагодарила ихъ. Загремѣла снова пушечная стрѣльба, раздался колокольный звонъ и поѣздъ двинулся. Въ шестимѣстную карету приглашены были гр. Е. В. Скавронская, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, И. И. Шуваловъ, принцъ де-Линь и графъ Кобенцель. Къ обѣду прибыли въ деревню *Водолазы*, гдѣ Императрица осматривала вновь заведенныя шелковыя фабрики.

На границѣ екатеринославской и харьковской губерній выстроены были отъ дворянства тріумфальныя ворота. Здѣсь, по учрежденному порядку, была торжественная встрѣча: генералъ-губернаторъ воронежскій и харьковскій генералъ-поручикъ Василій Алексѣевичъ Чертковъ, правитель харьковскій генералъ-поручикъ Норовъ, губернскій предводитель дворянства Шидловскій и предводители уѣздные съ дворянами—всѣ провожали верхами карету Императрицы до самого города.—При приближеніи къ городу были пушечная пальба и колокольный звонъ.

У первыхъ тріумфальныхъ воротъ въ городскомъ предмѣстьѣ встрѣтили присутствующіе въ губернскомъ магистратѣ, въ верхней расправѣ и въ нижнихъ судахъ, также градской

---

[1]) К. Ф. журналъ 1787 года.

[2]) Приложеніе къ К.-Ф. ж. 1787 г. Письмо къ Брюсу.

голова съ купечествомъ и мѣщанствомъ; тутъ же по обѣ стороны улицы стояли ремесленники со своими значками; внутри города, у тріумфальныхъ воротъ Императрицу встрѣтили вице-губернаторъ Пашковъ, чиновники губернскаго правленія, палатъ, верхняго и земскаго суда, также генералитетъ, а харьковскій комендантъ поднесъ ключи отъ городской крѣпости. Въ городѣ у церкви св. Димитрія Солунскаго встрѣтилъ съ крестомъ преосвященный Θеоктистъ, епископъ бѣлогородскій и курскій съ знатнымъ духовенствомъ. Императрица приложилась ко кресту, поднесенному къ каретѣ преосвященнымъ.

Переѣздъ по городу отъ первыхъ тріумфальныхъ воротъ, замедленный встрѣчами, длился довольно долго и только въ 8-мъ часу вечера *путевая* шестимѣстная карета съ знаменитыми путешественниками подъѣхала къ крыльцу дворца, гдѣ встрѣтилъ еще новый пріѣзжій—воронежскій губернаторъ Потаповъ, съ дворянствомъ и именитымъ купечествомъ съ хлѣбомъ и солью. На верхней площадкѣ парадной лѣстницы, во время входа по ней Императрицы, пѣвчіе пѣли кантату, сочиненную на случай пріѣзда Императрицы въ Харьковъ.— Капельмейстеръ Сарти получилъ за это перстень въ 1000 руб. (Кн. расходная каб. Е. В.).

На слѣдующій день, въ пятницу, 11-го іюня, во дворцѣ собрались, въ ожиданіи выхода Императрицы, преосвященный Θеоктистъ, епископъ бѣлогородскій и курскій, Харьковскаго училищнаго монастыря настоятель и ректоръ Василій съ прочимъ духовенствомъ, воронежскій и харьковскій генералъ-губернаторъ Чертковъ, правитель губерніи Норовъ, вице-губернаторъ Пашковъ, губернскій предводитель дворянства Шидловскій съ уѣздными предводителями и дворянствомъ, городовой магистратъ съ знатнымъ купечествомъ и чиновники разныхъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій.

Незадолго до выхода пришли въ залу всѣ придворные, свита Императрицы и иностранные министры.

Въ 12-мъ часу Императрица вышла въ залу собранія и первымъ представился Ей преосвященный епископъ Θеоктистъ. Онъ сказалъ Ей привѣтственную рѣчь и поднесъ икону Благо-

вѣщенія Пресвятыя Богородицы и хлѣбъ съ солью „на серебряномъ съ ножками продолговатомъ подносѣ, съ круглою на ножкахъ же серебряною солонкою“ (Кам.-Фур. жур.). Потомъ подходили и жалованы къ рукѣ всѣ прибывшіе, а губернскій предводитель сказалъ слѣдующее привѣтствіе:

„Всевожделѣнное пришествіе Вашего Императорскаго Величества мы чтимъ за верхъ матернихъ щедротъ Твоихъ; содѣлавъ блаженство наше, Ты пріемлешь подвигъ зрѣть оное, освятить Своимъ присутствіемъ и въ исполненныхъ неизрѣченною благодарностію и восхищеніемъ сердцахъ своихъ вѣрноподданныхъ начертать на вѣки образъ премудрой ихъ Самодержицы, которой благословляють они имя.

„Мы перестанемъ отнынѣ завидовать отцамъ нашимъ, удостоившимся видѣть въ странѣ своей великаго основателя Россіи, повергаясь къ освященнѣйшимъ стопамъ Августѣйшія Совершительницы ея благоденствія, величества и славы“.

„Среди восторговъ и восклицанія всего нашего края да явятся предъ Тобою плоды трудовъ Твоихъ достойными; да насладится великая душа Твоя чистою радостію отъ Своихъ благотвореній пріятнѣйшимъ утѣшеніемъ душъ великихъ“. (Изъ особенной рукописи, хранящейся въ Придв. архивѣ).

Обѣдъ состоялся на 56 персонъ въ нарочито пристроенной къ дому залѣ. Столъ сервированъ былъ намѣстническимъ серебромъ, и во время стола играла музыка съ хоромъ пѣвчихъ, составленнымъ изъ харьковскихъ воспитанниковъ. (К.-Ф. журналъ).

Вечеромъ съ 7 до 9 часовъ былъ при дворѣ балъ по повѣсткамъ. Императрица во время бала играла въ карты—съ Дмитріевымъ-Мамоновымъ Кобенцелемъ и Сегюромъ.

Въ 10 часовъ вечера передъ дворцомъ зажженъ былъ фейерверкъ. (К.-Ф. журналъ).

Свита и нѣкоторые приглашенные, посмотрѣвъ фейерверкъ, отправились ужинать, а Императрица, удалившись въ внутреннія комнаты, окончила по обыкновенію вечеръ за писаньемъ писемъ.

„Я здорова, продолжаю путь мой и теперь нахожуся только въ 1400 отъ васъ, завтра поѣду ночевать въ Бѣл-

городъ", писала она 11-го іюня гр. Брюсу въ Петербургъ. (Прилож. къ К.-Ф. ж.).

Письмо къ Брюсу было довольно кратко—Н. И. Салтыкову она поѣздку свою описала подробнѣе:

„Николай Ивановичъ! Вчерашній день, не доѣжая Харькова за нѣсколько верстъ, я встрѣтила графа Толстаго и отъ него приняла ваши письма и весьма обрадована была благополучнымъ пріѣздомъ Великихъ Князей въ село Коломенское: графъ Толстой вамъ скажетъ, что у меня и на моемъ пути значутъ дни отдохновенія, онъ былъ свидѣтелемъ харьковскаго роздыха. Боюсь теперь, чтобъ внуки мои не скучали жить до моего пріѣзда въ пустомъ мѣстѣ и для того не связываю вамъ руки показать имъ въ самой Москвѣ все то, что примѣчанія достойно, безо всякой церемоніи, дабы они отъ духоты не имѣли излишнее безпокойство; я никакъ не могу ѣхать скорѣй, какъ распоряжено, ибо нужно, чтобъ всѣ были сыты и имѣли покой, а съ такой свитою, какъ я ѣду, когда въ день болѣе четырехъ станцій сдѣлаемъ, то всегда отстаемъ, а у насъ въ томъ теперь щегольство, что все здорово и въ цѣлости, несмотря на дальность пути и людское вранье, которое обратилось въ плевелы. Разумно вы сдѣлали, что отъ пріѣздовъ освободились; чаю, что, и условясь съ Петромъ Дмитріевичемъ [1]), можете избавиться и отъ духоты и отъ церемоніи, куда ѣхать захочете. Графъ Толстой вамъ скажетъ, что мы всѣ здоровы, но многіе весьма загорѣли отъ солнца, хотя я отъ васъ еще въ 400 верстахъ, но понеже получаю отъ васъ уже письмы въ третій день, то мнѣ уже кажется весьма близко.

Прощайте, Богъ съ вами. Пребываю, какъ всегда, къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Харьковъ, іюня 11 ч. 1787. (Рус. Архивъ 1864. Стр. 973).

На слѣдующей день, 12 іюня, народъ стоялъ толпами по улицамъ, въ ожиданіи видѣть царицу. Отъ дворца по площади къ Успенскому собору постлано было алое сукно, по которому Императрица шла пѣшкомъ въ соборъ къ молебну „передъ отъѣз-

[1]) Еропкинымъ.

домъ". Въ этомъ шествіи, (пишетъ очевидецъ) я имѣлъ счастіе видѣть Императрицу; опираясь на трость, безъ зонтика, въ полуденный зной, она шла очень тихо, съ лицомъ довольнымъ, исполненнымъ благоволенія, величественно и милостиво кланяясь на обѣ стороны. (Изъ Записокъ Ѳ. П. Лубяновскаго. Р. Архивъ 1872 г. 101, 102). Помолившись въ соборѣ, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ Императрица выѣхала изъ Харькова.

При отъѣздѣ назначены были пожалованія: епископу 2000 р., на соборъ 500 р., тремъ архимандритамъ 900 р.; на семинарію 1000 р., въ монастыръ 300 р., на училище свѣтское съ пѣвчими 1000 р. (Изъ дѣлъ Арх. Каб. Е.-В. [1]).

Обѣдъ 12 іюня былъ на станціи въ слободѣ Черемошной.

До самой станціи провожали Императрицу верхами возлѣ кареты генералъ-губернаторъ Чертковъ, губернаторъ Норовъ, губернскій и уѣздные предводители съ дворянами.

Послѣ обѣда Императрица простилась съ Потемкинымъ, которому разрѣшила возвратиться въ Полтаву.

По дорогѣ въ Бѣлгородъ, на границѣ харьковской губерніи съ курскою встрѣтили курскій губернаторъ д. с. с. Аѳанасій Николаевичъ Зубовъ и губернскій предводитель дворянства премьеръ-маіоръ Похвисневъ. При проѣздѣ городомъ, у церкви

---

[1]) Мы считаемъ довольно любопытнымъ сохранившееся въ дѣлахъ архива описаніе состава поѣзда Императрицы въ харьковскомъ намѣстничествѣ: Впереди ѣхала карета шталмейстерская въ 6 лошадей, потомъ шестимѣстная карета Императрицы въ 10 лошадей, возлѣ скакалъ унтеръ-шталмейстеръ, рейтъ-пажъ и два кочюха. Потомъ слѣдовали: запасные для Императрицы карета и фаэтонъ; карета почивальная; кровать везли со всѣми принадлежностями въ особой коляскѣ, а гардеробъ въ четырехъ коляскахъ. За ними кареты, запряженныя въ восемь лошадей каждая: оберъ-шталмейстера, генералъ-адъютанта, гофмаршала, камеръ-юнферы и камеръ-медхенъ, камердинеровъ, кофишенкская, мундшенкская. Затѣмъ коляски для вещей въ слѣдующемъ порядкѣ: гр. Скавронской, камеръ-фрейлины, оберъ-шталмейстера, графа Ангальта, оберъ-камергера, посла цесарскаго, посланника французскаго, посланника англійскаго, гр. Шувалова, гофмаршала, шталмейстера, Дмитріева-Мамонова, д. с. с. Храповицкаго, Черткова, принца де-Линя, придворной прислуги, аптекаря, лейбъ-медика; затѣмъ для утренней кухни 8 колясокъ, для вечерней кухни 8 коляс., для кондитера 3 коляски; всего было 14 каретъ и 97 колясокъ—лошадей въ нихъ 550.

св. пророка Иліи встрѣтили съ крестомъ преосвященный Ѳеоктистъ, епископъ бѣлогородскій и курскій съ духовенствомъ. Для пребыванія Императрицы въ Бѣлгородѣ былъ приготовленъ домъ бригадира Хорвата, который и встрѣтилъ Ее у крыльца; тутъ же мѣстное дворянство и купечество поднесли хлѣбъ-соль и апельсины.

Вечеръ Императрица кончила, играя въ карты съ графомъ Кобенцелемъ, оберъ-камергеромъ Шуваловымъ и съ графомъ Шуваловымъ. (К.-Ф. ж. 1787).

Въ воскресенье, 13 іюня, утромъ въ 12-мъ часу, въ императорской двумѣстной каретѣ, предъ которою ѣхали впереди верхами дворяне и городничій съ своею командою, Императрица выѣхала къ литургіи въ Троицкій соборъ. У входа въ церковь Она была встрѣчена преосвященнымъ Ѳеоктистомъ, который сказалъ Ей прочувствованное привѣтственное слово. Въ соборѣ было устроено для Нея особое царское мѣсто, осѣненное великолѣпнымъ балдахиномъ. Здѣсь Екатерина прослушала обѣдню и молебенъ, въ ознаменованіе чего бѣлгородцы повѣсили въ своемъ соборномъ храмѣ портретъ Государыни, который просуществовалъ, какъ говорятъ, до 1832 года и затѣмъ былъ снятъ по приказанію начальства. (Историческій Вѣстникъ. 1886 г. Мартъ). Послѣ литургіи, статсъ-дама графиня Скавронская представляла Императрицѣ мѣстныхъ „знатныхъ дамъ“. Потомъ, посѣтивъ епископа Ѳеоктиста въ его келіи, Императрица возвратилась въ домъ Хорвата и здѣсь, у крыльца, бѣлгородскіе купцы опять поднесли Ей хлѣбъ—соль.

Въ подгородной слободѣ Ямской, въ Бѣлгородѣ, сохранилось слѣдующее преданіе о проѣздѣ Императрицы: „Проѣзжала здѣсь матушка царица Екатерина. Старики наши тогда казенную ямщину держали. И отъ губернатора имъ вышелъ такой приказъ: „доставить для царицы что ни на есть лучшихъ лошадей“. А лошади въ то время были кормныя, хорошія, потому сѣна было вволю, нужды въ этомъ не знали. Представили подъ царицу такихъ лошадей, что угоришь. И ямщики что ни на есть лучшіе сѣли на козлы.—„Ну, говорятъ, матушка, держись только, не вылети, не ушибись, родная!“ Да какъ припу-

стятъ своихъ лошадей—свѣту вольнаго не стало видно. Живой рукой долетѣли до первой станціи. А тутъ и спрашиваютъ царицу: „Что, матушка—царица, хочешь новыхъ лошадей перемѣнить, или на нашихъ поѣдешь дальше-то?“ „Да вѣдь ваши, говоритъ, не довезутъ?“

„Довезутъ, Ваше Царское Величество. Мы тако слово знаемъ, что довезутъ“.

„Ну, а коли, говоритъ, вы такое слово знаете, такъ везите. Я васъ, говоритъ, награжу за это“.—Сѣли наши ребята опять на козлы, присвиснули, пригаркнули и опять скорехонько доскакали до станціи. Тутъ царица имъ по чаркѣ водки велѣла дать, да по 10 рублей деньгами.

„А на деревню, говоритъ, на вашу жалую лѣсу 800 десятинъ за то, что вы ямщики ужъ очень хорошіе...“ (См. Историч. Вѣстн., 1886 г. Мартъ).

Послѣ обѣда, въ 3-мъ часу, Императрица выѣхала на ночлегъ близъ хутора Покровскаго, а на другой день, 14 іюня, черезъ городъ Обоянь, слободу Медвянку и хуторъ Селеховъ, прибыла въ Курскъ.

По приближеніи къ городу начались пушечная пальба и колокольный звонъ; близъ городскаго предмѣстья, на горѣ, Ее встрѣтилъ генералъ-аншефъ М. Ѳ. Каменскій съ пѣхотными полками, поставленными въ строй: тульскимъ, ростовскимъ и апшеронскимъ, которые чествовали въѣздъ Императрицы троекратнымъ изъ ружей бѣглымъ огнемъ. (К.-Ф. ж.).

При въѣздѣ въ городъ, у тріумфальныхъ воротъ встрѣтили магистратъ, купечество и цеховые съ ихъ значками.

По распоряженію властей, отъ самой городской заставы до Херсонскихъ воротъ, по обѣ стороны дороги разставлены были крестьянскія дѣвушки въ мѣстныхъ, разноцвѣтныхъ и довольно красивыхъ уборахъ; отъ Херсонскихъ же воротъ до Георгіевской площади стояли дѣвушки—горожанки, купеческія и мѣщанскія дочки, разодѣтыя въ лучшія свои платья. Въ рукахъ дѣвушекъ были букеты цвѣтовъ, которые онѣ бросали на дорогу, подъ царскій поѣздъ. (См. Историч, Вѣстн. 1886 г. Мартъ). У Знаменскаго монастыря Императрица выходила изъ

кареты приложиться ко кресту, съ которымъ встрѣтилъ Ее тутъ архимандритъ того монастыря Амвросій, и затѣмъ проѣхала на Красную площадь и остановилась здѣсь во „дворцѣ". Дворецъ этотъ былъ выстроенъ въ 1765 году, когда учреждена была курская губернія, и предназначался для жительства намѣстника и для пріема высокихъ гостей. Въ немъ, между прочимъ, былъ большой залъ, въ которомъ стоялъ богато убранный Императорскій тронъ; здѣсь по торжественнымъ табельнымъ днямъ намѣстникъ принималъ дворянъ и почетныхъ лицъ города. Здѣсь же, сидя на тронѣ, Екатерина принимала на другой день по пріѣздѣ знатныхъ дворянъ и военныхъ и „нѣкоторыхъ изъ нихъ удостоила милостиваго разговора".

Губернскій предводитель дворянства, во время представленія, сказалъ Императрицѣ рѣчь:

— Никогда не престанетъ вселенная удивляться славнымъ дѣяніямъ Твоимъ и потомство наше завидовать щастію, какимъ мы подъ державою Твоею наслаждаемся, видѣвши въ вождѣленномъ здравіи премудрую Законодательницу, великую Императрицу, Всемилостивѣйшую мать нашу; да будетъ вѣкъ Твой долголѣтенъ на свершеніе воли Твоея надъ нами, ибо мы не только видимъ, но и ощущаемъ опытами колико жизнь Твоя намъ драгоцѣнна; за всѣ же изліянныя Твои на насъ щедроты приносимъ Тебѣ въ жертву сердца наши, вѣрностію и усердіемъ горящія, яко залогъ вѣчной благодарности". (Изъ рукописи—Путешествіе Екатерины 1787 г.).

Въ Курскѣ Императрица производила смотръ войскамъ, квартировавшимъ въ то время въ городѣ, обозрѣвала окрестности, причемъ нѣкоторыя мѣста ей такъ понравились, что она подолгу любовалась ими, а слободу Стрѣлецкую, лежащую подъ горою и искрещенную заводнями рр. Сейма и Тускари, она назвала даже Венеціей. Между прочимъ, она посѣтила также курскій монастырь мужской, гдѣ сдѣлала значительныя пожертвованія.

Екатеринѣ очень понравился курскій женскій костюмъ, состоящій изъ особаго рода кокошника, сплошь расшитаго позументомъ, сарафана и рубахи, вышитыхъ шелками, и она

выразила городскому головѣ свое желаніе имѣть такой уборъ. Желаніе это было исполнено, и купчиха Сушкова доставила полный уборъ курской красавицы. Императрица пожаловала ей золотыя серьги, которыя, какъ говорятъ, до сихъ поръ сохраняются въ семействѣ Сушковыхъ.

Преданія разсказываютъ, что одинъ изъ крестьянъ подгородной слободы Казацкой поднесъ Екатеринѣ нѣсколько яблокъ изъ своего сада, прекрасно сохранившихся въ теченіи зимы. Милостивая гостья пожаловала ему за это сто рублей и въ разговорѣ, между прочимъ, назвала его добрымъ крестьяниномъ. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, и начали называть этотъ сортъ яблоковъ „добрымъ крестьяниномъ“ (одна изъ разновидностей извѣстной„ антоновки“).

Бывшіе въ свитѣ Императрицы сенаторы гр. Шуваловъ и т. с. Стрекаловъ, по приказанію Екатерины, произвели въ Курскѣ ревизію намѣстническаго управленія и нашли все въ замѣчательномъ порядкѣ. Императрица пожаловала награды всѣмъ служащимъ чиновникамъ.

Награждая духовенство и чиновниковъ [1]), Екатерина не забыла также горожанъ. Городу она пожаловала каменную мельницу на р. Тускори, а также и всѣ доходы, какіе получались казною отъ Коренной ярмарки. Это послѣднее пожалованіе оказалось особенно цѣннымъ для города, такъ какъ въ то время Коренная ярмарка была въ цвѣтущемъ состояніи и приносила громаднѣйшіе доходы.

Екатерина недолго пробыла въ Курскѣ и выѣхала 15 іюня послѣ обѣда, въ 3 часа, по орловскому тракту. У московской заставы для Ея выѣзда были заранѣе устроены тріумфальныя ворота, на личныя средства городскаго головы [2]) и курскаго

---

[1]) Въ Курскѣ пожаловано: на главное народное училище 1000 р.; на малыя шесть училищъ по 200 р.—всего 1200 р.; на богадѣльню 30 р.; архимандриту курскаго Знаменскаго монастыря Амвросію 500 р; на братію 500 р; игуменьямъ двухъ дѣвичьихъ монастырей 200 р; монахинямъ 400 р.; на курское духовное училище 200 р; на бѣлгородскую семинарію 800 р.; воинскимъ командамъ, находившимся въ лагерѣ близъ г. Курска 3835 р.

[2]) Городскимъ головою былъ въ то время Иванъ Ларіоновичъ Голиковъ, который извѣстенъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ рыльскимъ купцомъ Шелиховымъ устроилъ Россійско-Американскую компанію.

купечества. До самой границы губерніи Императрицу сопровождалъ кортежъ изъ 120 дворянъ верхами.

На ночлегъ прибыли въ село Ольховатое. Отсюда утромъ 16 іюня Императрица писала къ гр. Брюсу въ Петербургъ.

...„Я здорова, сего вечера надѣюсь пріѣхать въ Орелъ, дороги хороши и погода холодная и съ дождемъ весьма способствуетъ намъ, избавляя отъ духоты и пыли...“

Возвращаясь въ Петербургъ, Императрица вспомнила и объ Эрмитажѣ и въ этомъ письмѣ къ Брюсу прибавила:

„Птичекъ заморскихъ, наипаче inseparable пара въ клѣткѣ и колибри и иныхъ всякаго сорта по нѣсколько паръ прикажите купить и пустить въ Эрмитажъ, а inseparable беречь для Алек. Матв. Мамонова, которому еще зимою я обѣщала“. (Изъ прилож. къ К. Ф. ж. 1787).

16-го іюня къ вечеру Императрица прибыла въ Орелъ.

Въѣздъ въ городъ былъ съ соблюденіемъ слѣдующаго церемоніальнаго порядка, описаннаго въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ:

„1) Приближаясь къ городу, началась въ ономъ пушечная пальба и у всѣхъ церквей колокольный звонъ.

2) Близъ градскаго предмѣстья, въ лѣвой сторонѣ дороги стояли два баталіона Лифляндскаго егерскаго корпуса, баталіонъ Московскаго гренадерскаго полка и баталіонъ полка Санктпетербургскаго гренадерскаго.

3) У тріумфальныхъ воротъ, на площади, отъ купечества построенныхъ, стояли городоваго магистрата судьи и купечество, съ хлѣбомъ и солью, также градская дума и разные ремесленники съ ихъ знаками и на воротахъ была музыка.

4) У дома народнаго училища стояли учители съ ихъ учениками, которые въ рукахъ держали связанные пучки цвѣтовъ.

5) У дома, назначеннаго для Высочайшаго пребыванія, ожидали для встрѣтенія Ея Императорскаго Величества на крыльцѣ, у подъѣзда и въ сѣняхъ, чины правленія, палатъ, совѣстнаго и верхняго земскаго суда, съ прочими судами.

6) Въ томъ же домѣ, отъ парадной лѣстницы къ большой залѣ стояли по сторонамъ пути по 8 человѣкъ изъ малолѣт-

нихъ благородныхъ дѣтей, въ бѣлой одеждѣ, цвѣточнымъ сплетеніемъ украшенной, изъ коихъ одна дѣвица и одинъ мальчикъ для поднесенія Ея Величеству держали двѣ корзины, цвѣтами и плодами наполненныя.

7) Когда Ея Императорское Величество вступить изволила въ предмѣстье города, то отъ стоящихъ въ строю воинскихъ командъ отдана честь, съ уклоненіемъ знаменъ, съ музыкою и при барабанномъ боѣ; вступя же въ городъ и онымъ шествовать къ приготовленному дому для Высочайшаго пребыванія, тогда передъ каретою Ея Величества ѣхали верхами: губернскій предводитель, уѣздные предводители и довольное число дворянъ, по два въ рядъ, и близъ кареты, верхами же, ѣхали губернаторъ и правящій должность вице-губернатора; на тріумфальныхъ воротахъ играла музыка, на трубахъ съ литаврами; у дома училищнаго ученики бросали подъ карету цвѣты; прибывъ же въ домъ пребыванія и шествовавъ въ покои передъ заломъ, отъ благородныхъ дѣтей поднесены Ея Императорскому Величеству двѣ корзины съ цвѣтами и плодами. (Изъ К.-Ф. журнала, 1787).

Потомъ Императрица удалилась во внутренніе покои.

Свита Императрицы и всѣ спутники Ея были приглашены на ужинъ орловскимъ губернаторомъ Неплюевымъ.

На слѣдующій день, въ четвергъ, 17 іюня, въ 11-ть час. утра Императрица вышла сперва въ комнату передъ заломъ, куда призванъ былъ курскій губернаторъ д. с. с. Зубовъ, на котораго Императрица собственноручно надѣла орденъ св. Владиміра 2-й степени. При вступленіи Императрицы въ залу начались представленія: архимандритъ Московскаго Богоявленскаго монастыря поднесъ св. икону и сказалъ рѣчь,—за нимъ орловскаго Успенскаго монастыря игуменъ Іеронимъ,—потомъ: генералъ-аншефъ Каменскій, князь Лобановъ, полковникъ егерскаго баталіона, и другіе военные; за ними подходили къ Императрицѣ губернаторы курскій и орловскій, гражданскіе мѣстные чиновники, предводители дворянства, причемъ орловскій губернскій предводитель полковникъ Давыдовъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Всемилостивѣйшая Государыня! Восхищенное безмѣрною радостію отъ Твоего къ намъ, великая Государыня, прибытія, орловское Твоего Императорскаго Величества вѣрноподданное дворянство вторично позволяетъ мнѣ въ лицѣ своемъ пасть къ освященнымъ стопамъ Твоимъ, да изъявлю предъ Тобою усердіемъ къ Тебѣ преисполненныя наши чувства, чувства благоговѣйныхъ чадъ, благословляющихъ въ Тебѣ щедроту и кротость Великія Матери Отечества".

Императрица во время представленія всѣхъ жаловала къ рукѣ.

Послѣ обѣда, въ 7-мъ часу, Императрица, по просьбѣ губернатора, удостоила его посѣщеніемъ въ его домѣ. Передъ выѣздомъ изъ дворца, въ передней комнатѣ представлены были ей старшины городоваго магистрата съ знатнымъ купечествомъ и ихъ жены; отъ купечества поднесены хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ и въ двухъ фарфоровыхъ корзинкахъ разные фрукты, также живыя стерляди и другая разная рыба. (К. Ф. ж.). Императрица выѣхала въ двумѣстной каретѣ, предъ которою ѣхали верхами губернскій предводитель съ двѣнадцатью дворянами. Свита и посланники слѣдовали въ особенныхъ каретахъ.

У крыльца встрѣтилъ губернаторъ Неплюевъ, вице-губернаторъ полковникъ Корнѣевъ, а въ сѣняхъ губернаторша съ „знатными" дамами; здѣсь по обѣ стороны стояли малолѣтнія благородныя обоего пола дѣти, въ бѣломъ пастушьемъ платьѣ съ перевязями, изъ цвѣтовъ сплетенными. Въ залѣ дамы были представлены статсъ-дамою Скавронскою. Губернаторъ угостилъ дорогую посѣтительницу театромъ, который былъ нарочно устроенъ въ губернаторскомъ домѣ къ пріѣзду Императрицы. Представлена была „благородными особами" русская комедія „Солиманъ II" и комическая опера „Ворожей".

По окончаніи спектакля Императрицѣ представлена дочь губернатора дѣвица Неплюева и всѣ участвовавшія съ нею въ спектаклѣ дѣвицы и жалованы къ рукѣ. Вечеръ окончился баломъ, который Императрица оставила въ 10 часовъ.

На другой день, 18 іюня, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, съ соблюденіемъ церемоніала, бывшаго при

въѣздѣ, Императрица выѣхала послѣ обѣда изъ Орла на ночлегъ въ городъ Мценскъ. При отъѣздѣ изъ Орла Императрица пожаловала на главное народное училище 1000 р. на малые два елецкое и мценское 200 р.; на монастыри орловскій мужескій Успенскій, орловскій Введенскій дѣвичій и мценскій Покровскій по 300 р. На солдатъ на 3907 ч. по 1 рублю—3907 р.; на два егерскіе баталіона 1750 р.; на штатныя команды 186 р.; въ орловскую богадѣльню 54 р.—всего 8397 руб. (изъ Приходо-расх. кн. Кабинет. Е. В.).

Г. В. Есиповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПАРАЛЛЕЛИ КЪ ПОВѢСТИ Н. В. ГОГОЛЯ „ВІЙ".

Въ повѣсти „Вій" обнаруживается двоякое вліяніе: въ началѣ повѣсти, незначительное, почти незамѣтное вліяніе „Бурсака" Нарѣжнаго и затѣмъ, въ главной части повѣсти, сильное вліяніе народной сказки о ѣздѣ парубка на вѣдьмѣ, смерти вѣдьмы и чтеніи парубкомъ надъ ней въ церкви псалтыри. Изъ народныхъ же повѣрій заимствованъ и самый образъ Вія. Сходство „Вія" Гоголя съ народными сказками о смерти вѣдьмы такъ велико, что повѣсть можно считать передѣлкой сказки. Сказка о смерти вѣдьмы, легшая въ основаніе „Вія", принадлежитъ къ числу весьма популярныхъ. Она встрѣчается у разныхъ европейскихъ народовъ. Я не имѣю намѣренія останавливаться подробно на деталяхъ варіантовъ сказки, что нетрудно сдѣлать при большемъ досугѣ, и отмѣчу здѣсь только тѣ сборники, гдѣ мнѣ встрѣчалась литературная родня „Вія":

1) *Ивановъ*, Народные разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ, въ 3 томѣ „Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества" 1891 г. на стр. 202—204.

2) *Чубинскій*, Труды этногр.-статист. экспедиціи въ Западно-русскій край, 1872, т. I, стр. 200—203: дьячокъ ѣздитъ на вѣдьмѣ; вѣдьма умерла, и дьячокъ, по желанію ея отца, три ночи читаетъ надъ нею псалтырь. По совѣту одной старухи, дьячокъ скрывался въ кругѣ, начертанномъ роговымъ ножомъ и потомъ въ шкафъ, гдѣ хранились ризы; вѣдьма не могла его задушить.

3) *Драгомановъ*, Малорусскія народныя преданія и разсказы, 1876, стр. 71, сказка „Видьма та видьмакъ“—краткая передача того содержанія, которое развито подробно у Чубинскаго и еще подробнѣе у Иванова.

4) *Манжура*, Сказки, пословицы и пр. 1890 г.; на стр. 136—137 сказка о чтеніи надъ вѣдьмой псалтыри въ церкви парубкомъ въ теченіи 3 ночей. Дѣдъ даетъ ему совѣты, какъ избавиться отъ бѣсовъ. Мотива о ѣздѣ на вѣдьмѣ нѣтъ. Сказка краткая. Окончаніе то же, что въ сказкѣ въ сборникѣ Драгоманова.

5) *Podbereski*, Materyały do demonologii ludu ukraińskiego, въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, IV. Сказка „Нареченая вѣдьма: „вѣдьма разсердилась на парубка и умерла; по требованію ея отца, парубокъ три ночи читаетъ надъ ней псалтырь и благополучно уходитъ отъ вѣдьмы и бѣсовъ.

Малорусскіе варіанты сходны, для сравненія съ Гоголевскимъ Віемъ прилагаю здѣсь наиболѣе подробный варіантъ изъ сборника г. Иванова:

— „Жила соби старуха, а у неи бувъ онучекъ. Ходывъ винъ на ярмарокъ, тамъ купцивна побачитъ его, шо винъ иде на ярмарокъ, та выбижитъ на вулыцю та й каже: „молодецъ, молодецъ, якъ бы ты мій жеребецъ, ябъ на тоби йздыла, йздыла!“ Це винъ иде на ярмарокъ, вона ему такъ каже; изъ ярмарку иде, вона ему также каже, а винъ и не зна, шо ій отвичаты. Та пришовъ до дому та й хвалыться своій бабушци. „Бабушко, якъ я шовъ на ярмарокъ мымо купцивого двора, а купцивна выбижитъ, его дочка, та й каже мини: молодецъ, молодецъ, якъ бы ты мій жеребецъ, я бъ на тоби йздыла, йздыла! а я и не знаю, шо ій и казаты.“—А ты, сыноку, якъ пидешъ на ярмарокъ, такъ скажи ій: дивица, дивица, якъ бы ты моя кобылица, я бъ на тоби йздывъ, йздывъ! Отъ винъ пишовъ на ярмарокъ, вона й выбигла та й ему и каже: „молодецъ, молодецъ, якъ бы ты мій жеребецъ, я бъ на тоби йздыла, йздыла!“ А винъ тоди ій и каже: „дивица, дивица, якъ бы ты моя кобылица, ябъ на тоби йздывъ, йздывъ!“ Ихъ, вона такъ и схватылась кобылицею; винъ сивъ на неи верхомъ та й пойхавъ у чистее поле. Уже винъ на неи йздывъ, йздывъ и по лисахъ, и по ярахъ, и по буграхъ, та такъ ій выйздывъ, шо зъ неи мыло впало и повернувъ до дому. Прійхавъ до двору до ій,—вона упала коло воритъ и переробылась на дивку и здохла. Той хлопецъ прыйшовъ до дому, а тамъ вышла горнышна за ворота, ажъ лежитъ ихня панянка вмерша: ны зна нихто, шо зъ нею случилось. Та й узялы ій въ комнату, нарядылы, тай положилы на столи. А вона була *ярытныця* и батько ій ярытныкъ, и взнавъ винъ, шо то бабушкинъ внукъ ій зайздывъ, и прыйшовъ до его наняты его читаты надъ дочкою у церкви цилу ничъ. Ну, винъ сперва не соглашався, не хотивъ идты, а бабушка ему и каже: „Иды, сыну, помолысь Богу, та й иды“. Ото тоди винъ, той онучокъ, и каже батькови ярытныци: „а скилькы вы мини дасте, шо я буду чытаты?“—50 рублывъ. „Ни,

за 50 не хочу, якъ сто дасте, тоди иду.“ — Ничого съ тобою робыты, на и сто, тильки иды. И пишовъ соби купець до дому. Ну, дождались воны вечера и той убирается, внукъ, идты читаты надъ купцивною, а бабушка ему и каже: „ну глядн, сынокъ, читай та не оглядайся никуды и поставъ иззади себе Матеръ Божу.“ Отъ винъ убрався и пишовъ. Прыйшовъ у церкву, изнявъ со стины икону Матерь Божу и поставывъ иззади себе, взявъ псалтырь, ставъ у нигъ купцивны и читае. Отъ винъ тамъ читавъ, ничого ему не показуется, якъ о пивночи вдругъ пиднимается крышка зъ гроба и встае купцивна. Устала, якъ засміялась, руками сплеснула и каже: „вставайте, мои друзья пріятели, шукайте мого непріятеля!“ Якъ зашумилы изъ подъ полу мертвеци, та багато, багато, и почалы бигаты по церкви. Шукалы, шукалы и не найдуть ниякъ. Тутъ пивни: кукуреку, такъ ти вси мертвеци и зашумилы пидъ пилъ, а купцивна такъ и вдарылась по середыни церкви и стала не жива. Той тоди хлопець бросывъ читаты, узявъ купцивну, положивъ у гробъ, накрывъ серпанкомъ и крышкою и опьятъ ставъ чытаты. Уже розвыднается, приходе купецъ: „ну, що читаешъ?“ — Читаю, отвичае хлопець. А купецъ тилько и сказавъ: угу, вынявъ сто рублевъ, отдавъ ему та й каже: „прыходы на другу ничь читаты.“ — Якъ дасте пивтораста рублевъ,такъ прыйду. „Ничого съ тобою робиты, дамъ, тилько прыходь“. Ну, и пишлы зъ церквы, а церковъ зачинылы. Ото той пришовъ, онучекъ, до дому, а бабушка и пытается: „якъ тамъ тоби, сынокъ, було?“ — Та ничого ще, бабушко; уставала купцивна, бигала по церкви, багато мертвецивъ зъ пидъ полу вылазыло, бигалы, шукалы мене и не нашлы. Та казавъ купецъ, шобъ прыходывъ йще на другу ничь. „Ничого, сынокъ, иды; тилько теперъ, якъ пидешъ, такъ поставышъ сзаду себе святу Покрову, тай опьять все читай, все читай, ны дывысь назадъ, шобъ тоби ны було, не оглядайся — читай.“ Ото дождались воны вечера и пишовъ винъ читаты. Прыйшовъ у церкву, изнявъ съ стины Покрову, поставывъ сзаду себе, взявъ псалтырь и ставъ читаты. Отъ винъ чытавъ, читавъ до пивночи, и встае опьять купцивна. Устала, якъ засміется, захлопала рукамы: „уставайте, мои друзья пріятели, шукайте мого непріятеля!“ Такъ и зашумилы зъ пидъ полу мертвеци. Якъ нашлы его, началы коло его спиваты, граютъ, у палочки бьютъ, щобъ винъ глянувъ на ныхъ, и рукамы его достаютъ и не достанутъ. А винъ все чита, все чита. Отъ пивни заспивалы, мертвеци такъ и зашумилы пидъ пилъ и купцивна вдарылась по середыни церквы. Винъ бросывъ чытаты, взявъ купцивну, положивъ у труну, накрывъ серпанкомъ и крышкою и опьять ставъ читаты. Дочитався до утра, прыходе батько ій и каже: „ну, шо, читаешъ, малый?“ — Читаю. Винъ опьять тилько и сказавъ цему: „ну, прыходь, братъ, и на третью ничь читаты.“ — Дасте триста рублевъ, такъ прыйду. „Ничого съ тобой робыть, дамъ, тилько прыходь.“ Тоди вынувъ гроши за цю ничь, отдавъ та й ще приказуе: „ты жъ прыходь, братъ, не обманы!“ — Харашо, ни, будыты покойни, прыйду. Ото и пишлы воны зъ церквы. Прыйшовъ той хлопецъ до дому; тамъ пытается его бабушка: „якъ тоби, сыночекъ, тамъ було?“ Винъ ій разсказавъ все, якъ було. „Ище козавъ, шобъ прыходывъ на третью ничь.“ — Ничого, сынокъ, молысь Богу та й иды. Теперъ, якъ пидешъ, такъ обставышься кругомъ Спасытелямы. Прыйшовъ винъ у церкву, обставывся кругомъ Спасытелямы. взявъ псалтырь и почавъ читаты. Тилько смеркло, вона уже и встае. Устала, засміялась, захлопала рукамы: „уставайте, мои друзья пріятели, шукайте мого непріятеля!“ Такъ и зашумилы зъ пидъ полу мертвеци та й вси въ серпанкахъ и почалы коло его крутыться, скакаты, доставаты его рукамы не достануть. Танцюютъ не-

редъ нымъ, сміются шобъ винъ глянувъ, тоди бъ воны его розирвалы. А винъ такы все чита та чита, не дывится на ныхъ. Ото воны доставалы, доставалы его, ничого не зроблятъ—не достанутъ, та й побиглы уси зъ церквы на сміття шукаты щепокъ тыхъ, шо съ обохъ кравивъ пидпалыны, и найшлы. Прыйшлы въ церкву и началы пидкопуваты тымы горилымы щепкамы доску, де винъ стоявъ, шобъ его зворухнуты зъ міста. Та вже отъ отъ пиднимутъ. А его бабушци такъ усю ничь не спытся, та щей бачыла вона, шо бигалы мертвеци по сміттю. Ото встала вона, одяглася, та скоришъ пидъ сидало, та за пивня, та пивня пидъ мышку, та й побигла до церквы. Прибигла до дверей, та якъ придаве пивня рукою, а винъ: кукурику та трычи. Такъ ти мертвеци такъ пидъ пилъ и зашумилы, а куцивна середъ церквы ожарылась и зробылась не жыва. Винъ іи узявъ, положывъ у труну, накрывъ серпанкомъ, зверху ще крышкою и ставъ читаты. Тутъ трохы перегодя стали питухи спиваты, винъ тоди самъ собі и каже: слава тоби Господы! Ото винъ тамъ читавъ, читавъ и дочитався стало, слава Богу, свитаты. Воно ще рано, а купецъ вже й прыйшовъ и каже: „а шо читаешъ?“ Той хлопець ему въ отвитъ: читаю. Пишовъ той купецъ по церкви та й каже: „моя дочка була ярытныця, а цей ще похлеще моеи дочкы.“ Отъ тутъ винъ отдавъ ему 300 рубливъ; хлопець взявъ гроши и пишовъ до дому. Прыйшовъ и пытается въ его бабушка: „шо, сынокъ, якъ тоби тамъ було?“—Я думавъ, бабушко, шо це моя смерть прыйшла, ажъ воно, слава Богу, заспивалы питухи, такъ воно все счезло. А ему и каже бабушка: „це я, сынокъ, прыходыла тоби пидсобляты; такъ мини всю ничь не спится та й не спится, якъ гляну я у викно, ажъ бигаютъ по улици мертвеци; я скоришъ схватылася та за пивня, та до церквы, та якъ придавлю питуха, а винъ: кукурику.“—Спасиби вамъ, бабушко, шо спаслы мене видъ смерти! Ту куцивну заховалы, а той хлопець ожынывся, и стали собі житы поживаты“. (Г. Купянскъ. Записала со словъ крестьянки Л. Пахомовой В. Щ.).

Къ малорусскимъ сказкамъ примыкаютъ бѣлорусскія, великорусскія, польскія и др., въ сборникахъ:

6) *Добровольскій*, Смоленскій этнографическій сборникъ, 1891, I, стр. 130.

7) *Karłowicz*, Podania i bajki ludowe, zebrane na Litwie, въ Zbiór wiadomości do antrop. krajow., XI. Въ сказкѣ подъ № 19 умираетъ царевна вѣдьма; по требованію ея отца, солдатъ три ночи читаетъ надъ ней псалтырь.

8) *Аѳанасьевъ*, Народныя русскія сказки, изд. 2, 1873, въ т. III, подъ № 208 сказки, очень близкія къ „Вію“: вѣдьма превращаетъ человѣка въ коня, сама возитъ его потомъ, умираетъ, чтеніе въ церкви надъ ней псалтыри. Сказки эти весьма сходны съ малорусскими сказками у Чубинскаго и Иванова, вѣдьма—купеческая дочь, читаетъ поповичъ или солдатъ; совѣты даетъ старуха.

9) *Худяковъ*, Великорусскія сказки, 1860, во II части подъ № 91 сказка о томъ, какъ умершая колдунья поднимается изъ гроба, хочетъ убить сестру, послѣднюю спасаетъ крикъ пѣтуха; подъ № 104 сходная сказка о колдунѣ: умеръ, стоялъ 3 ночи въ церкви, задушилъ 2 своихъ невѣстокъ; третья невѣстка перехитрила упыря.

10) *Chełchowski*, Powiesci i opowiadania ludowe, 1889, I, на стр. 21—28 польская сказка о панѣ—упырѣ, который разорвалъ попа въ церкви. Парень, по совѣту дѣда, избѣгаетъ опасности.

11) *Kozłowski*, Lud, piesni, podania, 1869; на стр. 350 польская сказка о панѣ упырѣ, который ходилъ по церкви и хотѣлъ убить дѣвушку, сказка почти тождественная съ великорусской въ сборникѣ Худякова.

12) *Kolberg*, Lud, VIII (krakowskie) на стр. 138 сказка о томъ, какъ парень читалъ въ церкви псалтырь надъ умершей вѣдьмой.

13) *Kulda*, Moravske narodne pohadky a povesti', 1854; на стр. 560 — 574 сказка, по нѣкоторымъ мотивамъ (ѣзда на вѣдьмѣ) сходная съ указанными великор., малор. и польскими.

14) *Mabinogion*, trad. en francais par Zoth, въ „Cours de littérature celtique“ par d'Arboie de Jubainville et p. Zoth, 1889. Подробный отзывъ г. М. Соловьева въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1890, XII, 867—871. Мабиногіонъ—сборникъ древнихъ кельтскихъ преданій и сказокъ, по рукописямъ XII—XIV вѣковъ. Сказка о Балорѣ напоминаетъ гоголевскаго Вія.

Проф. *П. В. Владиміровъ* къ интересномъ сочиненіи о Великомъ Зерцалѣ (1884 г.) на стр. 23 приводитъ легенду о томъ, какъ „волшебницу демоны извлекоша изъ церкви, въ ней же погребена бысть“. Въ „Speculum Majus“ (1256 г.) легенда эта вошла изъ сочиненія „Gwilelmus'a“. Содержаніе: Въ Англіи, въ селеніи Бенелея, жила волшебница. Она узнала отъ сороки о своей скорой кончинѣ. Волшебница велѣла положить себя по смерти въ окованный желѣзомъ гробъ и поставить въ церковь. Но въ то время, какъ надъ ней пѣли священники, демоны ворвались въ церковь, подхватили гробъ, разбили его, извлекли волшебницу изъ церкви и демонъ ускакалъ съ ней на

адскомъ конѣ. Г. Владиміровъ добавляетъ при этомъ, что коротенькій пересказъ легенды помѣщенъ въ Нюрнбергской хроникѣ 1493 года съ гравюрой. Эта легенда была весьма распространена въ средніе вѣка. Недавно г. *Фалиганъ* привелъ разсказъ средневѣковаго историка Вильгельма де Мальмсбери († около 1150 г.) о томъ, какъ трупъ вѣдьмы былъ унесенъ дьяволомъ изъ церкви. *Г. Тосера* указалъ на другіе старинные англійскіе, нѣмецкіе и французскіе разсказы тожественнаго содержанія и приложилъ двѣ миніатюры (Revue des trad. popul. 1888, IX, 487—491, ст. Фалигана, и тамъ же XII, 643—647, ст. Tausserat). Этотъ разсказъ въ Англіи пользуется широкой извѣстностью подъ названіемъ The witch of Berkley (Берклейская вѣдьма). „Кто не найдетъ, замѣчаетъ г. Владиміровъ (В. Зерцало, 23), въ этой легендѣ интересную параллель, а можетъ быть источникъ къ извѣстной повѣсти Гоголя „Вій“, возникшій изъ подобныхъ же южно-русскихъ народныхъ пересказовъ“. Намъ кажется, что этотъ циклъ сказаній занимаетъ въ народной литературѣ и въ письменности самостоятельное положеніе. Сказки и легенды типа Берклейской вѣдьмы имѣютъ то существенное отличіе отъ сказокъ типа гоголевскаго Вія, что въ первыхъ нѣтъ основнаго мотива послѣднихъ—чтенія въ церкви надъ вѣдьмой псалтыри, и нѣтъ также ѣзды на вѣдьмѣ; а самое главное, что въ послѣднихъ (Вій) демоны помогаютъ вѣдьмѣ, тогда какъ въ первыхъ (Берклейская вѣдьма)—уносятъ въ адъ на мученія; а безъ этихъ мотивовъ трудно поставить данныя сказанія и легенды въ параллель и тѣмъ болѣе сомнительнымъ представляется предположеніе о родствѣ ихъ по происхожденію.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ біографическому матеріалу объ А. А. Котляревскомъ.

Я зналъ покойнаго Александра Александровича Котляревскаго только какъ ученикъ учителя; ни какъ семьянинъ, ни какъ человѣкъ вообще, не былъ онъ мнѣ хорошо извѣстенъ. Вотъ почему мои краткія воспоминанія о немъ по необходимости будутъ и нѣсколько поверхностны и мало, быть можетъ, содержательны. Я работалъ у покойнаго, главнымъ образомъ, по чешской и сербской литературѣ. Гостепріимныя двери его огромнаго книгохранилища открывались передо мною, какъ и предъ всякимъ желавшимъ у него работать студентомъ (такихъ было, къ сожалѣнію, немного, и покойный не успѣлъ образовать своей школы [1]) въ любое время. Чаще другихъ приходили къ нему на домъ для занятій А. В. Стороженко и я. Работы, которыя давалъ тогда А. А., носили преимущественно характеръ изученія сокровищъ народной словесности и жизни славянъ, ихъ обычаевъ, обрядовъ, повѣрій и пр. Составлялись иногда довольно значительныя по объему сочиненія по извѣстному «Ковчежцу» Вука Караджича, по его же превосходному Словарю и т. п. Я лично еще изучалъ подъ руководствомъ А. А. и такъ называемую перехожую литературу среднихъ вѣковъ, главнымъ образомъ, конечно, въ ея славянскихъ изводахъ; здѣсь покойный нерѣдко указывалъ лучшіе пріі-

[1]) Произошло это, конечно, прежде всего отъ преждевременной кончины покойнаго А. А., отчасти же отъ того, что эпоха семидесятыхъ годовъ въ университетахъ, особенно кіевскомъ, не особенно благопріятствовала увеличенію состава филологическихъ факультетовъ; окончившіе гимназію юноши предпочитали тогда изученіе права и медицины... Кромѣ того, пріѣздъ А. А. въ Кіевъ произошелъ послѣ глубокаго паденія славянской каѳедры въ университетѣ, что, конечно, неизбѣжно должно было нѣсколько отразиться на первыхъ годахъ профессорства А. А. не особенно значительнымъ увеличеніемъ числа слушателей.

емы и методы изслѣдованія. Въ то время (1877—9 гг.) онъ особенно цѣнилъ научные пріемы историко-литературныхъ изслѣдованій извѣстнаго чешскаго ученаго Вячеслава Небесскаго, и нужно признаться, что старательное ихъ изученіе, предпринятое мною по совѣту А. А., дѣйствительно принесло мнѣ очень много пользы.

Широтѣ и разносторонности изученій покойный А. А. придавалъ огромное значеніе и самъ своей огромной начитанностію по всѣмъ гуманитарнымъ наукамъ невольно подзадаривалъ своихъ учениковъ къ такому же ученому энциклопедизму. Была при этомъ для послѣднихъ, конечно, опасность разбросаться, удариться въ ширь, а не въ глубь изученій, но умѣлая рука А. А. легко и искусно направляла всѣ такія увлеченія по истинному пути и сдерживала ихъ въ надлежащихъ предѣлахъ. Во всякомъ случаѣ, по настоянію А. А., мнѣ приходилось читать чрезвычайно много по самымъ разнообразнымъ факультетскимъ и нефакультетскимъ наукамъ: исторіи всеобщей литературы и теоріи словесности, философіи, соціологіи и политической экономіи, лингвистикѣ и пр., причемъ необходимыя книги обязательно получались отъ него же, если ихъ не бывало въ университетской библіотекѣ, что случалось очень часто. Нѣкоторыхъ книгъ, особенно уникъ, онъ, впрочемъ, не давалъ на домъ; въ такомъ случаѣ ихъ приходилось прочитывать и изъ нихъ дѣлать выписки въ самомъ его книгохранилищѣ; зато дубликаты книгъ, имѣвшіеся у А. А. въ весьма значительномъ количествѣ, онъ не только весьма охотно давалъ на домъ, но даже часто и дарилъ ученикамъ. Основательное знаніе санскрита онъ почиталъ краеугольнымъ для всякаго слависта; объ этомъ онъ прямо заявилъ мнѣ, когда, послѣ окончанія мною университетскаго курса, предположилъ провести меня въ университетъ въ качествѣ казеннаго стипендіата для приготовленія къ профессорскому званію по предмету славянской филологіи, что, впрочемъ, было мною, по разнымъ причинамъ, объяснять которыя здѣсь не мѣсто и не время, отклонено. Не менѣе важнымъ обстоятельствомъ считалъ онъ и возможно большую начитанность въ старыхъ литературныхъ памятникахъ, на что постоянно напиралъ при своихъ частныхъ занятіяхъ съ учениками (система домашнихъ семинарій). Посредствомъ нѣсколькихъ искусно поставленныхъ вопросовъ, вставленныхъ среди бесѣды, А. А. легко удостовѣрялся въ степени основательности изученія памятника. Онъ часто, по этому поводу, жаловался, что во многихъ историко-литературныхъ работахъ, исполненныхъ даже спеціалистами, не всегда можно наблюдать дѣй-

ствительно глубокое, а не поверхностное лишь, изученіе памятниковъ... Ученое верхоглядство и легкомыслiе осуждалъ онъ строго и безпощадно; тутъ бывали весьма кстати и его остроуміе, и его рѣзкій, желчный языкъ...

Библіографическія занятія А. А. считалъ крайне важными для всякаго ученаго, желающаго быть полнымъ хозяиномъ въ своей области, отчетливо знать, что и какъ въ ней уже сдѣлано, и что еще остается сдѣлать либо передѣлать...

Этимъ легко объясняется его наклонность, перешедшая потомъ уже въ страсть, къ собиранію книгъ и составленію книгохранилища, подобныхъ которому мало можно встрѣтить у частныхъ людей...

Въ этомъ былъ, впрочемъ, своего рода недостатокъ: имѣя въ своемъ книгохранилищѣ все, что ни выходило по славяновѣдѣнію и родственнымъ предметамъ, онъ нерѣдко забывалъ о необходимости снабженія и университетской библіотеки выходившими въ свѣтъ новостями или же дѣлалъ это не въ очень значительныхъ размѣрахъ...

Изъ ученыхъ славистовъ А. А. особенно цѣнилъ и уважалъ И. И. Срезневскаго, котораго называлъ всегда за его непомѣрное трудолюбіе и усидчивость въ занятіяхъ «бенедиктинцемъ» и постоянно ставилъ своимъ ученикамъ въ примѣръ необычайнаго трудолюбія и научной добросовѣстности, соединенной съ яснымъ и дѣйствительнымъ пониманіемъ настоящихъ задачъ науки... Рѣдкая лекція покойнаго А. А. проходила безъ упоминанія по тому либо другому поводу имени Срезневскаго...

Лекціи А. А. имѣли характеръ непринужденныхъ, лишенныхъ всякой аффектаціи и изысканности научныхъ бесѣдъ, которыя, если можно такъ выразиться, хозяинъ по необходимости долженъ былъ изъ своей ученой рабочей комнаты переносить въ аудиторію. Изложеніе, хотя и сопровождалось по временамъ чтеніемъ написаннаго, въ общемъ имѣло видъ устнаго преподаванія, иногда, впрочемъ, и толкованія читаемаго. Практическія упражненія состояли чаще всего въ томъ, что кто нибудь изъ учащихся читалъ сербскій или чешскій, болгарскій и пр. литературный памятникъ; преподаватель исправлялъ, объяснялъ и т. п.; читались всего чаще сербскія пѣсни В. Караджича, Краледворская и Зеленогорская рукописи, рѣже болгарскія пѣсни. Объ объемѣ, составѣ и характерѣ университетскаго преподаванія А. А. я не буду распространяться, такъ какъ это уже сдѣлано А. В. Стороженкомъ на страницахъ «Вѣстника Европы» 1890 г.

А. А. былъ превосходнымъ собесѣдникомъ, въ высокой степени по-

учительнымъ (я говорю не о тѣхъ минутахъ, когда покойный бывалъ желченъ и иногда рѣзко судилъ либо осмѣивалъ людей); послѣ каждой серьезной бесѣды съ нимъ я, по крайней мѣрѣ, уходилъ обогащенный новыми свѣдѣніями, часто ободренный, когда падалъ духомъ, и окрыленный. Иногда, если покойный А. А. замѣчалъ находившую на меня по временамъ, въ видѣ какой то болѣзни, тоску или унылость въ работѣ, смѣясь давалъ онъ мнѣ «Замогильныя записки Пиквикскаго клуба»; онъ серьезно полагалъ, что эта прекрасная книга въ состояніи возстановить духовное равновѣсіе въ любое время и таковое его предположеніе оказывалось всегда дѣйствительнымъ и основательнымъ. Вообще у этого насмѣшливаго, впрочемъ склоннаго къ юмору, иногда суроваго на видъ человѣка, бывало много душевной теплоты и сердечнаго сочувствія...

Мнѣ приходилось слышать иногда упреки, по адресу покойнаго А. А., въ злоязычіи его; но, кажется, это можно отнести уже къ самымъ послѣднимъ годамъ жизни А. А., когда онъ, удрученный болѣзнію, убитый совершавшимися тогда нестроеніями нашей общественной жизни, бывалъ дѣйствительно иногда черезчуръ ужъ желченъ и раздражителенъ. Въ общемъ же едва ли его злоязычіе и злорѣчіе переходили предѣлы добродушнаго юмора, невинной, незлобивой насмѣшки надъ тѣмъ либо другимъ человѣческимъ недостаткомъ, почему либо привлекавшимъ его вниманіе.

Покойный А. А. былъ не просто преподавателемъ славяновѣдѣнія въ высшей школѣ; нѣтъ, онъ внимательно слѣдилъ и за всѣми явленіями славянской общественной, литературной и политической жизни, которую, благодаря долговременному пребыванію въ Чешской Прагѣ, зналъ и понималъ хорошо. Онъ не былъ увлекающимся черезчуръ славянофиломъ, но трезво и критически относился къ славянскому вопросу, въ которомъ любилъ и умѣлъ отдѣлять осуществимое отъ недостижимаго. Но что онъ былъ на дѣлѣ, а не на словахъ только, дѣйствительнымъ славянолюбомъ (не славянофиломъ, впрочемъ), это онъ доказалъ хотя бы въ бытность свою предсѣдателемъ Кіевскаго Славянскаго Общества во время послѣдней русско-турецкой войны... Вотъ почему я думаю, что тѣ выраженія сомнѣнія, которыя мнѣ приходилось иногда слышать, въ славянскихъ чувствахъ и мнѣніяхъ покойнаго А. А., едвали основательны и согласны съ дѣйствительностью. Скорѣе нужно думать, что только особенная, своеобразная окраска славянскихъ взглядовъ А. А. приводила нѣкоторыхъ его знакомыхъ къ вышеупомянутому мнѣнію о его рав-

нодушіи къ славянамъ. Не слѣдуетъ во всякомъ случаѣ забывать, при сужденіи объ этой сторонѣ дѣла, того обстоятельства, что покойный А. А. Котляревскій былъ прежде всего ученый славистъ и только затѣмъ ужъ славянскій дѣятель и публицистъ (въ широкомъ смыслѣ, т. е., какъ выразитель тѣхъ или другихъ общественно-политическихъ взглядовъ), и что, наприм., его славянскія связи и отношенія были по преимуществу все таки ученыя [1])...

А. Степовичъ.

Южнорусскій громникъ. Въ 1862 году Костомаровымъ изданъ былъ (Памятники старинной русской литературы, издаваемые графомъ Кушелевымъ-Безбородко, выпускъ III, стр. 154—155) «Громникъ двѣнадесятимъ мѣсяцамъ собрано Иракліемъ царемъ отъ звѣздозаконія», списанный изъ рукописнаго сборника Троицкой Лавры, и принадлежащій, по предположенію издателя, южнославянской редакціи. Не знаю, были ли гдѣ нибудь опубликованы подобныя произведенія русской редакціи. А между тѣмъ всякому изслѣдователю народныхъ вѣрованій и воззрѣній сразу должно быть ясно, что подобныя произведенія, какъ ни нелѣпы могутъ они казаться нашему просвѣщенному пониманію, совсѣмъ не такими казались нашимъ праотцамъ. Коренясь въ астрологическихъ суевѣріяхъ сѣдой древности и прикрываясь громкими именами, эти, церковью запрещенныя, но ея-же служителями эксплуатированныя и пропагандированныя, сочиненія должны были имѣть большое вліяніе на формировку вѣрованій и воззрѣній народныхъ, и въ свою очередь со временемъ сами должны были измѣняться и варьироваться подъ вліяніемъ разъ сложившихся вѣрованій.

Прошлымъ лѣтомъ мнѣ удалось отъ одного народнаго учителя въ восточной Галиціи пріобрѣсть обширный и богатый содержаніемъ

---

[1]) Я рѣшился напечатать эти небольшія воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ, написанныя уже давно и все время лежавшія безъ движенія, только потому, что мнѣ привелось какъ то узнать, какъ цѣнитъ А. Н. Пыпинъ, приготовляющій къ печати жизнеописаніе А. А. Котляревскаго, всякія, даже самыя скромныя, замѣтки о покойномъ А. А. Я былъ тоже вызываемъ къ сообщенію таковыхъ замѣтокъ; этимъ-то обстоятельствомъ и обусловлено появленіе въ печати моихъ скромныхъ и бѣглыхъ воспоминаній, которыя, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ окажутся небезполезными, въ виду сравнительной немногочисленности сообщеній о такой во
комъ случаѣ крупной личности и ученой силѣ, какою былъ покойный А. А.

рукописный сборникъ, писанный въ 1747—1755 годахъ священникомъ Ильею Яремецкимъ Бѣлахевичемъ, жившимъ нѣкоторое время въ православномъ монастырѣ въ Путнѣ на Буковинѣ, а также состоявшимъ приходскимъ священникомъ въ с. Волчковцахъ, въ нынѣшнемъ снятынскомъ повѣтѣ въ Галиціи. Сборникъ этотъ, который дошелъ до моихъ рукъ въ видѣ нѣсколькихъ фрагментовъ, съ недостающими то сямъ, то тамъ листами, сшитыми въ послѣдствіи какъ попало, содержитъ еще теперь безъ малаго 200 статей и отрывковъ самаго разнообразнаго содержанія, главнымъ образомъ, конечно, церковно-религіознаго. Есть тамъ житія святыхъ, слова св. отцевъ, учителей и постниковъ, описанія чудесъ (напр. очень интересная и по языку, и по содержанію коллекція описаній чудесъ св. Николая), вирши на Рождество и на Воскресеніе Христово, но что всего цѣннѣе въ этомъ сборникѣ, такъ это богатая коллекція разнаго рода апокрифическихъ сочиненій. Я надѣюсь вскорѣ предложить читателямъ «Кіевской Старины» болѣе подробное описаніе апокрифовъ изъ сборника Яремецкаго, а теперь сообщаю изъ того же сборника громникъ, по тексту своему совсѣмъ отличный отъ того, который напечатанъ покойнымъ Костомаровымъ.

Преданіе о громѣ Моисея Громовидца.

Аще загримит мца Генваря, обилія много будет во всем мирѣ. Аще велми загримитъ, то велика будетъ пагуба.

Аще загримит мца Февруарія, то будет благо повсюду, но аще велми загримит, то пагуба будет скотом.

Аще загримит мца Марта, будет пшеницѣ много, вина и масла. Аще помалу загримит, то будет немиръ.

Аще загримит мца Апрілія, то будет овощу [1]) много, вина и масла оскудно, пшеницѣ много. Аще велми погримит, то будет болезнь великая.

Аще загримит мца Мая, то миру мятеж по градом будет, меду і пшеницѣ много, овощу і вина мало. Аще помалу загримит, то смерть родящим женам чада.

Аще загримит мца Іюня, то будетъ пагуба велика во людех, і страхи будутъ великіе. Аще велми загримит, то будет скотом смерть.

---

[1]) Фруктовъ.

Аще загримит мца Іюлія, то будет Царем, Кролем и великим мужем паном смерть велми. Пшеницѣ много, а овощу, вина и масла мало.

Аще загримит мца Августа, то миру покой будет. Аще вельми загримит, то мятеж будет великая.

Аще загримит мца Септеврія, то будет великая немилость во людех і молва во градѣхъ і весех.

Аще загримит мца Октоврія, то будет плод велій вина пшеницѣ много, смерть женам и дѣтем.

Аще загримит мца Ноемврія, то будет болезнь человѣком і туга. Обилія много, вина і овощу мало.

Аще загримит мца Декемврія, то будет великим мужем смерть. Обилія много, и пшеницѣ мало, вина і масла много.

Миронъ.

Памятники старины въ селѣ Субботовѣ. Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый 1891-й годъ помѣщена коротенькая замѣтка г. А. Л. подъ заглавіемъ «Позднѣйшая память о Богданѣ Хмельницкомъ въ с. Субботовѣ», въ которой на основаніи рисунка д-ра Деляфлиза и надписи къ нему сообщается о существованіи въ Субботовѣ камня, служившаго во время Хмельницкаго для наказанія преступниковъ. При этомъ авторъ замѣтки выразилъ желаніе знать, сохраняется ли и теперь этотъ камень. Въ августѣ мѣсяцѣ мнѣ случилось быть въ Субботовѣ и удалось видѣть и этотъ самый камень, и вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣть въ этомъ селѣ, игравшемъ важную роль въ исторіи Малороссіи, и другіе памятники, представляющіе археологическій интересъ. Обо всемъ этомъ нахожу нелишнимъ сообщить нѣсколько свѣдѣній читателямъ «Кіевской Старины».

П. А. Кулишъ въ своихъ «Запискахъ о Южной Руси» отмѣтилъ по отношенію къ Субботову ту особенность, что здѣсь, въ бывшемъ родовомъ имѣніи знаменитаго гетмана, не сохранилось въ народной памяти никакихъ слѣдовъ изъ прошлой исторической жизни. Но за то, скажемъ съ своей стороны, здѣсь прекрасно сохранился отъ разрушающаго вліянія времени одинъ вещественный памятникъ старины, свидѣтельствующій о громкомъ историческомъ прошломъ этого села. Такимъ памятникомъ является Ильинская церковь, построенная еще достопамятнымъ Богданомъ Хмельницкимъ, какъ думаютъ, въ 1651

году[1]). Отмѣтимъ нѣкоторыя особенности устройства этого храма. Онъ представляетъ собою чрезвычайно массивное, похожее на крѣпость, каменное зданіе, построенное въ видѣ продолговатаго четыреугольника. Съ восточной стороны этого четырехугольника выступаетъ алтарный абсидъ въ видѣ пятигранника, вслѣдствіе чего три небольшихъ окна въ алтарѣ не могли быть расположены симметрично; съ западной — возвышается красивый открытый фасадъ. Средняя часть храма раздѣлена едва выступающими поперечными арками на три части; у самаго входа подъ хорами, покоющимися на массивныхъ, широкихъ колоннахъ, есть еще узкое почти совершенно темное пространство. Таково въ общемъ устройство этой церкви. Изъ особенностей ея можно еще указать на небольшія оконца, освѣщающія ходъ на хоры, далѣе съ хоръ на чердакъ и, наконецъ, самый чердакъ. Какъ можно судить по неправильной и чрезвычайно оригинальной формѣ этихъ оконъ, они въ свое время служили бойницами. Затѣмъ, у входа въ церковь съ южной стороны указываютъ мѣсто погребенія Богдана Хмельницкаго. Здѣсь подъ мраморнымъ памятникомъ недолго покоился прахъ гетмана; враги не оставили его въ покоѣ и послѣ смерти: они разрушили его гробницу и страшно наругались надъ его останками. Въ настоящее время не сохранилось никакихъ слѣдовъ отъ этой гробницы, и только надпись на металлической дощечкѣ, прибитой къ стѣнѣ, показываетъ намъ мѣсто погребенія гетмана.

Во время продолжительныхъ войнъ и внутреннихъ неурядицъ, послѣдовавшихъ послѣ Хмельницкаго, церковь, построенная имъ, подверглась разоренію; вслѣдствіе этого, какъ можно думать, была построена другая деревянная церковь, почему въ Субботовѣ и въ настоящее время существуютъ двѣ церкви. Въ описанномъ видѣ Ильинская церковь находилась до половины настоящаго столѣтія. Наконецъ, въ 1855 г. она была реставрирована и въ настоящее время состоитъ приходскою церковью. При реставраціи для увеличенія вмѣстимости она была соединена съ колокольнею посредствомъ особой пристройки, въ видѣ корридора.

Другая Михайловская церковь болѣе поздняго происхожденія. Какъ гласитъ надпись, вырѣзанная снаружи на косякахъ входной двери, она построена въ 1786 г. «благословеніемъ преосв. Виктора еп. переяславскаго въ польской области, при священникахъ Ѳеодорѣ

[1]) Похилевичъ „Сказ. о насел. мѣстн. кіев. губ.“ стр. 681.

и Георгія, коштомъ ктитора Павла Гребёнка съ братствомъ». Изъ «Сказ. о насел. мѣстн. кіев. губ.» узнаемъ, что эта церковь создана вмѣсто болѣе древней деревянной же церкви, построенной въ 1718 г.[1]) Въ настоящее время Михайловская церковь представляетъ собою чрезвычайно ветхое зданіе, готовое обрушиться, но стоящее еще благодаря множеству деревянныхъ подпоръ, поддерживающихъ его. Мѣсто, на которомъ построена эта церковь, было въ старину кладбищемъ; подъ самой церковью и теперь еще существуетъ склепъ, въ которомъ, какъ думаютъ, погребенъ сынъ Хмельницкаго, засѣченный Чаплинскимъ[2]). Къ сожалѣнію, намъ не удалось проникнуть въ этотъ склепъ, чтобы лично осмотрѣть его и обслѣдовать.

Невдалекѣ отъ Михайловской церкви находится въ землѣ и упомянутый въ началѣ нашей замѣтки камень. Онъ имѣетъ продолговатую форму (футовъ 10 длины) и изрытъ нѣсколькими продольными бороздами. По преданію онъ служилъ во времена гетманщины позорнымъ столбомъ, на которомъ казнили преступниковъ. Въ послѣднее время крестьяне, думая, что этотъ камень внутри пустой, и надѣясь найти въ немъ кладъ, отбили отъ него довольно большой кусокъ, который лежитъ уже у самой церковной ограды. Конечно, ожиданія этихъ кладоискателей не оправдались.

Наконецъ, указываютъ еще мѣсто дома Богдана Хмельницкаго. Онъ стоялъ на склонѣ той же горы, на которой построена Ильинская церковь, за алтаремъ ея. Остатки стѣнъ этого дома существовали еще въ 1830 г.; но благодаря невѣжеству, были разобраны, и камень былъ употребленъ на постройку церкви въ Медвѣдовскомъ монастырѣ, находящемся всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Субботова. Теперь на мѣстѣ дома гетмана находится крестьянская усадьба; но слѣды существованія его все таки замѣтны въ почвѣ и въ настоящее время.

Вотъ и все, что осталось въ Субботовѣ отъ старины. Наступившія сумерки не позволили мнѣ произвесть болѣе подробный осмотръ этой мѣстности, гдѣ два съ половиною вѣка назадъ произошли событія, имѣвшія важныя историческія послѣдствія. **В. П.**

Переписка кіевскаго генералъ-губернатора М. И. Леонтьева по поводу назначенія ему жалованья (1743 г.) Михаилъ Ивановичъ Леонтьевъ, состоявшій кіевскимъ генералъ-губернаторомъ

[1]) Похилевичъ, стр. 682.

[2]) Догадку эту сообщилъ намъ мѣстный священникъ о. І. Д.; но, къ сожалѣнію, не указалъ источника, изъ котораго она заимствована.

болѣе 15-ти лѣтъ (1738—1753), назначенъ былъ въ Кіевъ, какъ видно, вопреки своему желанію, отчисленный отъ арміи, отъ командованія полевыми полками, фельдмаршаломъ гр. Минихомъ по какой то «злобѣ» на него. Указъ о назначеніи его исправляющимъ должность *губернатора* состоялся 7-го марта 1738 г.[1]), а въ 1741 г., послѣ того какъ онъ вызванъ былъ для присутствія въ пр. Сенатѣ, января 7-го состоялся именной указъ о пожалованіи его въ полные генералы и въ *генералъ-губернаторы*, при чемъ ему вмѣсто жалованья назначалось «довольствіе съ опредѣленныхъ на тамошнихъ губернаторовъ деревень»[2]). По пріѣздѣ своемъ въ Кіевъ Леонтьевъ вступилъ во владѣніе с. Обуховымъ, которымъ до сихъ поръ владѣлъ кіевскій оберъ-комендантъ генералъ-маіоръ Нейбушъ пополамъ съ губернаторами.

Это село Обухово[3]), принадлежавшее полковнику кіевскому Мокѣевскому, отписанное въ числѣ прочихъ маетностей, принадлежавшихъ мазепинцамъ, въ казну, было предоставлено указомъ 1708 г. въ пользованіе бывшему тогда коменданту Герсичу, но отъѣздѣ Герсича изъ Кіева д. Обуховкою владѣлъ уже безъ указа кіевскій губернаторъ князь П. А. Голицынъ, по смерти котораго кіевскій комендантъ полковникъ Парасуновъ исходатайствовалъ въ 1722 г. въ Правит. Сенатѣ разрѣшеніе владѣть этою деревнею «до указу»; а въ 1727 г. послѣдовалъ Высоч. указъ, которымъ повелѣно кіевскому вице-губернатору ген. м. Штоку «д. Обуховкою владѣть съ кіевскимъ комендантомъ пополамъ для ихъ пропитанія, пока они въ Кіевѣ у губернскихъ дѣлъ будутъ». На такомъ же основаніи владѣлъ этою деревнею и об.-ком. Нейбушъ съ 1732 г. пополамъ съ губернаторомъ Шереметевымъ, причемъ бывшему тогда же нѣкоторое время въ Кіевѣ генералъ-губернатору гр. Вейсбаху сказано было «изъ того села части во владѣніе не отдавать, потому что онъ въ воинскомъ штатѣ и какъ жалованье, такъ и раціоны получаетъ полные изъ воинской суммы, а губернаторъ Шереметьевъ и об. ком. Нейбушъ жалованье получаютъ по штату губернаторскому, а не воинское».

Леонтьевъ считалъ себя въ правѣ одному владѣть с. Обуховымъ, чѣмъ и возбудилъ жалобу ген. м. Нейбуша. По этому поводу состоялось такое мнѣніе Пр. Сената: «оному г. Нейбушу изъ того

---

[1]) Ист. мат. изъ арх. К. Г. П. вып. 1-й, стр. 171.

[2]) Сенатскій Архивъ т. II, стр. 164 и т. III, стр. 437.

[3]) Называется оно въ болѣе раннихъ документахъ *деревнею Обуховкою*, а въ позднѣйшихъ селомъ Обуховымъ.

с. Обухова во владѣніе половину отдать надлежитъ, а другою половиною владѣть генералъ-губернатору Леонтьеву; да ему же, генералъ-губернатору, для его содержанія не соизволено ль будетъ опредѣлить по штату 1725 года генералъ-губернаторское жалованье, чтобъ не было противъ оного об. ком. Нейбуша, который жалованье по тому же штату получаетъ, а сверхъ того довольствоваться будетъ отъ той половины села, ему, генералъ-губернатору, обиды[1])».

Какъ видно изъ имѣвшейся у меня въ рукахъ переписки, сохранившейся въ дѣлахъ губ. канц., Леонтьевъ, и получивъ штатное ген.-губернаторское жалованье, считалъ себя неудовлетвореннымъ и добивался зачисленія его въ штатъ арміи и выдачи ему жалованья и по воинскому штату. Объ этомъ онъ написалъ 3-го ноября 1743 письма одного и того же содержанія нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ и гр. Алексѣю Разумовскому. Это то письмо вмѣстѣ съ полученными отвѣтами гр. Разумовскаго и Румянцева и помѣщается ниже.

1) «Милостивый государь мой Алексѣй Григорьевичъ.

Всепокорнѣйше вашему высокопревосходительству, милостивому государю, доношу, что получилъ я извѣстіе, въ какой силѣ сего 743 году сентября 27 дня, по разсужденію Пр. Сената, назначено по табели 720 году имѣть полныхъ генераловъ на армейскомъ жалованьи пять человѣкъ и въ то число опредѣлено быть моложея меня г. генералу и кавалеру Бутурлину, а обо мнѣ показано,—хотя де я предъ нимъ Бутурлиномъ и старшинство имѣю, токмо де отъ войсковой службы отставленъ и опредѣленъ въ здѣшнюю губернію генераломъ-губернаторомъ и для того бъ мнѣ жалованье производить по генералъ-губернаторскому окладу и полевымъ полкамъ въ командѣ моей не быть и во армейскомъ штатѣ меня не числить. А понеже я объ отставкѣ себя отъ воинской службы никогда не прашивалъ и нынѣ не желаю, но желаю вѣрно Е. И. В. служить до самой смерти моей; а въ прошломъ 738-мъ году бывшій фельтмаршалъ Минихъ, имѣя на меня злобу и отлуча меня отъ армейской команды въ кіев-

---

[1]) Ген. маіоръ Нейбушъ въ своей жалобѣ писалъ, какъ видно это изъ доклада Пр. Сената, что онъ при умаленномъ своемъ содержаніи только что и пропитаніе себѣ имѣлъ и субстанцію содержалъ изъ половины доходовъ того с. Обухова, понеже онъ собственныхъ своихъ вотчинъ и помѣстья и никакого къ пропитанію фундамента не имѣетъ, а ему де въ тамошнемъ пограничномъ городѣ Кіевѣ на одномъ жалованьи, яко безпомѣстному и совершенно бѣдному человѣку, пропитать себя съ женою и дѣтьми, также и при случаѣ пріѣзжающихъ иностранныхъ людей трактовать нечѣмъ". Сенат. Архивъ, т. III, стр. 437.

скую губернію, безъ всякаго резона старался о произвожденіи въ полные генералы младшихъ меня генераловъ-лейтенантовъ Кейта и фонъ-Левендаля, которые находились дѣйствительно въ командѣ моей, а прежде меня въ генералы пожалованы; а когда я въ прошломъ 740-мъ году взятъ былъ указомъ въ С.-Петербургъ для присутствія въ Пр. Сенатъ, то билъ челомъ о вышепомянутой обидѣ своей и пожалованъ въ полные жъ генералы; тогда онъ, Минихъ, неудовольствуясь прежде показанною мнѣ обидою, отправилъ меня въ Кіевъ генералъ-губернаторомъ, не опредѣля мнѣ никакого жалованья, ни армейскаго, ни губернскаго, о чемъ извѣстно Пр. Сенату и Гос. Воен. Коллегіи. А въ 741 году по указу изъ Пр. Сената велѣно мнѣ команду имѣть надъ армейскими украинскаго корпуса полками и жалованье получать по генералъ-губернаторскому окладу изъ положенныхъ въ штатъ доходовъ, а къ тому въ долачу по рангу полнаго генерала изъ воинской суммы; и тѣми армейскими полками я понынѣ командую и полное по рангу моему жалованье получаю третій годъ, какъ и прежде бывшіе здѣсь въ Кіевѣ гг. генералъ-губернаторы, князь И. Ю. Трубецкой, что нынѣ генералъ-фельдмаршалъ, да покойный генералъ и кав. графъ фонъ-Вейзбахъ, всегда армейскими полками командовали и, числясь въ штатѣ, жалованье по рангамъ своимъ сполна получали изъ воинской суммы, а чтобъ имъ надъ армейскими полками команды не имѣть и жалованье одно губернское получать, такова запрещенія и указу, какъ нынѣ обо мнѣ ученено, никогда не было. Того ради прошу, дабы я чрезъ милосердое ваше, милостиваго государя, къ Е. И. В. предстательство по старшинству моему вмѣщенъ былъ въ комплектъ штатнаго положенія къ арміи генераломъ по прежнему и жалованье бъ мнѣ опредѣлено было полное производить изъ воинской суммы съ прочими въ равенствѣ, чтобъ мнѣ, будучи сорокъ четыре года въ долговременной и безпорочной и на всѣхъ воинскихъ потребахъ безотлучной регулярной службѣ моей, и за раны крайней предъ другими обиды не послѣдовало и что я чрезъ помянутые многіе годы заслужилъ, того нынѣ лишенъ не былъ, въ чемъ несумнѣнную надежду имѣю, что милосердымъ вашимъ, мил. гос. моего, предстательствомъ и заступою втунѣ оставленъ не буду и со всенижайшимъ моимъ почтеніемъ остаюсь» и т. д.

2) Въ отвѣтъ на это письмо Алексѣй Разумовскій писалъ 15-го декабря изъ Петербурга слѣдующее:

«Вашего Превосходительства писаніе съ нарочно присланнымъ офицеромъ я получилъ, за которое покорно благодарствую. Что-жъ

надлежитъ до вашего прошенія, о томъ я Е. И. В. представлялъ, и хотя я на то резолюціи еще и не получилъ, однако еще напоминать буду и, что воспослѣдуетъ, о томъ В. П. безъ извѣстія не оставлю. Между тѣмъ отправился отъ меня для нѣкоторыхъ моихъ нуждъ дворецкой мой Степанъ Рыбалкинъ на Украину; того ради ежели онъ В. П-во чѣмъ нибудь касающимся до моихъ нуждъ и до положенной отъ меня на него комиссіи, въ томъ прошу его, по вашей ко мнѣ благосклонности, не оставить».

3) Румянцевъ отвѣчалъ Леонтьеву отъ 17-го декабря такимъ письмомъ.

«Государь мой милостивый сватушка Михайло Ивановичъ!

Вашего Превосходительства почтенное письмо чрезъ капитана Максимовича я въ свое время получилъ исправно, на которое симъ во отвѣтъ донести честь имѣю, что по содержанію онаго, по свойственной моей должности, со многими господами, а именно съ князь Васильемъ Владимеровичемъ, съ князь Никитой Юрьевичемъ, съ Алексѣемъ Григорьевичемъ и съ прочими о томъ просительнымъ образомъ разговаривалъ, только при общемъ всѣхъ сожалѣніи во отвѣтъ получилъ, что того нынѣ никоимъ образомъ вдругъ перемѣнить невозможно, ибо военная коллегія приписываетъ сіе разопредѣленіе Сенату, а Сенатъ учинилъ то для умѣщенія генералитету въ полное число по табели, считая васъ въ отставкѣ, почему и Всевысочайшая Е. И. В. резолюція воспослѣдовала, по силѣ которой по тому представленію не токмо В. П-ву однимъ, но и многимъ другимъ отъ команды и отъ жалованья отказано, яко же и я самъ, хотя въ положенное по штату число и введенъ съ прибытія моего сюда, не токмо какой команды, но и никакого дѣла не имѣю, ибо въ той же Всевысочайшей резолюціи именно объявлено, что обо мнѣ и о генералѣ Бутурлинѣ (коему равномѣрно жъ надъ полками отъ команды, кромѣ московскаго малаго гарнизону, отказано) будетъ разопредѣленіе учинено по прибытіи Ея Величества въ Москву; но однако, не смотря на то, отъ означеннаго генерала Бутурлина прислана послѣ того въ Сенатъ челобитная, по силѣ которой ему команда опять поручена только до прибытія въ Москву генерала Левашева, который на сихъ дняхъ туда уже и отправился, а какъ прибудетъ, то часторечennой генералъ Бутурлинъ паки безъ команды жъ останется, развѣ впредь на то какое особливое разопредѣленіе воспослѣдуетъ, почему легко разсудить изволите, какъ скоро нынѣ сіе перемѣнить возможно. Сверхъ же того челобитная ваша прислана только партикулярно на Всевы-

сочайшее имя Е. И. В., а не въ Сенатъ или въ Военную Коллегію, гдѣ оная надлежащее свое произвожденіе имѣть могла, какъ то съ вышеобъявленною генерала Бутурлина челобитною воспослѣдовало. Чего для чрезъ сіе В. П-ву дружелюбно за благо принуждаю прислать какъ найскорѣе въ Сенатъ или въ Военную Коллегію вторичную челобитную, которою просить только о имѣніи вамъ команды надъ полевыми полками по прежнему, по силѣ чего уповательно надлежащее разсмотрѣніе и резолюція воспослѣдуетъ, при чемъ и я мое всевозможное стараніе прилагать готовъ, а о произвожденіи жалованья при томъ ничего не упоминать, но оставить то до того времени, пока Е. И. В. въ Кіевъ прибыть изволитъ, въ которое время Е. В. сами персонально всеподданнѣйше просить и умилостивить можете, въ чемъ В. П—во такъ мало сумлѣваться должны, какъ подлинно всѣ мы обнадежены, что Е. И. В., по природному своему материсму Всевысочайшему великодушію, всеподданнѣйшей вашей просьбы безъ Всемилостивѣйшаго призрѣнія оставить не соизволитъ.

Впрочемъ желаю сердечно В. П-ву со всею вашею дражайшею фамиліею добраго здравія и всякаго благополучія, а я съ женою и съ дѣтьми слава Богу здоровъ и всегда съ неотмѣннымъ моимъ почитаніемъ и вѣрнѣйшею преданностію пребуду» и т. д.

4) На поздравительное съ праздникомъ письмо къ Наталіи Разумовской Леонтьевъ получилъ отъ нея такой отвѣтъ отъ 10 января изъ Адамовки:

«Письмо ваше, мил. гос., съ поздравленіемъ торжественными праздники Рождествомъ и Богоявленіемъ Господа нашего и наступающимъ новымъ годомъ, генваря отъ 8 ко мнѣ пущенное, я съ моимъ почтеніемъ честь имѣла получить, за которое покорно благодарю и (не оставила) такими жъ прошедшими Христова торжества праздниками и текущимъ новымъ годомъ васъ, мил. гос. моего, поздравляю съ такимъ желаніемъ, да всемогущій Творецъ подастъ вамъ текущій новый годъ и впредь много слѣдующіе съ любезнѣйшею сожительницею и богодарованными чады, при всецѣломъ здравіи и всещасливыми фортунами препроводить, отъ чести же въ честь и отъ славы во славу препойти усердно желаю и при отданіи моего поклона рекомендуя себя всегдашнему васъ, мил. гос. моего, благопріятству, съ моимъ всегдашнымъ почтеніемъ пребуду васъ, мил. гос. моего, вѣрная услужница Наталія Разумовская».

5) Въ связкѣ имѣется еще одно письмо Леонтьева къ Алексѣю Разумовскому отъ 17 января 1744 г. такого содержанія:

«Ваше, мил. гос. моего, пожалованное мнѣ писаніе минувшаго декабря отъ 15 я 29 имѣлъ честь получить и за представленіе ваше, мил. гос., Е. И. В-ву прошенія моего о вмѣщеніи меня по старшинству къ арміи полныхъ генераловъ всепокорнѣйше прошу высокою своею милостію исходатайствовать въ просьбѣ моей отъ Е. И. В. Высочайшій и Всемилостивѣйшій указъ, въ чемъ я не имѣю другой помощи себѣ, на ваше, м. г. м., предстательство и заступу благонадеженъ остаюсь. Что же изволили упоминать, яко вашъ, м. г. м., дворецкой Степанъ Рыбалкинъ отправился на Украину и дабы его здѣсь въ порученной на него комиссіи не оставить, токмо онъ Рыбалкинъ и по нынѣ на Украину не бывалъ, а какъ прибудетъ, то я, по повелѣнію вашему, м. г. м., надлежащихъ моихъ услугъ принести не оставлю и пребываю со всегдашнимъ моимъ почтеніемъ».

Сообщ. **А. Андр.**

Народныя пѣсни про мужей-пьяницъ. Сообщаю здѣсь три пѣсни, которыя рисуютъ несчастную судьбу женщины, вышедшей за мужа пьяницу. Первая пѣсня имѣетъ сходство съ изданной П. Чубинскимъ (Тр. Э. Э. т. V, 1091, № 239); только приводимый мною варіантъ гораздо полнѣе рисуетъ картину. Пѣсня эта имѣетъ ту особенность, что въ ней рѣзко обозначена діалогическая форма; пѣсня записана отъ лирника въ уманскомъ уѣздѣ, и окончанія стиховъ приспособлены къ гнусливому часто голосу пѣвца.

I.

Нещасный той чоловикъ,
Що въ корчми напывся;
Жинка сыдыть—просыть Бога,
Щобъ ни съ кимъ не бывся.
Ажъ винъ иде тай до хаты.
„Давай, жинко, вечеряты,
Колы маешь що,
Колы маешь що“.
А пришовши до хатыны,
Почавъ жинку быты;
А побывши горшки-мыски,
Пишовъ до коршмы пыты.
Иде жъ бо винъ тай думае,
Що вже грошей чорт-ма,
Жыдъ набиръ не дасть,
Жыдъ набиръ не дасть.
А пришовши до коршомки,
Схилывся на пляшку,—
Уси боги укладае въ орендаря ласку:
„Орендарю, ты мій пане,
Визьми вола ты одного,
А горилки дай,
А горилки дай!
— Ой якъ-же-жъ ты на одного
Вола будешь пыты,
А якъ прійде весна й осень,
Що будешь робыты?
— „Орендарю, ты мій пане,
А я вола розгадаю,—
—А горилки дай,
А горилки дай!
Иде-жъ бо винъ изъ коршомы

Весело снивае.
Жинка седыть край виконця,
Слезы утирае.
— „Ой чого ты, дурна, плачешь?
Вже не буде намъ иначе:
Жыдъ вола визьме,
Жыдъ вола визьме".

— Якъ же мени не плакаты,
Колы дрибны диты,
Сама-жъ бо я тай не знаю,
Де мени ихъ диты.
— „Не моя жъ-то голова:
Сама ты ихъ навела,—
Мусишь годуваты,
Мусишь годуваты!"

II.

Ой не знала мене маты,
Та за кого замужъ даты,—
Дала мене за того,
За пьяницю гиркого.
Пье пьяница недилю,—
Я вдома нидію,
А на другу повертае,
Мене маты посылае:
„Иды пьяныченьки шукаты!"
Та забула запытаты,
Де пьяныченьки шукаты,—
Ой чи въ поли, чи въ дорози
Чи въ шинкарки на порози.
Скоро двери одчинила,
Пьяныченьку увидила,
Увидила пьяныченьку,
Що хорошій на лыченьку.
„Ой, пропою, пропою,
Пропала-жъ я съ тобою!"
— Пропывъ хату щей кимнату,
Пропывъ заступъ и лопату,
Пропывъ хомутъ щей дугу,—
Пропью тебе молоду!
Якъ ударывъ пьяныченько
По билому лычку,
Обилляла кровъ чырвона
По шытому полычку.
Не жаль мени
Квиты шыты,
Не жаль мени рукавыци,—
Якъ жаль мени лита мои,
Шо пропала молода.
Шыты квиты отперуцця,
Лита мои не вернуця.
Пропывъ штаны шей сорочку,
А самъ сивъ въ холодочку.
Десь узялася кума,
Выкупыла сорома,
Штаны—сорочку дала.
„Якъ бы-жъ мени кислый борщъ,
Якъ бы-жъ мени паривець,
То бъ я пишовъ зъ дивчатами
На похмилля у танець!"

Эта пѣсня имѣетъ много варіантовъ (см. Труды этногр. экси. V, стр. 582—585, № 191).

III.

По городи ходыла,
Лобидоньку садыла.
„Чы я въ тебе, мій миленькій, наймычка,
Шобъ я въ тебе служила?"
Ты пшыныцю продаешь,
Мыни грошей не даешь;
А я зъ родомъ зишлася,
За цыбулю впылася.
За цыбулю та за макъ,
Пишла за-мужъ та нетакъ.
Пишла разъ та гаразъ:
Вже не пиду другій разъ.
—Чого-жъ, мыла, напулася?
Чомъ въ кожухъ не вдилася?
—Бодай въ тоби бувъ такій духъ,
Якъ у мене есть кожухъ!
Якъ шатнулась по-пидстилъ,
Нашла чобитъ и постилъ.

Шатнулася та й нашла,
Узулася та й пишла.
Черезъ греблю иду,
Якъ голубка гуду.
Дивуюцця вражи люды,
Шо я взута иду.—
Шинкарку навидыло:
Взяла жертки—мотовыло
И коцюбу—помыло,
Мене вдома не було.
„Ой сто кроть твою ма,—
Неначе-жъ я пыла!
Я пыла на се-се,
Шо мій пивень нанесе.
А мій пивень у шопи
Нанисъ яець три копи.
А приставлю драбыну,
Згорну яйця въ торбыну,
Та понесу на торж къ,
Та заплатю свій довжокъ!"

(С. Молодецкое, кіевской г., уманскаго уѣзда).

Сообщилъ **Хр. Ящуржинскій.**

Забытый уголокъ Приворсклія. На рубежѣ между бывшей Гетманщиной и Слободской Украйной, нынѣ—между харьковской и полтавской губерніями, лежитъ этотъ забытый уголокъ, включая въ себѣ часть праваго и лѣваго побережья Ворсклы со старинными поселеніями—Опошней, Глинскомъ, Бѣльскомъ, Куземиномъ, раскинувшимися на правобережныхъ возвышеніяхъ этой рѣчки, и сл. Котельвой, расположенный на низменности лѣваго ея берега. Къ сѣверо-западу отъ м. Куземина, въ 3—4 верстахъ отъ него, надъ рѣчною долиной картинно выдвигаются по склону горы скалы, камни, песчаники, за которыми въ концѣ прошлаго вѣка ютился Скельскій монастырь, упраздненный тогда же.

Мѣстность эта, по красотѣ своей, по богатству своей природы не имѣетъ себѣ равной въ Поворсклiи и можетъ поспорить съ лучшими по картинности мѣстоположенія уголками Днѣпровскихъ побережій. Лѣтомъ здѣсь—желанный пріютъ для любителя дачнаго уединенія, какого врядъ ли сыскать въ тѣхъ дачныхъ районахъ, которые переполняются публикой обычно. Туристъ, поэтъ, художникъ, этнографъ много вынесли бы отсюда новыхъ впечатлѣній, запаслись бы обильнымъ матеріаломъ каждый для своихъ работъ. Но это не единственная особенность этого забытаго уголка. Въ немъ историку и археологу далась бы не плохая жатва. Достойные вниманія послѣднихъ памятники старины отчасти уже намѣчены мимоѣздомъ Шафонскимъ въ исходѣ XVIII в. и по наслышкѣ преосв. Филаретомъ въ концѣ первой половины XIX в. Послѣдній, какъ извѣстно, упоминаетъ, въ общихъ чертахъ, о городищахъ Скельскомъ и Бѣльскомъ и о валѣ, тянущемся къ юго-западу отъ Куземина. Спеціальныхъ изслѣдованій этихъ городищъ и этого вала никѣмъ еще не было сдѣ-

лано. Самое направленіе послѣдняго преосв. Филаретомъ намѣчено лишь вкользь, а о городищѣ и подземныхъ лѣхахъ въ Опошнѣ онъ вовсе не упоминаетъ.

Позднѣе въ этотъ уголокъ заглядывалъ покойный проф. Н. Д. Борисякъ, къ сожалѣнію, не оставившій никакихъ воспоминаній о посѣщеніи его.

Въ мѣстныхъ преданіяхъ отъ его прошлаго уцѣлѣли лишь обрывки неясныхъ намековъ. Такъ, лѣхи считаются обиталищемъ пещерныхъ поселенцевъ края, жившихъ здѣсь задолго до нашествія татаръ. Городища и валъ относятъ ко времени владѣнія этимъ краемъ литовскихъ великихъ князей, съ чѣмъ, впрочемъ, можно согласиться не безусловно, такъ какъ валъ, напр., представляетъ собой, по всѣмъ своимъ внѣшнимъ признакамъ, сооруженіе различныхъ эпохъ... Кромѣ этихъ остатковъ сѣдой старины мѣстность эта сохранила на себѣ памятники шведской войны и слѣды господства въ ней малороссійскихъ гетмановъ. Гадяцкій полкъ былъ, какъ извѣстно, опредѣленъ на булаву гетманскую. Въ данной мѣстности по направленію отъ Кузмина до Полтавы при гетманахъ тянулась цѣпь таможень, въ которыхъ отбиралась индукта и эвекта на малороссійскій скарбъ. Въ сл. Котельвѣ была, по преданію, и вотчина гетман Брюховецкаго. Какъ велики были ея размѣры—не извѣстно. Въ 50-хъ годахъ еще текущаго столѣтія въ Николаевскомъ приходѣ на цѣлыя версты тянулась къ сѣверной окраинѣ Котельвы обширная усадьба наслѣдниковъ купца Гудимы, состоящая изъ стариннаго фруктоваго сада, окаймляемаго левадами и рощами и замыкавшагося густою дубровою. По всему саду были лѣхи, погреба, двѣ или три высокія могилы; стволы нѣкоторыхъ деревьевъ достигали больше трехъ обхватовъ. Съ переходомъ усадьбы въ руки другихъ владѣльцевъ, она постепенно стала уменьшаться; теперь много уже клочковъ отъ нея отошло подъ усадьбы мѣстныхъ обывателей; садъ и роща порѣдѣли; время уноситъ и самыя преданія о принадлежности ея вѣроломному и злополучному гетману.

Какъ видимъ, памятниковъ минувшихъ дней не мало въ нашемъ забытомъ уголкѣ. Заслуживаетъ ли онъ оставаться забытымъ—мы не беремся рѣшать. Скажемъ только, что чѣмъ позже онъ будетъ обслѣдованъ, тѣмъ слабѣе сохранятся въ немъ слѣды его прошлаго. Добавимъ еще, что мѣстные обыватели съ памятниками старины не церемонятся и, если случай подвернется, уничтожаютъ ихъ

безъ сожалѣнія: шведскія могилы давно уже бороздятся плугомъ, раскопка вала тоже началась уже ради удобства проѣздовъ при рубкѣ и корчевкѣ растущаго на немъ и около него строеваго лѣса...

А. Т.

Изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. 3) *Мельницы въ г. Козельцѣ.* Самымъ важнымъ вопросомъ, подлежавшимъ разсмотрѣнію чрезвычайнаго козелецкаго земскаго собранія 30 мая 1888 года былъ докладъ земской управы относительно пріобрѣтенія земствомъ козелецкой плотины съ цѣлью осушенія болотъ, расположенныхъ въ долинѣ р. Остра. Докладъ этотъ вызвалъ продолжительныя пренія за и противъ предложеннаго управою проекта осушенія болотъ, но въ концѣ концовъ было единогласно постановлено: 1) разрѣшить управѣ кредитъ изъ суммъ запаснаго капитала земства въ размѣрѣ 12,800 р. для немедленнаго пріобрѣтенія въ собственность земства всѣхъ мельничныхъ мѣстъ съ мостами и шлюзами на р. Острѣ въ г. Козельцѣ и 2) разрѣшить управѣ не понижать уровня воды въ р. Острѣ до тѣхъ поръ, пока управа, получивъ гарантіи возврата капитала отъ возможно большаго числа владѣльцевъ осушаемыхъ чрезъ это болотъ, не доложитъ о томъ ближайшему очередному земскому собранію. Во исполненіе этого постановленія мельничныя мѣста были пріобрѣтены и въ настоящее время, если подъѣзжать къ Козельцу со стороны Кіева по шоссейной дамбѣ и мосту, едва видны вправо слѣды плотины и торчащія кое-гдѣ мельничныя пали, а р. Остеръ представляетъ собою сплошное болото, чрезъ которое перекинутъ длинный мостъ съ громадными ледорѣзами, напоминающими о быломъ разливѣ рѣки, впереди же моста красуется роскошный Растрелліевскій соборъ.

Какъ были бы удивлены обыватели г. Козельца временъ гетманьщины, не узрѣвши своихъ «млыновъ», которые доставляли столько хлопотъ и заботъ вліятельнымъ представителямъ г. Козельца того времени, свидѣтельствомъ чего могутъ служить сохранившіеся до нашего времени два универсала короля Яна Казимира и гетмана Мазепы. Изъ перваго универсала видно, что одна изъ мельницъ на козелецкой плотинѣ, между мельницами Лаврика мельника и Андрея Чуйкевича, райцы козелецкаго, принадлежала до 1657 года мѣщанину Яцьку Лапкѣ, въ августѣ же 1657 года половина этой мельницы была продана вдовою Лапки Ульяною Мартыновною и его сы-

новьями, Юськомъ и Грышкомъ, козелецкому мѣщанину Александру Ивановичу Долинскому. Въ 1663 году Долинскій купилъ у нихъ и другую половину мельницы и, чтобы лучше укрѣпить за собою право владѣнія купленной мельницей, воспользовался кратковременнымъ пребываніемъ короля Яна-Казимира въ «*мизерной* хаткѣ» (Александровичъ, Остерскій уѣздъ, стр. 58) въ г. Острѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1663 года и выпросилъ у него подтвердительный универсалъ, за собственноручной подписью короля и королевскаго секретаря Стефана Ганкевича, съ приложеніемъ большой королевской печати. Универсалъ гетмана Мазепы относится къ 1701 году и представляетъ собою разрѣшеніе тогдашнему козелецкому протопопу Петру Ѳедоровичу пользоваться пополамъ съ войсковымъ товарищемъ Іосифомъ Миткевичемъ, жителемъ козелецкимъ, войсковой частью размѣра—съ одной изъ мельницъ о двухъ колесахъ на козелецкой плотинѣ.

Какъ видимъ, воззрѣнія общественныхъ дѣятелей конца XVII вѣка и конца XIX на экономическіе вопросы значительно разнятся не въ пользу первыхъ.

4) *Первая аптека въ г. Нѣжинѣ.* Проживавшій въ г. Нѣжинѣ, отставной военный лѣкарь Михаилъ Лигда подалъ 6-го марта 1777 г. въ медицинскую коллегію прошеніе разрѣшить ему устроить въ Нѣжинѣ частную аптеку. Просьба Лигды была удовлетворена. 3-го іюля того-же года послѣдовалъ указъ, дозволяющій открыть аптеку съ назначеніемъ въ ней провизоромъ Іоганна Фридриха Матуша и разрѣшеніемъ выписывать нѣкоторыя лѣкарства «изъ-за моря», а остальныя покупать по ордерамъ провизора Матуша за наличныя деньги по установленнымъ цѣнамъ въ лубенской полевой аптекѣ. Увѣдомленіе о данномъ Лигдѣ разрѣшеніи было послано въ нѣжинскій магистратъ и полковую канцелярію, а также въ лубенскую полевую аптеку. Весною слѣдующаго года указомъ медицинской коллегіи былъ посланъ изъ Глухова въ Нѣжинъ для освидѣтельствованія вновь открытой аптеки «на наемныхъ подводахъ» на счетъ Лигды—состоявшій при малороссійской коллегіи надворный совѣтникъ лѣкарь Паульсонъ. Эта ревизія какъ бы санкціонировала существованіе «партикулярной» аптеки въ Нѣжинѣ, находившейся во владѣніи Лигды и въ 1786 г., во время составленія Шафонскимъ «Топографическаго описанія черниговскаго намѣстничества», въ которомъ она и упомянута при описаніи г. Нѣжина—«аптека каменная, греку (Лигдѣ?) принадлежащая—1».

Въ 1791 г. аптека эта была куплена провизоромъ Иваномъ Цигрою, а въ 1823 г. принадлежала его сыну Отто Цигрѣ. **Н. В. Стороженко.**

Современное дѣло о знахарствѣ. Приводимое ниже дѣло о чародѣйствѣ выписано мною изъ книги рѣшеній *Телеханскаго* волостнаго суда минскаго уѣзда пинской губ. во время экскурсіи моей въ Полѣсье въ 1890 г. Крестьяне вообще очень неохотно разсказываютъ о чарахъ и чародѣяхъ, и тѣмъ болѣе избѣгаютъ обращаться въ судъ. Вслѣдствіе этого этотъ образчикъ судебнаго рѣшенія не лишенъ интереса. Дѣло мы приводимъ цѣликомъ (разбиралось 28 апрѣля 1890 г.).

Крестьянинъ дер. Омельной Святовольской волости Василій Гавріиловъ Милевскій жалуется на крестьянина дер. Вульки Ивана Александрова Шабатько, что, когда сынъ жалобщика отъ простуды сильно заболѣлъ,—онъ, зная, что Шабатько занимается нашептываніемъ, обратился къ нему, и Шабатько согласился за 3 руб. вылѣчить чрезъ 13 дней съ тѣмъ, что сынъ встанетъ, а та женщина, которая это сдѣлала, ляжетъ.—Онъ купилъ ему водки, и Шабатько, получивъ 3 руб., нашепталъ на водкѣ и далъ выпить сыну, но сынъ въ срокъ не выздоровѣлъ и никакая женщина не заболѣла. Проситъ о взысканіи 3-хъ руб. Иванъ Александровъ Шабатько на спросъ пояснилъ, что дѣйствительно, по просьбѣ Милевскаго, онъ прочиталъ молитву надъ водкою (онъ просилъ дать воды, но Милевскій просилъ на водкѣ) и велѣлъ дать выпить, сказалъ ему, что сынъ его будетъ живъ и здоровъ,—и сынъ выздоровѣлъ. Срока на выздоровлѣніе не обозначалъ и суммы вознагражденія не назначалъ, а сколько онъ далъ, то и принялъ. Молитву эту по требованію онъ прочиталъ и своему мѣстному священнику и священникъ погрѣшностей никакихъ не нашелъ.

Свидѣтель крестьянинъ дер. Омельной Василій Осиповъ Ковершикъ пояснилъ, что Шабатько, потребовавъ отъ Милевскаго 3 руб. и пошептавъ на водкѣ, сказалъ: «это сдѣлала женщина, и она сейчасъ прійдетъ къ тебѣ просить чего нибудь; только ничего не давай; тогда она заболѣетъ». Но какъ онъ въ теченіи трехъ дней никого не дождался, то и требуетъ возврата денегъ. На основаніи 107 ст. общ. полож. о крестьянахъ волостной судъ предлагалъ сторонамъ кончить дѣло между собою миролюбіемъ, чего не послѣдовало, а посему: обвинялъ Ивана Шабатьку въ обманѣ людей своимъ врачеваніемъ, а Милевскаго въ томъ, что онъ по маловѣрію не обращался къ медицинской помощи, а къ «шептунамъ», судъ постановилъ: взыскать съ Ивана Шабатько въ пользу Милевскаго три рубля, а основаніи 102 ст. общ. полож. подвергнуть денежному штрафу въ

пользу мірскаго капитала телеханской волости Шабатька и Милевскаго по одному рублю каждаго.

О чемъ и объявить сторонамъ: (слѣдуютъ подписи).

Сообщ. **М. Давнаръ-Запольскій.**

Къ статьѣ г. Боцяновскаго о Житомирской публичной библіотекѣ. Въ названной статьѣ («Кіевская Старина» 1890, августъ) г. Боцяновскій далъ очень обстоятельную исторію основанія житомирской библіотеки, очеркъ ея состоянія за 25 лѣтъ, а также краткую характеристику общественной жизни г. Житомира въ пятидесятые и шестидесятые годы. Такимъ образомъ въ статьѣ г. Боцяновскаго мы имѣемъ страницу изъ жизни ю.-западнаго края въ близкое къ намъ время, страницу, набросанную живо, умѣлою рукою и съ почти исчерпанною полнотою. Съ своей стороны, мы считаемъ нелишнимъ прибавить къ ней 2—3 слова, отчасти дополняющія нѣкоторые вопросы, отчасти разъясняющія ихъ съ иной точки зрѣнія.

Характеризуя житомирское общество и его интересы (стр. 260—263), авторъ справедливо отмѣчаетъ преобладаніе польскаго и другихъ элементовъ и постоянную рознь ихъ. Факты, приводимые имъ, можно дополнить еще слѣдующими. Въ 1866 г. въ Житомирѣ докторъ Романскій читалъ лекціи по физіологіи и геологіи на *французскомъ языкѣ*, пользовавшіяся, повидимому, успѣхомъ («Волын. Губ. Вѣд.» 1866 № 13). Открытіе *перваго* русскаго книжнаго магазина Литова въ 1865 г. привѣтствовалось мѣстною газетою, какъ пріятная *новость* (Ibid. 1865 № 38). Болѣе подробныя и любопытныя свѣдѣнія объ общественной жизни и розни въ Житомирѣ можно почерпнуть изъ статей г. Братчикова («Волын. Г. В.» 1867 и сл. годовъ). Необходимо отмѣтить и то, что еврейская часть интеллигентнаго общества города уже давно стала близка къ интересамъ русскихъ. Изъ среды евреевъ является немало дѣятельныхъ сотрудниковъ мѣстнаго оффиціальнаго органа (напр. Л. Бинштокъ, Моргулисъ). Этимъ, можетъ быть, объясняется и значительный процентъ евреевъ читателей и посѣтителей библіотеки со дня ея открытія и до послѣдняго времени.—Говоря о проектахъ и устройствѣ первыхъ провинціальныхъ библіотекъ, авторъ упоминаетъ и о бывшей въ Житомирѣ въ тридцатые годы русско-польской публичной библіотекѣ съ безплатною читальней, судьба которой остается невыясненной. Жаль, что не сообщены о ней болѣе подробныя свѣдѣнія. (Кстати, цитату 2 на стр. 256 нужно допол-

нить: 1865 г. № 12—14). При указаніи на подъемъ русскаго сознанія въ западномъ краѣ не мѣшало бы упомянуть объ открытіи въ волынск. губ. уѣздныхъ библіотекъ, напр. въ Новградъ Волынскѣ, Староконстантиновѣ («Волын. Губ. Вѣд.» 1866 №№ 13, 6, 41).

Что касается «плана» публичной библіотеки, набросаннаго гр. Плятеромъ въ письмѣ къ предводителю дворянства г. Микуличу, то авторъ, повидимому, склоненъ считать его проектомъ чисто *русской* публичной библіотеки. Неуспѣхъ его онъ видитъ въ отсутствіи общихъ интересовъ у житомирцевъ. «Польская часть общества, говоритъ авторъ, не нуждалась (?) въ такомъ учрежденіи, да кромѣ того, была занята въ это время своими дѣлами». Первое утвержденіе едва ли справедливо, потому что и гр. Плятеръ, и гг. Микуличъ и Невмѣржицкій, проводившіе въ обществѣ проектъ библіотеки, были поляки. Дѣло библіотеки понималось гр. Плятеромъ очень широко; она должна была быть ученымъ учрежденіемъ по преимуществу, заключать въ себѣ пособія для изученія Волынскаго края. Припомнимъ слова письма: «Давно уже я намѣревался собрать разныя пособія для научныхъ занятій въ пользу нашего края. Просвѣщеніе въ странѣ есть первый и единственный двигатель для развитія моральныхъ силъ въ цѣлой массѣ; пока оно задержано, пока не вполнѣ развилось, до тѣхъ поръ всѣ усилія нѣсколькихъ человѣкъ не могутъ разбудить остальныхъ отъ бездѣйствія. Понимая эту простую мысль и зная, что только настоящее образованное общество можетъ оставить неизгладимое вліяніе на своей эпохѣ,—я посылаю вамъ планъ публичной библіотеки». При библіотекѣ предполагался музей изъ трехъ отдѣленій: археологическаго, зоологическаго и изящныхъ искусствъ. Предлагая во временное пользованіе библіотекѣ свое собраніе книгъ, (изъ 7.000 томовъ) гр. Плятеръ могъ предложить книги по преимуществу ученыя, серьезнаго содержанія (что, думаемъ, несомнѣнно изъ его словъ и занятій по мѣстной исторіи) и притомъ на иностранныхъ языкахъ.—Г. Боцяновскій думаетъ, что въ данное время польской части общества было не до библіотеки и это было время возстанія, подготовительныя работы къ которому начались еще съ 50-хъ годовъ. *Главною цѣлью всѣхъ этихъ работъ было возможно тѣсное сближеніе всѣхъ классовъ польскаго общества между собой.* Средоточіемъ этихъ работъ былъ г. Житомиръ». Далѣе авторомъ перечисляются различныя польскія учрежденія и общества, дѣйствовавшія въ Житомирѣ съ этою цѣлью (стр. 266). Причины, повидимому, очень вѣскія. Но съ другой стороны, помимо цѣли библіотеки, поставленной

ея иниціаторомъ, польское общество именно и могло горячо взяться за проектъ гр. Плятера,—такъ, по крайней мѣрѣ, могла думать высшая администрація края и не совсѣмъ доброжелательно взглянуть на проектъ, идущій со стороны поляковъ, въ особенности при усиливающемся броженіи умовъ въ ихъ средѣ. Припомнимъ, что уже въ самомъ началѣ шестидесятаго года общество Качковскаго (для изданія дешевыхъ книгъ въ Житомирѣ) должно было объявить о ликвидаціи своихъ дѣлъ. Любопытенъ аналогичный случай съ слонимской библіотекой, приведенный у г. Боцяновскаго (268 стр.), открытію которой воспрепятствовала администрація изъ опасенія, чтобы сюда «не втерлись и поляки, которые самое благое и чистое учрежденіе могли постараться обратить въ политическій клубъ и въ орудіе своей пропаганды» (слова «Виленск. Вѣстн.»). Мы не имѣемъ никакихъ основаній и права приписывать проекту гр. Плятера какую-либо тенденцію, но высказываемъ только вѣроятное предположеніе о причинѣ неуспѣха его, зависѣвшаго, по нашему мнѣнію, отъ осторожнаго и выжидательнаго положенія администраціи края. Опасеніе за свой планъ или за будущее отчасти сквозитъ и въ самомъ письмѣ: «Въ случаѣ какихъ нибудь неожиданныхъ перемѣнъ или распоряженій правительства, складка прекращается теперь же или по истеченіи нѣкотораго времени, а пріобрѣтенныя вещи могутъ быть проданы въ пользу общества или съ благотворительною цѣлью».

Не лишнимъ, думаемъ, будетъ сказать нѣсколько словъ о самомъ гр. Плятерѣ. Графъ Владиміръ-Станиславъ Бруль-Плятеръ родился въ 1831 г. на Волыни. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ былъ попечителемъ житомирской (тогда волынской губернской) гимназіи. Онъ не мало занимался исторіей Польши и Волыни. По Estreicher'у [1]) имъ напечатаны: 1) Объ основаніи гимназіи на Волыни. Спб. 1861 г. 2) Записка объ основаніи въ Волынской губ. новаго Домбровицкаго уѣзда. Спб. 1861 г. 3) Zbiòr pamiętnikòw do dziejòw polskich. 4 тома. Варшава. 1858 г. У Estreicher'а же указаны еще находящіеся въ рукописи его труды: Batoriany (6 том.), Pamiętniki Platerów (9 т.) и біографія Андрея Фрича Модржевскаго. Кромѣ того, его иждивеніемъ издано довольно много полезныхъ книгъ. Эти работы доставили гр. Плятеру «уваженіе не только на Волыни, но и во многихъ ученыхъ обществахъ Европы» [2]). Намъ еще извѣстна не-

[1]) Bibliografia polska, III, 421.

[2]) Кіевск. Телеграфъ, 1860, № 5.

большая статья его Dąbrowica (въ «Dziennik Warszaw.» 1885, № 10), въ которой вкратцѣ изложена исторія родоваго помѣстья гр. Платеровъ (въ ровен. у. волынск. губ.) [1]).

Мысль о музеѣ при библіотекѣ впервые высказана была также гр. Платеромъ. Необходимо однако отмѣтить, что важное значеніе его указано было извѣстнымъ изслѣдователемъ Волыни въ геологическомъ отношеніи г. Оссовскимъ, въ настоящее время дѣятельнымъ сотрудникомъ изданій краковской академіи. Помѣщая одну изъ его статей «Важность геогнозіи въ практическомъ ея примѣненіи вообще и въ особенности на Волыни», редакторъ «Волынскихъ Губ. Вѣд.» г. Мацкевичъ (1865, № 44, т. е. еще до открытія библіотеки) дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Настоящая статья можетъ служить практическимъ указаніемъ для осуществленія мысли объ устройствѣ музея волынской губ. Въ одномъ изъ предыдущихъ №№ мы говорили, что въ Житомирѣ еще въ 1837 г. при тогдашней публичной библіотекѣ была учреждена выставка произведеній природы и промышленнаго труда волынск. губ. По разсказамъ нѣкоторыхъ, эта выставка была очень обширна и хорошо устроена; въ составъ ея входили даже чучела такихъ звѣрей, какъ лоси. Отъ нея осталось для насъ очень немного: на чердакѣ одного дома нѣсколько минералогическихъ ящиковъ съ стеклянными крышками, на чердакѣ другаго—нѣсколько моделей хозяйственныхъ орудій, да при статистическомъ комитетѣ два образчика сѣраго сукна. Въ настоящее время предположено въ волынской губ. вновь устроить волынскій музей. Само собою разумѣется, что однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ музея долженъ быть *геологическій*». Г. Оссовскому въ значительной степени и должны мы быть обязаны за практическое осуществленіе мысли о геологической коллекціи волынск. губ.) [2]).

Прошло 25 лѣтъ со дня открытія библіотеки, и эти 25 лѣтъ она прожила тихо, незамѣтно, безъ какихъ либо особыхъ попеченій о ней и значительныхъ улучшеній. Распорядительный комитетъ библіотеки собирался для обсужденія дѣлъ ея очень рѣдко, иногда, чуть ли не разъ въ годъ для подписанія отчета библіотекаря и ут-

---

[1]) Впрочемъ, редакторъ „Волынск. Губ. Вѣдом.“ А. Перльштейнъ, помѣщая переводъ этой статьи въ своей газетѣ (1855 № 39), замѣчаетъ, что большая часть ея есть дословный переводъ статьи М. Максимовича въ сборникѣ его „Кіевлянинъ“ 1840, стр. 244—250.—О дальнѣйшей дѣятельности гр. Платера мы ничего не знаемъ.

[2]) „Тотъ же авторъ“, на котораго ссылается г. Боцяновскій на стр. 281, не гр. Платеръ, какъ можно было понять по контексту, а г. Братчиковъ.

вержденія смѣты на будущій годъ. Не находилось еще лица, близко принимавшаго къ сердцу ея интересы и улучшеніе. Распорядительный комитетъ не считаетъ нужнымъ слѣдить за развитіемъ библіотечнаго дѣла въ Харьковѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Воронежѣ, Одессѣ и т. д. Тихо и мирно шли годы за годами; все дѣло храненія, выдачи, выписки книгъ, а также отчетности возлагалось на единственнаго библіотекаря, дежурившаго въ библіотекѣ отъ 10 часовъ утра до 8 часовъ вечера, за исключеніемъ двухъ часовъ обѣденнаго перерыва. Только сравнительно недавно назначенъ былъ къ нему помощникъ. Вотъ почему (за исключеніемъ первыхъ лѣтъ) отчеты библіотеки не даютъ отвѣта на многіе весьма существенные вопросы (о распредѣленіи читателей по возрастамъ, сословіямъ, образованію, о степени популярности того или другаго писателя). Вотъ почему библіотека сдѣлала мало цѣнныхъ и достойныхъ пріобрѣтеній. Въ послѣднее время, однако, проявлена энергичная дѣятельность въ пріобрѣтеніи новыхъ книгъ. Но, по нашему мнѣнію, полезнѣе было бы пополнить прежде многое недостающее (тутъ отчасти могли бы оказать пользу отчеты и каталоги лучшихъ провинціальныхъ библіотекъ).

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторыя цифры о состояніи библіотеки въ послѣднемъ 1890 г., опубликованныя не такъ давно («Волын. Губ. Вѣд.» 1891, № 65). Число членовъ библіотеки въ этомъ году было 13, читателей 1042, посѣтителей 719. Требованій уловлетворено 14,354; изъ нихъ на книги серьезнаго содержанія падаетъ 2,035, на беллетрист. произведенія 7,702 и на періодич. изданія 4,617. Библіотека заключала въ 1890 г. 19,679 томовъ. Музей состоялъ изъ 681 экземпляра мѣстныхъ породъ и почвъ и 41 монеты.

Арк. Ляшенко.

Библіографія.

В. Е. Постниковъ. Южно-русское крестьянское хозяйство. Москва. 1891

Переселенія въ южной Россіи даже за время послѣдняго фазиса развитія нашего государства составляютъ обширный отдѣлъ его исторіи, не приведенный еще въ систематическій порядокъ, но уже подвергавшійся разработкѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ. Во время присоединенія Малороссіи къ сѣверной части Россіи уже обозначилось сильное движеніе населенія отъ Днѣпровскаго побережья въ слободскую Украину, шедшее рядомъ съ переселеніями съ сѣвера туда же и на Донъ; раньше того начавшееся движеніе въ Запорожскія степи не прекращалось; далѣе, съ половины XVIII вѣка, предваряя военныя экспедиціи къ Черному морю и рядомъ съ ними, шло постоянное передвиженіе населенія къ южнымъ морскимъ берегамъ материка; по уничтоженіи Запорожья, съ конца XVIII вѣка, началось переселеніе съ мѣстъ его вольностей на дальній востокъ—Кубань, которое продолжалось затѣмъ въ теченіе всего XIX вѣка и продолжается до настоящаго времени. Съ конца XVIII и начала XIX вѣка правительство начинаетъ принимать участіе въ колонизаціи Новороссіи и стремится ее регулировать. Учрежденіе конторы опекунства иностранныхъ поселенцевъ и евреевъ, переселяемыхъ въ этотъ край, рядъ указовъ о порядкѣ пріема въ среду кубанскаго войска бѣжавшихъ туда бывшихъ запорожцевъ и другихъ лицъ, институтъ военныхъ поселеній, которыя стали устраиваться съ 20-хъ годовъ истекающаго столѣтія, правила о заселеніи степей крѣпостными при помощи помѣщиковъ, имѣвшихъ право владѣнія людьми, разныя законоположенія о «бѣглыхъ» и т. п.—вся эта дѣятельность правительства, продолжавшаяся до Севастопольской войны, имѣла цѣлью

заселеніе пустыннаго «дикаго поля», пріобрѣтеннаго государствомъ надъ берегомъ Чернаго моря.

Когда законы 1861 года о бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ и 1866 года о государственныхъ крестьянахъ уничтожили подневольное и несвободное положеніе этихъ группъ населенія, колонизація Новороссіи продолжалась естественнымъ путемъ и отчасти при помощи правительства, раздававшаго новопоселенцамъ участки изъ свободныхъ казенныхъ земель. Наконецъ, законами 12 іюня 1886 года о переводѣ всѣхъ разрядовъ государственныхъ крестьянъ (въ томъ числѣ и колонистовъ) въ состояніе собственниковъ, 19 мая 1887 года о ликвидаціи дѣлъ конторы опекунства иностранныхъ поселенцевъ и евреевъ и распоряженіями 1888 года о прекращеніи отвода земель подъ водвореніе переселенцевъ изъ другихъ губерній въ новороссійскія губерніи правительство закончило свои мѣропріятія, продолжавшіяся въ теченіе всего XIX вѣка.

Перемѣны, происшедшія въ экономической и соціальной жизни массы населенія подъ вліяніемъ реформъ 60-хъ годовъ, отвлекли вниманіе и правительства, и общества отъ вопроса о переселеніяхъ; сама жизнь массы населенія, устраивавшагося вначалѣ на своихъ мѣстахъ въ качествѣ собственниковъ, не давала въ началѣ этого періода повода къ его обсужденію. Но уже въ 1876 году одинъ изъ постоянныхъ изслѣдователей экономической стороны народной жизни Θ. Θ. Воронцовъ заговорилъ о необходимости регулировать переселенія крестьянъ. Въ своей статьѣ по этому поводу, помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» (январь, 1876) онъ говорилъ, что «процессъ устроенія» крестьянъ на новыхъ началахъ свободной экономической жизни уже закончился, но очевидно не въ пользу увеличенія ихъ благосостоянія. Приведенныя имъ цифры относительно 9-ти южныхъ черноземныхъ губерній, почерпнутыя изъ достовѣрныхъ оффиціальныхъ источниковъ, показывали, что размѣръ надѣла въ этихъ губерніяхъ у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ колеблется отъ 2 до 2,7 десятинъ, а у бывшихъ государственныхъ отъ 3 до 5,7 десятинъ на ревизскую душу (т. е. на душу мужскаго населенія бывшаго въ 1858 г.). Чужой земли, т. е. помѣщичьей, казенной и удѣльной, которую крестьяне при извѣстныхъ условіяхъ могли бы брать себѣ въ обработку, на душу приходилось отъ 1,9 до 4,4 десятинъ.

Авторъ не бралъ въ разсчетъ новороссійскихъ губерній, а только полосу отъ подольской и волынской до воронежской и тамбовской включительно. Разсматривая отношеніе между количествомъ по-

датей и платежей за нанимаемую землю, высотою рабочей платы и доходностью земли, къ которой сталъ прилагаться свободный трудъ крестьянъ, онъ приходилъ къ тому заключенію, что результаты этого труда на мѣстѣ не могутъ доставить труженику средствъ даже для удовлетворенія первѣйшихъ потребностей продовольствія семьи; оттого и явились усиленныя исканія заработковъ на сторонѣ,—такъ называемые, отхожіе промыслы, а рядомъ съ ними цѣлый рядъ переселеній изъ указаннаго района на Кубань, въ ставропольскую губернію и въ Новороссію. Рекомендуя регулировать дѣло передвиженія населенія въ болѣе свободную территорію Новороссіи, г. Воропоновъ указывалъ на необходимость нѣкоторыхъ законоположеній и распоряженій, направленныхъ къ этой цѣли. Часть предлагавшихся имъ мѣръ получила осуществленіе, но они оказывались запаздывавшими, такъ какъ стремленіе къ переселеніямъ развивалось гораздо быстрѣе, чѣмъ осуществлялись эти мѣропріятія. Увеличеніе населенія на мѣстѣ превосходило количество земель, имѣвшихся по соображеніямъ г. Воропонова въ Новороссіи для ихъ заселенія. Труды Чаславскаго, Янсона, Григорьева и др. ученыхъ, разбиравшихъ этотъ вопросъ, доказывали съ неумолимою ясностью, что колонизація нашего народа на югъ, дошедши до естественныхъ границъ у Чернаго моря и Кавказскаго хребта, должна перелиться черезъ край и искать себѣ другого исхода. Изслѣдованія же текущей жизни по вопросу объ отхожихъ промыслахъ и переселеніяхъ, произведенныя харьковскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ и земскими статистическими учрежденіями губерній черниговской, полтавской, екатеринославской и херсонской обнаруживали, что изъ всѣхъ этихъ мѣстностей началось передвиженіе населенія за Уралъ сухопутьемъ и по новооткрывшемуся океаническому пути на Амуръ. Правительство, какъ извѣстно, въ послѣднее время отвѣтило на эту народившуюся потребность новой жизни организаціею переселенческихъ конторъ на восточной границѣ Европейской Россіи, установленіемъ правилъ для эмигрантовъ, ѣдущихъ океаномъ на Амуръ, и наконецъ, предположеніемъ о постройкѣ желѣзной дороги черезъ Сибирь.

Таково историческое развитіе явленія, которое стало однимъ изъ главныхъ симптомовъ жизни южнорусскаго населенія въ послѣднее время. Въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали, ему отводится также одно изъ главныхъ мѣстъ среди всѣхъ разсужденій автора о положеніи крестьянъ и колонистовъ—нѣмцевъ Новороссіи. Для своего сочиненія онъ пользовался земскими статистическими работами

въ губерніяхъ херсонской, екатеринославской и таврической, т. е. тѣхъ губерній, на которыя еще 15 лѣтъ тому назадъ г. Воропоновъ указывалъ, какъ на такія, куда можетъ быть направлено переселеніе. Теперь же на основаніи точныхъ цифровыхъ данныхъ, собранныхъ подворными переписями, послѣ долгихъ и разнообразныхъ вычисленій, авторъ приходитъ къ нѣсколькимъ положеніямъ относительно законодательныхъ мѣръ, необходимыхъ, по его мнѣнію, для удержанія южнорусскаго крестьянскаго хозяйства отъ полнаго разоренія. Какъ намъ кажется, главнѣйшими являются его выводы о необходимости уничтоженія общинныхъ порядковъ съ воспрещеніемъ дальнѣйшихъ коренныхъ передѣловъ, уменьшающихъ размѣръ надѣла, и предоставленіе выселенію всевозможныхъ пособій со стороны правительства въ такомъ размѣрѣ, чтобы изъ всей Россіи ежегодно могло выселяться въ Сибирь не менѣе милліона народа.

Первое положеніе намъ представляется въ его книгѣ ничѣмъ необоснованнымъ мнѣніемъ, продиктованнымъ просто личнымъ нерасположеніемъ автора къ извѣстной формѣ крестьянскаго общежитія; потому мы никакъ не можемъ раздѣлять совѣтовъ автора правительству, которое держится въ этомъ отношеніи болѣе либеральныхъ воззрѣній и предоставляетъ каждому крестьянскому обществу практиковать или душевое надѣленіе своихъ членовъ землею съ передѣлами, какія оно найдетъ нужными производить, или участковое съ наслѣдованіемъ безъ передѣловъ. Второе же предложеніе объ устройствѣ эмиграціоннаго дѣла у автора является основаннымъ на разсчетахъ, которые его и читателя приводятъ къ несомнѣнному заключенію о перенаселенности Новороссіи, или, какъ онъ выражается еще, перенасыщенности земледѣлія рабочими руками и рабочимъ скотомъ.

Для нашей цѣли является постороннимъ дѣломъ указывать на методъ и способы исчисленій, которые приводятъ автора къ такому выводу; достаточно будетъ, если скажемъ, что они зиждутся на несомнѣнныхъ данныхъ, добытыхъ сельско-хозяйственною наукою и статистикою, усовершенствовавшею за послѣднее время свои пріемы изслѣдованія. О другихъ предположеніяхъ автора, какъ помочь южнорусскому крестьянскому хозяйству, мы также говорить не будемъ, такъ какъ они относятся къ области агрономіи и чистой экономіи. Что же касается до вывода его, основаннаго на точныхъ вычисленіяхъ, о необходимости расширить эмиграцію населенія изъ Евро-

нейской Россіи, то думаемъ, что онъ подтверждается и исторіею переселеній въ Южной Россіи за послѣдніе 300 лѣтъ, почему едва ли можетъ подлежать опроверженію.

А. Русовъ.

Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году. Переводъ съ латинскаго, примѣчанія и приложенія И. Ивакина. Съ 5 ю фототипіями. Москва. 1891.

Изданіе записокъ и сказаній иностранцевъ о Россіи въ исправномъ переводѣ ихъ на русскій языкъ, съ необходимыми примѣчаніями и приложеніями въ особенности, является отвѣтомъ на одинъ изъ важнѣйшихъ запросовъ людей, занимающихся русской исторической наукой, такъ какъ записки и сказанія служатъ очень часто первостепеннымъ историческимъ матеріаломъ. Сознавая потребность въ такого рода изданіяхъ, Московское общество исторіи и древностей удѣляетъ не мало мѣста для нихъ на страницахъ своихъ «Чтеній»; настоящее «Описаніе путешествія» также издано имъ. «Описаніе» важно тѣмъ, что точно и обстоятельно изображая событія своего времени и будучи важнѣйшимъ источникомъ для характеристики русской жизни въ половинѣ XVII вѣка, впервые появляется въ свѣтъ въ полномъ своемъ объемѣ, такъ какъ раньше переводились только отдѣльныя части его. Переводчикомъ и комментаторомъ труда Бернгарда Таннера г. Ивакинымъ сообщено нѣсколько біографическихъ фактовъ, касающихся личности составителя «Описанія», какіе можно было извлечь изъ названнаго труда. Бернгардъ Таннеръ происходилъ изъ чешской католической семьи, жившей въ Прагѣ; онъ родился около 1650 г.; страсть къ путешествіямъ и къ изученію обычаевъ малоизвѣстныхъ народовъ завела его и въ Московское государство, куда онъ прибылъ въ свитѣ польскаго посольства въ 1678 году. Большая часть «Описанія» относится къ Москвѣ и обычаямъ ея обитателей; мы ея, поэтому, не будемъ касаться, а обратимъ вниманія лишь на ту часть, въ которой Таннеръ передаетъ впечатлѣнія, произведенныя на него строемъ жизни въ западной Руси. Въ изображеніи внѣшней стороны видѣнныхъ имъ городовъ авторъ кратокъ; о главныхъ изъ нихъ, о столицахъ, какъ Варшава и Краковъ, сказано въ «Описаніи» немного; отмѣчены только важнѣйшія святыни, храмы, дворцы, крѣпости, ратуши и проч.; въ другихъ городахъ онъ не находитъ ничего достойнаго вниманія, если не встрѣчаетъ предмета религіознаго

почитанія; нѣсколько обстоятельнѣе авторъ описываетъ Ченстоховъ, Тыкотинъ, Люблинъ, Брестъ-Литовскъ, Пружаны, Песочну, Могилевъ на Днѣпрѣ и Смоленскъ. Но несмотря на краткость описанія, иногда въ двухъ—трехъ словахъ, въ мѣткомъ эпитетѣ, въ разсказѣ о какомъ—нибудь характерномъ фактѣ, ясно проглядываетъ личное отношеніе автора къ той или другой народности въ западномъ краѣ; такъ, напр., описывая уличныя драки и безнаказанныя убійства, совершаемыя шляхтой на глазахъ у всѣхъ, путешественникъ съ ироніей замѣчаетъ, что такія преступленія называются польской вольностью; эту польскую вольность пришлось Таннеру испытать и на себѣ, когда пьяные слуги п. Сапѣги напали на него въ Краковскомъ предмѣстьи въ Варшавѣ и едва не побили камнями; говоря о виленскомъ сеймѣ, авторъ опять возвращается къ описанію безпорядковъ и безчинствъ, которые паны-шляхта производили на сеймѣ, а ихъ слуги въ городѣ.

При этомъ Таннеръ припоминаетъ выраженіе одного итальянца, часто повторяемое въ Польшѣ: «здѣсь совершается одно изъ семи чудесъ на свѣтѣ: вопятъ и бранятся точно пьяные, а все таки, наконецъ, рѣшаютъ». Таннеръ указываетъ также и на подкупы сеймующихъ даже въ его время. Такъ же мало скрываетъ онъ свою нелюбовь и къ евреямъ, къ ихъ всегдашнимъ занятьямъ корчемствомъ и торговлей; слово: «плутъ-жидъ» является у него обычнымъ эпитетомъ для еврея; задаваясь вопросомъ о причинѣ, почему паны отдаютъ предпочтеніе въ арендѣ евреямъ, онъ предполагаетъ ее въ томъ, что никто не платитъ такъ аккуратно и такой высокой аренды, какъ они; этимъ же онъ объясняетъ и ту широкую свободу, какой пользуются евреи въ Польшѣ; кстати указывается и на еврейскія плутни въ пограничной московской торговлѣ, предметомъ которой служатъ, главнымъ образомъ, мѣха; отмѣчая переполненіе западно-русскихъ городовъ евреями, авторъ «Описанія» называетъ Брестъ-Литовскъ—«грязной жидовской столицей». Но если онъ съ презрѣніемъ относится къ евреямъ изъ-за ихъ экономической дѣятельности, то въ отношеніи его къ православному населенію края лежитъ чисто религіозная подкладка; о православныхъ онъ говоритъ мало, но вездѣ ихъ называетъ не иначе какъ схизматиками, скорбитъ, что они умножаются по нерадѣнію тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, и сожалѣетъ, что въ разоренныхъ московскими войсками литовскихъ городахъ храмы и домы схизматиковъ остались нетронутыми и пощажены схизматиками—непріятелями; посѣтивъ Смоленскъ, Таннеръ обратилъ свое вниманіе на ту особенность, что жители города, подчиняясь то

русской, то польской власти, усваиваютъ себѣ попеременно и обычаи то тѣхъ, то другихъ побѣдителей. Изъ политическихъ событій авторъ кратко сообщаетъ объ одномъ: о побѣдѣ надъ турками подъ Чигириномъ. Таковы тѣ немногія данныя, которыя заключаются въ «Описаніи» для характеристики западно-русской жизни въ XVII вѣкѣ. Слѣдующее за тѣмъ въ сочиненіи Таннера описаніе Москвы, ея обычаевъ, дипломатическихъ переговоровъ посольства и проч. даетъ много весьма любопытныхъ подробностей и иллюстрируется нѣсколькими изображеніями москвичей, а также видами и планомъ города. Для болѣе удобной оцѣнки правдивости Таннера и доказательства важности сообщаемыхъ имъ фактовъ, г. Ивакинъ привелъ въ извлеченіи описанія Москвы, сдѣланныя другими иностранцами, а также извлеченія изъ дѣлъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ документовъ, касающихся переговоровъ посольства 1678 г. Все это дѣлаетъ трудъ г. Ивакина весьма цѣннымъ подспорьемъ для занимающихся русской исторіей.

И. Каманинъ.

Сборникъ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ IX. Прилукскій уѣздъ. Полтава. 1891.

Этотъ томъ составляетъ продолженіе изданій полтавской губернской земской управы, начатыхъ еще въ 1883 году и улучшающихся съ каждымъ годомъ. Описанія уѣздовъ, выходившія сначала, были очень коротки; первые томы состояли почти изъ однѣхъ статистическихъ таблицъ, а текстъ составлялъ только поясненіе къ нимъ; въ послѣдующихъ появились уже описанія каждаго отдѣльнаго селенія съ характеристиками сельско-хозяйственнаго экономическаго быта; затѣмъ, кромѣ очерковъ крестьянскаго и козачьяго хозяйства, къ нѣкоторымъ томамъ стали въ видѣ дополненій выходить очерки и помѣщичьихъ хозяйствъ; теперь, наконецъ, каждый томъ изданій полтавскаго земства заключаетъ въ себѣ характеристику хозяйства какъ крестьянскихъ и козачьихъ обществъ, такъ и помѣщичьихъ имѣній, имѣющихъ болѣе 50 десятинъ.

Эта двупланность изслѣдованій, установленная при началѣ работъ, отзывается невыгоднымъ образомъ и до сихъ поръ на изданіяхъ полтавскаго земства и является уже непоправимымъ недостаткомъ, такъ какъ свѣдѣнія относительно козаковъ, крестьянъ и нѣкоторыхъ мѣщанъ были собраны по одной программѣ посредствомъ подворной

переписи; данныя же о помѣщичьихъ хозяйствахъ собирались отъ владѣльцевъ и разрабатываемы были самостоятельно безъ связи съ положеніемъ окружающихъ ихъ крестьянскихъ и козачьихъ хозяйствъ. Въ каждомъ уѣздѣ полтавской губерніи существуютъ, конечно, казенныя, городскія, церковныя земли и т. п.; о положеніи ихъ, способахъ и формахъ ихъ эксплуатаціи свѣдѣній вовсе не было собираемо, почему и очерковъ о хозяйствѣ на этихъ земляхъ въ «Сборникахъ» полтавскихъ вовсе не имѣется. Такая неполнота данныхъ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи, отличавшая и предыдущіе томы, остается неизмѣнною особенностью и послѣдняго тома, заглавіе котораго нами выписано.

Первоначальная постановка дѣла и планъ, избранный для изложенія собранныхъ фактовъ, отзываются и на способѣ изложенія въ описательной части также невыгоднымъ образомъ. Такъ какъ очерки хозяйствъ сельскихъ обществъ и помѣщиковъ составляютъ совершенно отдѣльныя части книги, то въ многихъ случаяхъ являются излишнія повторенія; такъ напр., въ разсматриваемомъ нами томѣ два раза повторяется географическое описаніе уѣзда и его естественныхъ особенностей: разъ въ общемъ вступленіи (стр. 1—38), другой разъ въ очеркѣ помѣщичьяго хозяйства (стр. 170—179); встрѣчаются повторенія въ этихъ двухъ отдѣлахъ и относительно рабочихъ, платъ имъ и т. п.

Во всякомъ случаѣ, если оставить въ сторонѣ эти особенности въ общемъ планѣ изложенія, вышедшій томъ какъ по количеству предлагаемыхъ имъ свѣдѣній, такъ и по интересу заключающемуся въ нихъ, представляетъ богатый вкладъ въ экономическую и географическую литературу о нашемъ краѣ. Подробности бытовыхъ отношеній, выраженныя въ цифрахъ, разработанныхъ съ должною эрудиціею, знакомятъ довольно обстоятельно читателя съ уѣздомъ и его жителями, среди которыхъ только $^1/_{10}$ часть мужчинъ грамотны, а число грамотныхъ женщинъ не составляетъ даже и $^1/_{100}$ части всѣхъ женщинъ. Малоземелье крестьянъ-собственниковъ, у которыхъ на одно хозяйство приходится не болѣе 4 десятинъ земли, опредѣляетъ и всѣ остальныя стороны экономическаго быта, какъ напр. обработку земли супрягою, т. е. коллективнымъ способомъ приложенія труда; среди крестьянъ-собственниковъ этого уѣзда только 13% хозяйствъ пашутъ самостоятельно свою землю и нанимаемую у помѣщиковъ; другіе за неимѣніемъ скота должны нанимать себѣ орачей; а 70%, т. е. громадное большинство, прибѣгаетъ къ супрягѣ.

Такія цифры и подобныя имъ, характеризующія сельскій бытъ населенія нашего края, очень внушительны, особенно въ виду распространеннаго мнѣнія о стремленіи малорусса къ индивидуальности въ частной домашней и общественной жизни.

Р.

А. Г. Брикнеръ.—Потемкинъ. — Съ 2 портретами. Спб. 1891. 276 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Трудъ проф. Брикнера печатался сначала въ журналѣ «Новь» за 1887 годъ, а теперь, ко дню столѣтія со дня смерти Потемкина († 5 окт. 1791 г.) явился отдѣльнымъ изданіемъ, причемъ сдѣланы нѣкоторыя (правда, незначительныя) дополненія на основаніи вновь появившихся матеріаловъ.

Авторъ имѣетъ въ виду исключительно личную исторію Потемкина, оставляя почти въ сторонѣ его политическую роль и административную дѣятельность: «главное вниманіе въ послѣдующихъ главахъ, говоритъ онъ во введеніи къ своему труду, обращено на вопросъ о личномъ отношеніи Потемкина къ Императрицѣ Екатеринѣ II, и мы не имѣемъ въ виду разработки частностей роли знаменитаго фаворита» (стр. 7). Такое ограниченіе со стороны автора своей задачи нельзя назвать особенно удачнымъ, хотя оно отчасти и объясняется характеромъ тѣхъ матеріаловъ, которымъ приходилось пользоваться автору. Свои свѣдѣнія онъ черпалъ, главнымъ образомъ, изъ Сборника Рус. истор. общества, а это общество почему-то мало интересуется внутренней исторіей Россіи, а предпочитаетъ, главнымъ образомъ, исторію дипломатическую и придворную, пользуясь при этомъ иностранными архивами. Такое, можно сказать, игнорированіе внутренней исторіи со стороны общества, располагающаго достаточными для изданій матеріальными средствами, ведетъ къ тому, что мы отлично знаемъ, сколько безплодныхъ словъ потрачено, бумаги исписано, хитростей употреблено, напр., во время Тешенскаго конгресса, т. е., знаемъ массу никому ненужныхъ вещей, а между тѣмъ ни финансовое, ни экономическое, ни административное положеніе Россіи XVIII в. намъ совсѣмъ не извѣстно. У насъ напечатана масса разнаго никому ненужнаго хлама изъ иностранныхъ архивовъ, въ родѣ имѣющихъ третьестепенное значеніе донесеній резидентовъ, а между тѣмъ драгоцѣннѣйшіе документы по внутренней исторіи Россіи лежатъ, никому неизвѣстные, подъ спудомъ, въ архивахъ центральныхъ

или же гніютъ, сжигаются и продаются на пуды въ провинціальныхъ архивахъ. Существуетъ уже длинный мартирологъ провинціальныхъ архивовъ съ драгоцѣнными документами, погибшими безвозвратно; занесемъ въ лѣтопись еще гибель одного архива. Г. Л. Скадовскій, по просьбѣ редакціи «Кіевской Старины», осмотрѣлъ херсонскіе архивы, съ цѣлью опредѣлить значеніе ихъ для исторіи Новороссіи во время генералъ-губернаторства кн. Потемкина—и оказалось, что всѣ почти архивы исчезли. Въ крѣпостномъ архивѣ сохранилась и опись дѣламъ съ характерной помѣтой «украдены въ такомъ-то году»; по преданію, дѣла вывозились однимъ любителемъ старины возами. Описи дѣлъ сохранились и въ архивѣ губернскаго правленія; но самыхъ дѣлъ давно нѣтъ, они періодически сжигались и это сожженіе прекращено только недавно. А между тѣмъ здѣсь, въ архивахъ херсонскомъ, николаевскомъ, екатеринославскомъ и т. д., и должны храниться драгоцѣнные матеріалы для исторіи заселенія, управленія и расхищенія земель въ Новороссіи. Только увидятъ ли они свѣтъ?...

Книга проф. Брикнера распадается на 11 главъ и введеніе, въ которомъ авторъ дѣлаетъ обзоръ литературы о Потемкинѣ. Въ *первой главѣ* разсказывается молодость Потемкина (до 1774), его участіе въ переворотѣ 1762 г., екатерининской комиссіи 1767 г., сближеніе съ Екатериной; *во второй*—Потемкинъ въ случаѣ, отношеніе къ нему Екатерины и придворныхъ (1774—1776 г.); *въ третьей*—отношенія Екатерины къ Потемкину съ 1776 по 1786 г.; *въ четвертой*—дѣятельность Потемкина до 1786 г.—въ качествѣ политика—дипломата по присоединенію Крыма, президента военной коллегіи, фельдмаршала и новороссійскаго генералъ-губернатора; *въ пятой* главѣ разсказывается извѣстное театральное путешествіе Екатерины въ 1787 г., которому раньше (Истор. Вѣст. 1885 г. іюль—сентябрь) А. Г. Брикнеръ посвятилъ отдѣльную статью и съ которымъ читатели «Кіевской Старины» могутъ подробнѣйшимъ образомъ ознакомиться по статьямъ Г. В. Есипова; *въ шестой* главѣ дѣло идетъ о началѣ турецкой войны; *въ седьмой* разсматривается дѣятельность Потемкина при взятіи Очакова; событіямъ 1789—1790 годовъ посвящена глава *восьмая*, пребыванію Потемкина въ Петербургѣ въ 1791 г.—*девятая*. Въ *десятой* подробнѣйшимъ образомъ говорится о болѣзни и смерти Потемкина, причемъ разсказывается интересная судьба его гроба, долго, какъ извѣстно, стоявшаго непогребеннымъ, затѣмъ зарытаго по приказанію имп. Павла, ненавидѣвшаго Потемкина, и открытаго опять въ полусгнившемъ видѣ въ 1873 г. особой коммиссіей Одесскаго обще-

ства исторіи и древностей. Въ *одиннадцатой* главѣ дается оцѣнка личности Потемкина, причемъ приводятся самыя разнообразныя мнѣнія о немъ какъ современниковъ, такъ и лицъ послѣдующаго поколѣнія. Отношеніе самого автора къ личности Потемкина кажется намъ недостаточно яснымъ: онъ называетъ его «баловнемъ счастья, болѣе авантюристомъ, чѣмъ государственнымъ человѣкомъ, болѣе азартнымъ игрокомъ, чѣмъ героемъ» (стр. 276); но трудно сказать, что собственно разумѣетъ авторъ подъ этими слишкомъ неопредѣленными словами.

Книга проф. Брикнера написана живымъ языкомъ и читается съ интересомъ. Издана она прекрасно, что увеличило ея цѣну, а потому и сдѣлало ее для публики мало доступной. Изъ приложенныхъ двухъ портретовъ, сдѣланныхъ фототипіей Шеррера въ Москвѣ, портретъ Екатерины вышелъ удачнымъ, портретъ же Потемкина плохъ.

Z.

Опытъ изслѣдованія украинскихъ крестьянскихъ ярмарокъ. Описаніе лубенской Покровской ярмарки 28 сент.—2 окт. 1891 года. Составилъ Я. П. Забѣло. Полтава. 1892.

Эта небольшая книжка составляетъ результатъ изслѣдованія одной изъ ярмарокъ г. Лубенъ полтавской губерніи, неудачно названной «крестьянскою», такъ какъ несомнѣнно въ г. Лубнахъ на ярмаркѣ и продаютъ товары, и покупаютъ ихъ не одни крестьяне, а и козаки, и мѣщане, и дворяне, и др. сословія. Изслѣдованіе произведено было земскими статистиками, собиравшими, по порученію губернскаго земства, данныя для переоцѣнки городскихъ недвижимыхъ имуществъ; въ виду того, что они могли посвятить изученію ярмарки одинъ свободный отъ прямыхъ своихъ обязанностей день (воскресенье), описаніе, конечно, не могло выйти полнымъ, т. е. въ немъ мы не встрѣчаемъ разсказа о томъ, какъ въ теченіе всѣхъ 5-ти дней ярмарки увеличивался подвозъ, какъ и когда шла торговля тѣми или другими товарами, когда напряженіе торговой дѣятельности усиливалось, сколько именно денежныхъ знаковъ было въ обращеніи, сколько разъ могъ обернуться одинъ и тотъ же капиталъ, какъ великъ вышелъ оборотъ ярмарки, сколько и какихъ товаровъ продано, кому и куда и т. д. Но за то наличность товаровъ въ избранный моментъ описанія ярмарки представлена г. Забѣлою на основаніи собранныхъ данныхъ весьма обстоятельно. Изъ его труда

ясно видно, откуда и какіе товары были привезены, кѣмъ (самими производителями или перекупщиками, на какую сумму; качество товаровъ охарактеризовано довольно подробно; обстановка ярмарки (карусель, балаганы, чумаки съ Дона съ рыбою и т. п.) представлена яркими красками. Въ виду того, что со времени появленія подобнаго же описанія Борисполькой ярмарки Ѳ. К. Волковымъ въ «Запискахъ юго-западнаго отдѣла географическаго общества» прошло 18 лѣтъ и съ тѣхъ поръ нигдѣ не встрѣчалось болѣе подробнаго отчета о какой-бы то ни было ярмаркѣ, можно смѣло назвать этотъ трудъ выдающимся среди сочиненій нашей мѣстной экономической литературы. Насколько отъ подобныхъ трудовъ должны измѣниться взгляды на значеніе ярмарокъ въ нашей сельской жизни, видно изъ того, что по оффиціальнымъ отчетамъ за послѣдніе 3 года въ среднемъ привозъ на Покровскую лубенскую ярмарку считался не болѣе какъ на 40 т. рублей, тогда какъ стоимость товаровъ, находившихся на ярмаркѣ 1891 года въ день ея описанія, исчислена г. Забѣлою въ 193 тысячи рублей.

Мы не будемъ останавливаться на содержаніи этой интересной во всѣхъ отношеніяхъ книги; приведемъ лишь нѣкоторыя данныя объ одномъ родѣ товаровъ, именно о книгахъ, продавцами которыхъ, явились 2 лица (изъ Лубенъ и Чернигова), привезшія ихъ всего на сумму 150 рублей. Этотъ товаръ описанъ былъ статистиками во всей подробности: въ трудѣ г. Забѣло приведены заглавія всѣхъ 405 изданій, продававшихся здѣсь, разсортированныя по издателямъ и содержанію книгъ. Оказывается, что больше всего книгъ для народнаго чтенія доставляютъ фирмы Губанова, Сытина и Прѣснова; славившіяся когда-то изданія Кіево-Печерской лавры теперь сократились въ обращеніи до 7-ми названій книгъ (мѣсяцесловы, молитвословы, часословъ и псалтырь). Несмотря на это книги духовно-нравственнаго содержанія (о Святой землѣ, житія разныхъ святыхъ, сказанія о мукахъ, слова, поученія и т. п.) составляютъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ народной литературѣ; ихъ было 117 названій или 29% всѣхъ книгъ. Большинство, впрочемъ, составляютъ книги беллетристическаго содержанія, которыхъ было 229 названій (56,5%); книги историческаго содержанія, учебники, оракулы, техническія, сельскохозяйственныя, очевидно, спрашиваются меньше всего; книгъ съ содержаніемъ послѣдняго рода совсѣмъ почти не было (собственно была только одна: «Самоучитель пчеловодства»).

Книгъ на малорусскомъ языкѣ было всего 37 названій, тогда какъ русскихъ около 370, т. е. въ десять разъ больше; несмотря

на это, по отзывамъ изслѣдователей, такія книги, какъ «Байки» Глибова читаются болѣе охотно и покупаются, несмотря на сравнительную дороговизну, предпочтительнѣе передъ другими книгами. Изъ сочиненій Шевченка на ярмаркѣ была только одна «Наймычка», что особенно бросается въ глаза въ виду популярности послѣдняго автора.

Мы пожелали бы въ заключеніе, чтобы земства, ведущія изслѣдованія экономической жизни, обратили большее вниманіе на изученіе ярмарокъ, на которыхъ яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно уловить характеръ и производство довольно большихъ районовъ, и потребленія разныхъ продуктовъ. Было бы желательно, чтобы такія работы, какъ названная, производились не ad libitum, а вошли въ постоянныя обязанности земскихъ статистическихъ учрежденій.

Р.

Херсонскія Губернскія Вѣдомости 1839—1888 г.

«Херсонскія Губернскія Вѣдомости» съ неоффиціальнымъ отдѣломъ при нихъ начали выходить въ свѣтъ въ 1839 году, по тетрадкѣ in 4° въ недѣлю. Въ 1864 г. неоффиціальный отдѣлъ, а потомъ и все изданіе увеличило форматъ до размѣра ежедневныхъ большихъ газетъ, а съ 1866 г. «Вѣдомости» стали печататься по два раза въ недѣлю [1]).

Редакторы неоффиціальнаго отдѣла мѣнялись часто, что видно будетъ изъ слѣдующаго списка лицъ, носившихъ это званіе съ 1848 года (ранѣе этого года редакторы не подписывали своихъ фамилій). Въ 1848—49 г. редакторомъ былъ Шидловскій, въ 1850 Михайловскій, въ 1851—53 Исаевъ, въ 1854 Затурскій, въ 1854 и 55 Будянскій, въ 1856 опять Михайловскій и потомъ Григоровичъ, въ 1857—58 снова Будянскій, потомъ, съ конца 1858 по 1860 снова Григоровичъ, въ 1861 Гербановскій, въ 1862—63 Соколовскій, въ 1864—65 Раевскій, въ 1866 еще разъ Григоровичъ, въ 1867 и 68 Гернетъ, въ 1869—73 Эйсмонтъ, въ 1874 Кожевниковъ, въ 1875 Сычевскій, въ 1876—77 Ханацкій, въ 1878 и далѣе Моисеевъ. Все это—имена, по большей части совершенно непричастныя литературѣ и наукѣ,—

---

[1]) Экземпляръ 1855 г., принадлежащій Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ, оканчивается 40-мъ номеромъ (6 окт.). Вѣроятно, до конца года Вѣдомости были прекращены изданіемъ.

лица, случайно поставленныя во главѣ изданія, не отдававшія ему души своей, какъ это иногда было и бываетъ и теперь въ другихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

Замѣчательно, что годы, непосредственно слѣдовавшіе за окончаніемъ крымской войны, 1856—1863, отличавшіеся реформаціонными трудами правительства, требовавшими всесторонняго изученія страны, какъ разъ отличаются необыкновеннымъ оскудѣніемъ неоффиціальнаго отдѣла Херсонскихъ Вѣдомостей. Но за то очень пріятное впечатлѣніе по обилію, разнообразію и внутреннему достоинству статей неоффиціальнаго отдѣла представляетъ кратковременное, къ сожалѣнію, редакторство Раевскаго (1864—1865 г.): Съ 1873 г. и понынѣ неоффиціальный отдѣлъ Вѣдомостей почти вовсе не заключаетъ въ себѣ статей по изученію края, уступивъ мѣсто вновь народившимся земскимъ и частнымъ изданіямъ; ни короткое редакторство извѣстнаго литератора Сычевскаго, ни долговременное—г. Моисеева не измѣнили нисколько положенія дѣла.

Насколько неустойчивымъ и случайнымъ является редактированіе неоффиціальнаго отдѣла Губернскихъ Вѣдомостей, настолько же малочисленными—литературныя силы, которыми пользовалось это изданіе. Въ теченіе ряда годовъ обыкновенно господствуетъ одно какое нибудь имя. Такъ, въ 40 хъ годахъ главенствуютъ статьи Бухтѣева и потомъ Косача, въ 50-хъ—Негрескула, въ 60-хъ и 70-хъ выдается Чирковъ. Остальные сотрудники являются болѣе или менѣе случайно.

Подполковникъ топографовъ А. П. Чирковъ, членъ одесскаго общества исторіи и древностей, завѣдывавшій статистическимъ и топографическимъ отдѣленіемъ при херсонской земской управѣ, особенно обращаетъ на себя вниманіе своей неутомимостью и разнообразно направленной любознательностью. Онъ печатаетъ статьи рѣшительно по всѣмъ отраслямъ изученія херсонскаго края: по статистикѣ, топографіи, климатологіи, исторіи и археологіи. При такомъ разнообразіи и количествѣ интересовъ и работъ, не мудрено, если нѣкоторыя изъ его статей носятъ отпечатокъ поспѣшности, но, во всякомъ случаѣ, почтенная дѣятельность Чиркова заслуживаетъ полной признательности. Весьма желательно было бы опубликованіе дневниковъ курганныхъ раскопокъ, которыя производилъ онъ въ елисаветградскомъ уѣздѣ, тѣмъ болѣе, что общія свѣдѣнія о нихъ, сообщаемыя Чирковымъ въ Вѣдомостяхъ, нѣсколько неопредѣленны.

Наряду съ оригинальными статьями, встрѣчается въ неоффиціальномъ отдѣлѣ Губернскихъ Вѣдомостей много перепечатокъ. Въ

первые годы существованія Вѣдомостей неоффиціальный отдѣлъ ихъ наполнялся почти исключительно перепечатками, причемъ отдавалось предпочтеніе замѣткамъ и совѣтамъ по сельскому хозяйству и домоводству, ветеринаріи и врачебному искусству, вродѣ тѣхъ, которые и теперь случается встрѣчать въ газетахъ, въ отдѣлѣ «смѣсь». Но уже въ началѣ 40-хъ годовъ появляются статьи по изученію края—оригинальныя и перепечатанныя изъ другихъ изданій—касающіяся исторіи, географіи и этнографіи. Наконецъ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ преобладаютъ статьи по статистикѣ и климатологіи.

Въ общей сложности, за 50 лѣтъ существованія, въ Херсонскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ набралось довольно много матеріала по разнымъ отдѣламъ отчизновѣдѣнія, нерѣдко представляющаго научный интересъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы матеріалъ этотъ распредѣлялся равномѣрно по мѣстностямъ и по областямъ знанія. Такъ, естественно, городу Херсону и ближайшимъ къ нему мѣстамъ отведено мѣста больше (абрикосовому дереву Екатерины II въ Херсонѣ посвящено двѣ статьи и пр.), за то о многихъ другихъ, не менѣе интересныхъ мѣстностяхъ не находимъ свѣдѣній вовсе. Наибольшее число статей посвящено исторіи и старинѣ края, наиболѣе же слабымъ отдѣломъ оказывается мѣстная этнографія, хотя херсонская губернія, по многочисленности народностей, въ ней живущихъ, представляетъ обширное поприще для этнографическихъ изученій. Слѣдуетъ также пожалѣть о маломъ числѣ сообщеній по археологіи: описаній древностей, свѣдѣній о случайныхъ находкахъ ихъ и пр.

Предлагаемъ ниже списокъ статей, касающихся юга Россіи, съ изложеніемъ содержанія тѣхъ изъ нихъ, которыя представляютъ, по нашему мнѣнію, болѣе интереса, и которыя поддаются сокращенному пересказу.

1. Исторія, біографіи, некрологи, вещественные памятники старины и древности.

1840 г. № 43. О происходившей закладкѣ еврейской синагоги въ гор. Херсонѣ.

1843 г. № 5. Абрикосовое дерево, насажденное рукою императрицы Екатерины II въ Херсонѣ.

№ 14. Церковь св. великомученицы Екатерины въ херсонской крѣпости.

№ 35 и 36. Воспоминанія о баронессѣ Аннѣ Ефимовнѣ Остенъ-Сакенъ.

№ 37. Воззваніе Потемкина къ екатеринославскому дворянству.

1844 г. № 2. Первый вѣковой юбилей новороссійскаго края. *А. Скальковскаго* (Изъ Одесск. Вѣстн.).

№ 36—37. Первое пятидесятилѣтіе Одессы (1794—1844). *А. Тр.* (Изъ Одесск. Вѣстн.).

№ 38. Новый документъ для исторіи города Одессы, отысканный въ архивѣ Сѣчи запорожской. *А. Скальковскаго* (изъ Од. Вѣст.).

№ 43. Некрологъ Д. М. Княжевича. *Ф. Лялюкова.*

1846 г. № 7. Историческое обозрѣніе городовъ кіевской губ. съ ихъ окрестностями. Гор. Каневъ.

1847 г. № 5 и 6. Степи.—Природа и исторія степей. Курганы авторъ раздѣляетъ на 3 разряда: могильные, путеуказательные и сторожевые. Разсмотрѣвъ высказанныя въ литературѣ мнѣнія о каменныхъ бабахъ, онъ приходитъ къ заключенію, что онѣ сооружались финнами.

№ 6. Списокъ нѣкоторымъ источникамъ къ изученію новороссійскаго края.

1850 г. № 27. О доставленіи свѣдѣній о древностяхъ вообще (воззваніе Импер. Археол. Общества).

1851 г. № 8, 11 и 12. Музеумъ одесскаго общества исторіи и древностей.

№ 31. О солнечномъ затмѣніи въ Херсонѣ.

№ 32. Нѣсколько словъ о солнечномъ затмѣніи въ Херсонѣ 16 іюля 1851 г. *Мих. Косачъ.*

№ 35. Еще нѣсколько словъ о солнечномъ затмѣніи въ Херсонѣ. *А. Соколовъ.*

№ 44 и 46. Жизнь и смерть филантропа Говарда въ Херсонѣ. *В. Негрескулъ.*

№ 48. Днѣпръ (дума). *В. Негрескулъ.*

№ 49. Матеріалы для полной біографіи филантропа Говарда. 1. Отзывъ о Говардѣ херсонскаго градскаго главы Альбрандта.

№ 52. Продолженіе. 2. Записка ген.-м. Кобле объ англійскомъ природномъ дворянинѣ Говардѣ.

— Матеріалы для исторіи Херсона. Замѣтки Екатерины II о Херсонѣ.

1852 г. № 3, 9, 10. О пребываніи императрицы Екатерины II въ Херсонѣ. *В. Негрескулъ.*

№ 7. Первое военно-учебное заведеніе въ Херсонѣ. *В. Негрескулъ.*

№ 7, 8, 12, 17 и 1853 г. № 3—4. Краткая записка херсонской губернской гимназіи. Отд. I. Отъ основанія гимназіи до времени преобразованія (1815—1836 г.).

№ 9. Изъ письма къ редактору. *В. Негрескулъ.* Впечатлѣнія бывшаго воспитанника херсонской гимназіи при чтеніи «краткой записки о гимназіи».

№ 8. Матеріалы для полной біографіи филантропа Говарда. Мемуаръ 3-й. Изъ бумагъ бывшаго херсонскаго землемѣра г. Ярошевскаго.

№ 13. Продолженіе. Мемуаръ IV. Изъ бумагъ бывшаго совѣтника херсонскаго губернскаго правленія Симборскаго.

№ 29 и 38. Продолженіе. *В. Негрескулъ.*

№ 11. Замѣтка на отзывъ «Библ. д. Чтенія» о статьѣ «Жизнь и смерть Говарда въ Херсонѣ». *В. Негрескулъ.*

№ 12. Изъ письма къ помѣщику бобринецкаго уѣзда В. Г. Воробьеву *В. Негрескулъ* (о Говардѣ).

№ 15. Могила Джона Говарда. *В. Негрескулъ.*

№ 22. Матеріалы для исторіи Херсона. *В. Негрескулъ.*

№ 34—35. Матеріалы для исторіи херсонской губ. Въ приложеніи грамота, данная Хорвату 11 янв. 1752 г. (изъ П. С. Зак.).

№ 40—41. Воспоминаніе объ Ив. Никит. Инзовѣ. *А. Стурдза.* Статья эта первоначально появилась въ «Одесск. Вѣстникѣ» (1847 г.), потомъ вышла отдѣльной брошюрой.

№ 43, 44, 48 и 49. Историческая и статистическая записка о военномъ городѣ Елисаветградѣ. *Г. И. Соколовъ.*

№ 46. Историческія замѣтки. *В. Негрескулъ.* Остатки Екатерининской старины въ Херсонѣ.

№ 47. Прогулка на Потемкинъ островъ. *М. Косачъ.* Описаніе городка запорожскаго, изобилующаго человѣческими костями, разсказы о нападеніяхъ запорожцевъ на турецкія суда и о кровавой расправѣ съ ними турокъ.

1853 г. № 5. Семенъ Андреевичъ Порошинъ. *В. Воробьевъ.*

№ 9. Извѣстія о городищѣ (при впаденіи балки Тягинки въ Днѣпръ). *Федоровъ.* По обѣимъ сторонамъ въѣзда въ м. Тягинку авторъ видѣлъ двѣ каменныя бабы съ ожерельями. По близости, въ имѣньи Пав. Як. Эрдели, случайно находили монеты Марка Аврелія и др. Преданіе о городищѣ см. въ отдѣлѣ Этнографія.

№ 38. Путевыя замѣтки отъ Николаева до Вознесенска. *М. Косачъ.* Подъѣзжая къ ст. Бабы изъ с. Троицкаго, авторъ издали увидѣлъ ка-

менную бабу. Близъ станціоннаго двора онъ замѣтилъ слѣды длинной земляной насыпи, тянущейся отъ балки (?) къ р. Бугу. Насыпь служила подножіемъ для кургана, на которомъ стояла каменная баба, изъ мѣстнаго известняка, $2^1/_2$ арш. высоты, съ отбитой головой, представлявшая особу женскаго пола. Поселянинъ ближайшей деревни Бѣлоусовки Прокофій Майбурнъ, бывшій запорожецъ, выкопалъ и свезъ ее къ воротамъ своего дома, но потомъ отвезъ обратно и поставилъ на прежнее мѣсто, такъ какъ баба являлась къ нему по ночамъ и настойчиво требовала этого.

1854 г. № 3, 4, 5 и 6. Новороссійскій знаменитый хозяинъ Викторъ Петровичъ Скаржинскій. *И. У. Палимсестовъ.*

1856 г. № 33 и 34. Распоряженія и предположенія кн. Потемкина-Таврическаго. Объ устройствѣ черноморскаго флота и гор. Николаева. Записки, поданныя по кончинѣ Потемкина адмиралу Н. С. Мордвинову бывшимъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссаромъ М. А. Фалѣевымъ въ 1790 г. (Изъ «Морск. Сб.»).

1858 г. № 35 и 36. Историческій, статистическій и этнографическій очеркъ гор. Александріи. Планъ статьи: Исторія, топографическое положеніе, р. Ингулецъ, церкви, городскія постройки, общественная жизнь, промышленность, торговля, занятія жителей; малороссы: нравы и обычаи, народный календарь, церковныя общины (братчины), народный умъ, пословицы, загадки, одежда; великороссы: нравъ, пѣсни; цыгане (волохи), ихъ образъ жизни и занятія; евреи.— При въѣздѣ въ с. Звенигородку изъ Александріи, на правомъ берегу Ингульца, есть земляное укрѣпленіе въ видѣ прямоугольника съ бастіонами по угламъ; по преданію, это—слѣды укрѣпленнаго лагеря Карла XII времени его бѣгства изъ Переволочны.—См. «Статистика» и «Этнографія».

1859 г. № 15. Историческій обзоръ херсонской губ. (Изъ В. Э. Л.).

1860 г. № 27 и 29. Первоначальное образованіе черноморскихъ адмиралтейскихъ селеній: Богоявленскъ, Воскресенскъ, Калиновка, Покровское (Копани), Березнеговатое и Висунь. (Изъ М. С. за 1860 г. № 4).

№ 45. Абрикосовое дерево императрицы Екатерины II въ Херсонѣ. *Н. Гербановскій.*

1863 г. № 33. Изъ матеріаловъ для біографіи кн. Потемкина-Таврическаго. *Свящ. Ал. Мухинъ.* О мѣстѣ первоначальнаго погребенія кн. Потемкина и обстоятельствахъ, при которыхъ тѣло его увезено изъ Херсона. (Изъ «Одесск. Вѣстн.»).

1864 г. № 4. Городище на Потемкинскомъ островѣ. *С.* Въ 5 верстахъ ниже Херсона есть на Днѣпрѣ Потемкинскій островъ, имѣющій верстъ 15 въ длину. На немъ, противъ впаденія Конки въ Днѣпръ,—Козацкое-городище, шаговъ 100 въ длину и шаговъ 40 въ ширину. Внутри его замѣчены остатки зданія съ погребомъ, слѣды какихъ то другихъ построекъ, камни и кирпичи, обломки красныхъ кувшиновъ и горшковъ, человѣческія кости. По преданію, на островѣ въ камышахъ скрывались козаки-гайдамаки, которые вели постоянную борьбу съ турками. Послѣ одной удачной вылазки, одинъ козакъ, обдѣленный добычей и осмѣянный товарищами, изъ мести провелъ на островъ очаковскихъ турокъ въ пасхальную ночь, когда козаки, разговѣвшись, всѣ спали, мертвецки пьяные. Турки вырѣзали всѣхъ, не пощадивъ и измѣнника. Въ наше время, по слухамъ, на островѣ копали клады и находили ихъ.

№ 47—49. Козакування. Комична оперетка у дви картины.

1866 г. № 70. Предложеніе археографической коммиссіи къ лицамъ, имѣющимъ старые рукописи и акты.

№ 73 и 74. Скиѳскія могилы. Чертомлыкскій курганъ, *И. Е. Забѣлина.*

№ 74 и 75. Емел. Степ. Бондаревъ и его религіозная и торговая дѣятельность. *Прот. Григ. Сухомлиновъ.* Статья касается первыхъ временъ переселенія раскольниковъ въ херсонскую губ. и тогдашней торговли.

№ 90. Письмо въ редакцію «Одесск. Вѣстника» *А. Чирковъ.* Послѣ двухъ-мѣсячной поѣздки по сѣверной части херсонской губ., авторъ сообщаетъ о древностяхъ, найденныхъ при раскопкахъ кургановъ. «...Такія самыя (каменныя издѣлія), говоритъ онъ, лежатъ у меня подъ рукою: пестъ, топорикъ съ молоткомъ и клевакъ съ топорикомъ, а у моего друга, въ имѣньи котораго (?) я въ прошедшемъ году раскопалъ 3 кургана, отыскалъ при остовахъ прекрасной работы кремневый кинжалъ и нѣсколько такихъ же трехгранныхъ стрѣлъ». Далѣе онъ перечисляетъ бронзовые предметы, добытые изъ кургана и находящіеся у него же: 3 топора особой формы (кельты?), 4 серпа, праща, конскія удила и до 500 разнообразныхъ стрѣлъ, изъ нихъ нѣкоторыя съ знаками. Въ другомъ курганѣ при скелетѣ найдены: золотыя серьги, кольца, перстни, ожерелья, разныя бусы и другія мелкія вещи. Въ третьемъ курганѣ при человѣческихъ остовахъ найдены шлемы, кольчуги, мечи, копья, сѣкиры, пращи, молотки, клеваки, стрѣлы и другіе предметы.

№ 98. Историческая замѣтка *А. Чирковъ*. О помѣстьяхъ кн. Потемкина по атласу р. Днѣпра 1786 г.

1870 г. № 4, 5, 6. Предметы археологіи въ елисаветградскомъ уѣздѣ. *А. Чирковъ*. По наблюденію автора, безчисленные курганы херсонской губ. насыпаны большею частію на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ гребней, проходящихъ между смежными балками, значительно рѣже—на отлогихъ склонахъ ихъ, и еще рѣже—на днѣ долинъ и балокъ. Изъ многократныхъ раскопокъ кургановъ онъ убѣдился, что они представляютъ могилы и кладбища древнихъ обитателей края. По словамъ его, курганы всегда расположены группами отъ 3 до 10, до 100 и болѣе штукъ вмѣстѣ, причемъ въ каждой группѣ одинъ изъ кургановъ больше и круче остальныхъ. Повсюду на горизонтѣ можно насчитать 20—100 кургановъ. Они никогда не лежатъ по прямой математически линіи. Курганы, выдающіеся по высотѣ, имѣютъ въ основаніи элиптическую форму, причемъ сѣверные склоны ихъ всегда круче остальныхъ, будучи наклонены къ горизонту подъ угломъ 30—70°, тогда какъ южные—подъ угломъ 20—35°. Наибольшіе изъ кургановъ имѣютъ 50—250 саж. въ окружности у подошвы и 3—7 саж. высоты и почти всѣ покрыты каменной бронею. Всегда почти подъ самой серединой кургана находится грунтовая четыреугольная яма, 3—4 сажень глубины, до 3 саж. длины и до 2 саж. ширины. На днѣ ея, безъ гроба, лежитъ одинъ, а иногда и болѣе человѣческихъ остововъ, лицомъ кверху, въ вытянутомъ положеніи, головой къ В.; на костяхъ бываютъ видны пятна пурпурнаго, коричневаго и др. цвѣтовъ, въ которые была окрашена одежда погребенныхъ; на шеѣ остововъ иногда находятъ золотыя, серебряныя и бронзовыя литыя, хорошей работы, ожерелья, а чаще глиняныя мозаиковыя бусы, также бусы янтарныя и нѣкоторыхъ цвѣтныхъ камней; на запястьяхъ—также золотые, серебряные и бронзовые браслеты, такого же достоинства, на пальцахъ рукъ такіе же перстни съ разноцвѣтными камнями и кольца; около ушей—серьги различныхъ формъ; находятъ также золотыя, серебряныя и бронзовыя украшенія одежды; съ боковъ остововъ находятъ остатки окислившагося желѣзнаго оружія разнаго рода, также бронзовыя стрѣлы разныхъ формъ скиѳскаго литья и трехгранныя, однообразной формы—литья греческаго; находятъ иногда разныя орудія изъ твердыхъ, не туземныхъ породъ камня, хорошей работы, кремневые и костяные ножи разныхъ формъ и стрѣлы; при остовахъ или надъ ними находятъ горшки и кувшины грубой скиѳской работы, часто попадаются амфоры и разной вели-

чины кувшины и другая глиняная посуда хорошей греческой работы,—бронзовыя удила, стремена, кольца, пряжки и другія принадлежности конской сбруи. Изрѣдка остовы встрѣчаются въ каменныхъ гробахъ, сложенныхъ изъ нетесанныхъ каменныхъ плитъ съ такою же крышкою; иногда же крышка бываетъ обтесана. Случалось находить могилы, покрытыя бревенчатымъ навѣсомъ, устроеннымъ на 4 столбикахъ, высотою въ 1 аршинъ, связанныхъ 4 перекладинами. Иногда на сажень выше нижняго погребенія встрѣчаются слѣды втораго, а иногда, еще выше—и третьяго, причемъ при верхнихъ остовахъ иногда находятъ такіе же самые предметы, какъ и при нижнихъ. На поверхности могилы насыпали курганъ изъ чистаго чернозема, который при этомъ крѣпко утрамбовывался; на извѣстной высотѣ курганъ покрывали слоемъ камней, толщиною 1—3 аршинъ, иногда привезенныхъ издалека, и потомъ снова сыпали черноземъ, доводя сооруженіе до желательной высоты. Очень часто и въ этомъ верхнемъ слоѣ, т. е., выше каменной брони, находятъ человѣческія кости, также остовы лошадей, овецъ, быковъ, телятъ, козъ, собакъ и птицъ, причемъ попадаются предметы, аналогичные съ тѣми, которые потомъ находятъ ниже. Замѣчательно, говоритъ авторъ, что почти въ каждомъ курганѣ, какой бы величины онъ ни былъ, въ верхней его части находятъ, сложенными въ кучкѣ, 10 коренныхъ конскихъ зубовъ. Иногда случалось находить—въ насыпи кургановъ и въ грунтовой ямѣ—человѣческіе остовы, лежащіе на боку, съ согнутыми ногами и руками (причемъ кисть одной руки находилась подъ нижнею частью лица), головою къ В. Случалось также находить человѣческіе остовы, лежащіе головами къ центру, а ногами по направленію радіусовъ окружности кургана. Попадались остовы, лежащіе лицомъ внизъ; наконецъ, въ эпидимическихъ и боевыхъ курганахъ находятся сотни остововъ, скученныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ, причемъ въ боевыхъ могилахъ находили желѣзныя кольчуги шлемы, пращи, желѣзныя и бронзовыя копья, сѣкиры, кистени и стрѣлы.

№ 73. Богданъ Хмѣльницкій въ русской исторіи (по поводу памятника ему, сооружаемаго въ Кіевѣ).

№ 75 и 76. Къ исторіи херсонской губ.—Рѣчь идетъ объ исторіи заселенія края при Потемкинѣ. Въ концѣ статьи напечатана записка подъ заглавіемъ «Какія приказанія были его свѣтлости оберъ-штеръ-кригсъ-комиссару Фалѣеву о строеніи въ гор. Николаевѣ и заведеніяхъ въ окружности онаго и намѣренія въ разсужденіи флота, адмиралтейства и мастеровыхъ».

1871 г. № 23. Археологическій съѣздъ въ память 25-лѣтія со времени основанія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

№ 32—35. Путешествіе Екатерины II въ Крымъ въ 1787 г. (Изъ Смоленск. Губ. Вѣд.). Конецъ статьи вычерненъ цензурою.

№ 88. Матеріалы для исторіи и статистики Херсона.

1872 г. № 51. Продолженіе: Основаніе херсонской крѣпости.— Статья продолжается въ №№ 52 (А. Чирковъ), 55, 74, 76, 79, 93, 96 и 99. Въ приложеніи напечатано описаніе зданій въ херсонской крѣпости (1808—1824).

№ 7. Сѣверное сіяніе въ Херсонѣ въ ночь на 24 января.

1873 г. № 6. Еще матеріалы для исторіи и статистики Херсона. *Авксентій Чирковъ.*

1876 г. № 15 и 19. Херсонъ. (Историческій очеркъ, составленный по поводу предстоящаго юбилея города, по даннымъ историческаго очерка А. Чиркова). Въ № 19 окончаніе статьи озаглавлено: «Основаніе Херсона».

№ 81—83. Краткій историческій очеркъ скотоводства въ херсонской губ.

1878. № 66—68, 70—73 и 78. Празднованіе 100-лѣтняго юбилея гор. Херсона.

№ 74 и 80. Привѣтственныя телеграммы и письма по случаю юбилея гор. Херсона.

№ 75. Слово въ день празднованія столѣтняго юбилея со времени основанія гор. Херсона, сказанное высокопреосвященнымъ Платономъ архіепископомъ херсонскимъ 8 сентября 1878 г.

1884 г. № 55 и 56. Происхожденіе и значеніе штунды въ жизни русскаго народа. Поученіе, сказанное преосвященнымъ Никаноромъ 15 мая 1884 г. въ херсонскомъ соборѣ (изъ Новор. Тел.).

Отчеты одесскаго общества исторіи и древностей печатались: въ 1843 г. № 10 и 11, въ 1844 г. № 9—12, въ 1847 г. № 25, въ 1848 г. № 27, въ 1849 г. № 20, въ 1850 г. № 22, въ 1851 г. № 24, 27, 28, въ 1852 г. № 26, 28, 29, въ 1853 г. № 45—47, въ 1858 № 16—18, въ 1859 № 12, 13, 15, 18. въ 1861 г. № 11, въ 1862 № 10, 11 и 15.

Протоколы засѣданій того же общества: 1843 № 9, 1847 № 46, 49, 1848 г. № 16, 25, 30, 35, 45, 1849 г. № 1, 3, 9, 16, 23, 41, 48, 1850 г. № 3, 12, 14, 18, 41, 43, 1851 г. № 1, 14, 17, 23, 29, 36, 48, 50

2. Географія.

1842 г. № 24. Днѣпровскія гирла. *М. Бухтѣевъ.*

№ 27. Нѣсколько словъ о Херсонѣ.

1843 г. № 29 и 30. Взглядъ на Азовское море.

1844 г. № 9 и 10. Взглядъ на гидрографію Россіи и въ особенности на бассейнъ днѣпровскій (изъ Полтав. Губ. Вѣд.).

№ 12 и 13. Описаніе днѣпровскихъ пороговъ въ статистическомъ и гидрографическомъ отношеніи (изъ Екатер. Губ. Вѣд.).

№ 14. Гидрографическія свѣдѣнія о судоходныхъ рѣкахъ херсонской губ. *М. Бухтѣевъ.*

№ 14. О янтарѣ, находимомъ по бассейну Днѣпра въ новороссійскомъ краѣ. (Изъ Ж. Мин. Вн. Д.)

№ 33—35. Описаніе николаевской обсерваторіи.

1846 г. № 17 и 18. Свѣдѣнія о Херсонѣ и херсонской губ. Ст. 1. Замѣчанія для издателей руководствъ по географіи.

№ 28, 31, 34, 35. Медико-топографическое описаніе Николаева. *С. Я. Пе..скій.*

1847. № 5. Бѣлая Церковь. (Изъ записокъ одного русскаго путешественника).

№ 6. О днѣпровскихъ порогахъ.

№ 5—6. Степи. (См. «Исторія»).

№ 7. Краткія замѣчанія о херсонской губ. въ медицинскомъ отношеніи.

№ 8. О состояніи погоды въ херсонской губ. въ прошломъ году.

№ 16. Объ открытыхъ въ Одессѣ и въ окрестностяхъ сего города въ 1846 г. ископаемыхъ остаткахъ допотопныхъ животныхъ. *Проф. А. Нордманъ.*

1848 г. № 10. Очаковъ. (Изъ воспоминаній чиновника).

№ 30. Нѣсколько словъ о Херсонѣ. *Мих. Косачъ.*

1849. № 1—3. Первая выставка сельскихъ произведеній въ Елисаветградѣ херсонской губ. въ 1848 г. 1) Предметы хлѣбопашества, 2) Земледѣльческія орудія, 3) Образцы табаку, 4) Предметы огородничества, 5) Пчеловодство, 6) Шелководство, 7) Скотоводство, 8) Сельскія ручныя ремесла, 9) Издѣлія изъ глины.—Списокъ лицамъ, которымъ присуждены медали, похвальные листы и денежныя преміи.

1850 г. № 1. Воспоминаніе о лебединскомъ женскомъ монастырѣ. (Изъ письма въ Херсонъ). *М. Косачъ.*

№ 2. Замѣтки о Дубоссарахъ (Изъ воспоминаній чиновника). *Мих. Косачъ.*

1852 г. № 13. Замѣтка о первыхъ «езахъ» (перевозахъ) на Днѣпрѣ. *В. Негрескулъ.*

№ 14. Изъ поздкѣи въ Каперовку (Новоивановку). *В. Воробьевъ.*

№ 23. Нѣчто о Елисаветградѣ (по поводу столѣтія). *В. Воробьевъ.* Авторъ видѣлъ въ елисаветградской крѣпости могилу С. А. Порошина, заросшую травою.

1853 г. № 32. Замѣтки на пути изъ Херсона въ Каперовку. *Ал. Афанасьевъ.*

№ 33. М. Катаржина (колонія). Границы, положеніе, устройство, историческія свѣдѣнія о колоніи, народонаселеніе (колонисты—болгары): костюмъ, тканье и окраска суконъ; земля; сельское хозяйство: хлѣбопашество, садоводство, винодѣліе.—Статья перепечатана въ № 33-мъ 1854 г.

№ 37. М. Большая Понятовка. Названіе, границы, положеніе и устройство, жители (малороссы), земля, сельское хозяй ство: хлѣбопашество, винодѣліе, шелководство, огородничество, опытъ разведенія табаку, хлопчатой бумаги, учрежденія сельско-хозяйственныя, благотворительныя.—Статья перепечатана въ 1855 г. № 20 и 22.

№ 38. Путевыя замѣтки отъ Николаева до Вознесенска. *М. Косачъ.* См. «Исторія».

1854 г. № 38, 39, 43, 44, 46—50.
1855 г. № 2 и 3.

Выставка сельскихъ произведеній для новороссійскаго края и бессарабской области, бывшая въ Херсонѣ въ 1853 г.

1860 г. № 30 и 31. Отрывокъ изъ путешествія, совершеннаго съ зоологической цѣлью въ 1858 г. по сѣверному берегу Чернаго моря и въ Крымъ. (Изъ Вѣстн. Ест. Наукъ № 23).

1864 г. № 3. Куяльницкій лиманъ.

№ 23. Взглядъ на мѣстность Херсона въ гигіеническомъ отношеніи

№ 40. Херсонъ. Краткое географическое описаніе, составленное по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ херсонскомъ статистическомъ комитетѣ. Содержаніе: положеніе, пространство, климатъ, почва, произведенія почвы, народонаселеніе и подраздѣленіе его, образованіе народонаселенія, занятія жителей, торговля внутренняя и внѣшняя, ярмарки, промышленность, фабрики и заводы, средства сообщенія, доходы и расходы города, общее обозрѣніе Херсона, краткое историческое свѣдѣніе о Херсонѣ.

1865 г. № 5, 6, 15 и 16. Климатъ херсонской губ. Содержаніе: спеціальные выводы о климатѣ: Теплота. А. Температура воздуха. 1. Средняя суточная температура воздуха. Вліяніе климата на растительность, хозяйство, на здоровье человѣка и животныхъ: а) время цвѣтенія деревьевъ въ приднѣпровскихъ садахъ (по показаніямъ крестьянъ; свѣдѣнія, доставленныя по сему предмету гг. лѣсничими, полученныя послѣ составленія этой статьи, помѣщены въ особыхъ таблицахъ), б) время опаденія листовъ, в) вліяніе климата на сельское хозяйство и время производства сельскихъ работъ. Общія заключенія о климатѣ относительно сельскаго хозяйства.

№ 8. Библіографическая замѣтка (о книгѣ Аѳанасьева-Чужбинскаго).

№ 18. Изъ дорожнаго портфеля. *Малюкъ*. Авторъ описываетъ свое путешествіе по Крыму (Балаклава, Татарка, Байдарская долина).

№ 31. Отъ Одессы до Херсона. Отрывокъ изъ письма къ редактору. *А. Скальковскій*.

№ 32, 34, 37. Отъ Херсона до Елисаветграда. *Проѣзжій*.

№ 35, 38. Днѣстръ и Маяки.

1867 г. № 22 и 29. Днѣпръ и торговля по немъ въ предѣлахъ новороссійскаго края. *Авксентій Чирковъ*

№ 61. Солончакъ въ окрестностяхъ Николаева. *И. Шмаковъ*. (Изъ Одесск. Вѣстн.).

1869 г. № 91. Топографія елисаветградскаго уѣзда *А. Чирковъ*.

1870 г. № 27—61 и 63. О рѣкахъ херсонской губ. Содержаніе: Общій очеркъ рѣкъ, таблица рѣкъ херсонской губ., рѣка Днѣстръ.

№ 50. Фарфоровая глина въ херсонской губ.

№ 52—53. Фарфоровая глина въ херсонской губ. *А. Чирковъ*.

№ 51, 54—57 и 68. Рѣки елисаветградскаго уѣзда *А. П. Чирковъ*. Рѣчь идетъ о р. Бугѣ.

1872 г. № 21, 22, 24—28, 32, 33. Рѣка Бугъ.

1874 г. № 17. Къ статистикѣ о состояніи погоды въ Херсонѣ въ 1873 г.

1875 г. № 13. Сводъ наблюденій надъ состояніемъ погоды въ Херсонѣ и его окрестностяхъ помѣсячно, за весь прошедшій 1874 г. *А. Чирковъ*.

1880 г. № 94. О землетрясеніи на югѣ Россіи.

Съ 1842 г. печатались метеорологическія наблюденія, производимыя въ херсонскомъ училищѣ торговаго мореплаванія (термо-

метръ, барометръ, гигрометръ, вѣтеръ, состояніе атмосферы,—утромъ, въ полдень и вечеромъ), съ перерывами въ 1853, 1855, 1856, 1859, 1860 и 1862 г. Впослѣдствіи печатался метеорологическій листокъ херсонскаго земскаго сельско-хозяйственнаго училища.

3. Статистика.

1839 г. № 16. Статистическое описаніе азовскаго торговаго мореплаванія. Содержаніе: мѣста постройки судовъ, строительные матеріалы, мастеровые, стоимость судовъ, достоинство судовъ, экипажи, кругъ дѣйствія мореплаванія, мѣста зимовки судовъ, вліяніе объявленія Азовскаго моря практическимъ на увеличеніе мореплаванія, сравненіе стоимости постройки судовъ въ Херсонѣ и Ростовѣ.

1842 г. № 42. Рыбный промыселъ на берегахъ днѣпровскаго и бугскаго лимановъ. *М Бухтѣевъ.*

№ 46. Торговое судостроеніе въ Херсонѣ. *М. Бухтѣевъ.*

1843 г. № 7. О числѣ купеческихъ судовъ, построенныхъ въ Херсонѣ въ послѣднее десятилѣтіе.

№ 11, 12, 17. Статистическія замѣчанія о херсонской губ.

1844 г. № 12 и 13. Описаніе днѣпровскихъ пороговъ въ статистическомъ и гидрографическомъ отношеніи. См. «Географія».

1847 г. № 5. О степени населенности херсонской губ.

№ 7. Главныя ярмарки херсонской губ.

№ 31—33. Общественное образованіе новороссійскаго и бессарабскаго края въ сороковыхъ годахъ. Глава изъ приготовляемаго къ изданію Статистич. Описанія Новор. края и Бессарабіи (Изъ Ж. М. Нар. Пр.).

1848 г. № 9. Херсонъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ. *Фонъ-Юнъ 2-й.*

№ 22, 23, 25, 26 и 29. Статистическія замѣтки о херсонской губ. за 1847 годъ.

1852 г. № 43, 44, 48 и 49. Историческая и статистическая записка о военномъ городѣ Елисаветградѣ. *Г. И. Соколовъ.* См. «Исторія».

1854 г. № 22—24 и 26. Опытъ статистическаго описанія гор. Ананьева. Заселеніе города, фабрики и заводы, земля, хлѣбопашество.

1855 г. № 24, 25, 34—36. Опытъ статистическаго описанія тираспольскаго уѣзда. С. Богуславка.

1856 г. № 21. 22. О фруктовомъ садоводствѣ въ новороссійскомъ краѣ: общій очеркъ, климатъ и почва, выборъ почвы.

1857 г. № 44, 45. Опытъ статистическаго описанія гор. Очакова (1852); время основанія города, населеніе, число родившихся, число браковъ, число умершихъ; число строеній, количество земли, принадлежащей городу, количество садовъ, принадлежащихъ городу и жителямъ, число скота, народное здравіе, ярмарки, торги и базары, купеческіе капиталы, торговля и промышленность, число ремесленниковъ, трактиры, харчевни, питейныя дома, дороги, мосты и переправы, повинности, подати, недоимки и казенные доходы, падежъ скота.

1858 г. № 35 и 36. Историческій, статистическій и этнографическій очеркъ гор. Александріи. См. «исторія» и «этнографія».

№ 37. Голая пристань и Соленое при ней озеро.

1859 г. № 7. Селеніе Новоукраинское. *Прот. Патенковъ.*

1863 г. № 28. Отчетъ о состояніи и дѣятельности херсонскаго губернскаго статистическаго комитета за 1861—1862 г.

№ 35. Отчетъ статистическаго комитета гор. Николаева за 1862 г.

1864 г. № 1, 2, 4, 5, 45, 49 и 50. Матеріалы для сельско-хозяйственнаго описанія херсонской губ.: свѣдѣнія о воздѣлываніи озимой и озимо-яровой пшеницы, о воздѣлываніи ржи, ячменя, овса, гречихи, кукурузы, дынь и арбузовъ, прядильныхъ и масличныхъ растеній; сѣнокосъ: общее раздѣленіе сѣнокосовъ, степные сѣнокосы въ особенности, травосѣяніе, травокошеніе и храненіе сѣна; пастьбище.

№ 3. Историко-статистическія замѣтки о херсонскихъ шерстомойняхъ.

№ 12. Система хозяйства въ херсонской губ. Уборка полевыхъ произведеній.

№ 12, 14 и 15. Садоводство въ херсонской губ.: главные сады въ губерніи, разводимыя породы фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ, крестьянское приднѣстровское садоводство вообще и доходъ отъ садоводства въ особенности.

№ 15, 16, 20 и 21. Овцеводство въ херсонской губ.: породы разводимыхъ овецъ, уходъ за овцами, главныя болѣзни, которымъ овцы подвержены въ степяхъ, главныя овчарни.

№ 17. Винодѣліе въ херсонской губ.: степень развитія винодѣлія: а) главные виноградники въ губерніи, б) разводимые сорты винограда, в) разведеніе виноградника, г) обрѣзка виноградныхъ кустовъ, д) разрыхленіе земли, закрытіе виноградныхъ лозъ на зиму.

№ 25. Лѣсоводство въ херсонской губ.

№ 31 и 33. Статистическія свѣдѣнія о посадѣ Новоархангельскъ херсонскаго поселенія.

№ 33. Статистическія свѣдѣнія о посадѣ Новой Прагѣ херсонскаго поселенія.

1865 г. № 26, 27 и 30. Очерки рыболовства на Днѣпрѣ и днѣпровскомъ лиманѣ.

№ 41. Торговля шерстью и херсонскія шерстомойни.

1866 г. № 4. Бѣглый взглядъ на состояніе сельскаго хозяйства въ херсонской губ. и на бывшую въ Херсонѣ выставку сельскихъ произведеній. Отдѣлъ I. Земледѣліе.

№ 12. Херсонскій каботажъ. А. Скальковскій.

1867 г. № 62 и 63. Очерки хозяйства въ херсонской губ. Содержаніе: значеніе поговорки о погодѣ для сельскаго хозяйства. Вода и лѣса, какъ двигатели, которыми сельскій хозяинъ противодѣйствуетъ врѣдному вліянію климата и почвы. Вліяніе засухъ и дождей на степное хозяйство южной Россіи. Небрежность обработки полей въ степной полосѣ. Преимущества паханія въ развалъ и раннихъ посѣвовъ предъ паханіемъ въ грудки и поздними посѣвами. Необходимость травосѣянія въ степномъ хозяйствѣ. Причины неурожаевъ въ херсонской губ. Необходимость и важность ученыхъ экспедицій для сельскихъ хозяевъ степной полосы.

№ 87. О мериносномъ овцеводствѣ въ Новороссіи и Малороссіи.

1868 г. № 33, 37—39. О производительныхъ силахъ и хлѣбной торговлѣ новороссійскаго края въ 1867 г. *А. Скальковскій.*

1869 г. № 18, 19, 21—27, 34, 36, 38, 41, 46, 47, 58, 59, 68. Статистическіе очерки елисаветградскаго уѣзда, составленные лѣтомъ 1868 г. *А Чирковъ*. Содержаніе: земли неудобныя и земли подъ дорогами, земля владѣльческая, крестьянская и церковная; сельскія школы; еще о сельскихъ школахъ; мельницы вѣтряныя, водяныя, топчаки и паровыя; фабрики и заводы; ярмарки и базары; сельскія кордегардіи, этапные пункты, постоялые дворы, питейныя заведенія; административное дѣленіе уѣзда; состояніе волостныхъ правленій; пути сообщенія; занятія и бытъ жителей; наружность жителей и ихъ наряды.

1871 г. № 4, 14, 32, 37, 39, 40, 43, 47, 50, 63. Матеріалы для статистики херсонской губ. *А. Чирковъ*.

№ 88. Матеріалы для исторіи и статистики Херсона. Статья Продолжается въ 1872 г. № 51, 52, 55, 74, 76, 79, 93, 96 и 99. См. «Исторія».

№ 90, 91, 94, 95. Рыболовство въ предѣлахъ херсонской губ. и сосѣднихъ съ нею мѣстахъ.

№ 99. Статистическіе очерки херсонской губ. Земледѣліе.

1887 г. Періодически: смертность и рождаемость въ Херсонѣ. *Гошкевича.*

4. Этнографія.

1843 г. № 21, 22, 23. Русскіе вольные матросы.

1844 г. № 1—12. О еврейскихъ праздникахъ.

№ 22—25. Евреи—караимы (изъ Вилен. Губ. В.).

1846 г. № 4, 5 и 10. О гаданіяхъ у малороссіянъ 24 и 30 ноября, во дни св. великомученицы Екатерины и св. Андрея первозваннаго. (Изъ Кіевск. Губ. Вѣд.).

№ 23. Свѣдѣнія о Херсонѣ и херсонской губ. Ст. 2. О херсонскомъ народоноселеніи (ст. 1 см. «Географія»).

1848 г. № 36. Семеновъ день.

№ 38. Осенняя родительская, или поминовеніе усопшихъ.

№ 52. Святки.

1849 г. № 6. Масляница.

№ 12. Встрѣча весны.

№ 14. Первое апрѣля.

№ 26. Петровки.

№ 31. Очеркъ земледѣльческихъ праздниковъ.

1850 г. № 5. Очеркъ образа жизни и нравовъ жителей нашего края (изъ Кіевс. Губ. Вѣд.).

№ 7. Исторія и происхожденіе нѣкоторыхъ обычаевъ

№ 17. О началѣ обыкновенія дарить другъ другу красныя яйца во дни св. Пасхи.

1851 г. № 42, 43, 45 Очерки Тирасполя и его окрестностей. *Мих. Косачъ.* Содержаніе: населеніе, промыслы, жилища, утварь, достопримѣчательности города, торговля, судоходство, ярмарки.

1852 г. № 6. Религіозно—историческое значеніе избы.

№ 12 и 17. Предразсудки херсонскаго простолюдина. *В. Д. Негрескулъ.* (Отрывокъ изъ обширной статьи, представленной въ 1850 г. въ Императорское Русское Геогр. Об.) Содержаніе: пѣтухъ, курица, аистъ, мотылекъ, голубь. Часто случается видѣть мотылька, вьющимся вокругъ свѣчки: это душа усопшаго является къ роднымъ въ видѣ мотылька просить пищи, которая заключается въ милостынѣ нищимъ: родные стараются успокоить ее, раздавъ милостыню и отслуживъ панихиду.

№ 20, 21 и 30. Замѣтки объ особенностяхъ языка въ Херсонѣ и его окрестностяхъ. *В. Негрескулъ.*

№ 36. Программа для собиранія образцовъ народнаго языка и словесности, составленная 2 отдѣленіемъ Академіи Наукъ.

№ 47. Прогулка на Потемкинъ островъ. См. «Исторія».

1853 г. № 9. Извѣстія о городищѣ (при впаденіи балки Тягинки въ Днѣпръ). *Федоровъ*. По преданію, здѣсь жила турская царица, богатая и красивая; запорожцы произвели набѣгъ и намѣревались выкупать ее въ дегтѣ и обсыпать перьями, но одинъ молодой козакъ обманомъ освободилъ ее.

№ 33. М. Катаржина (колонія). См. «Географія».

№ 37. М. Большая Понятовка. См. «Географія».

1858 г. № 35 и 36. Историческій, статистическій и этнографическій очеркъ гор. Александріи.—Александрія дѣлится на куткп: изъ нихъ Бойковый названъ по имени осадчаго Бойка, а Богатырскій получилъ свое имя отъ богатыря, т. е. богача мѣщанина Скалозуба, очень вліятельнаго въ своей средѣ. Изъ пословицъ, приводимыхъ въ статьѣ, отмѣтимъ слѣдующія: якъ змелышъ, такъ и поисы; хто кислици поивъ, а на мене оскома напала; шило въ мѣшку не сховается; не все те перейматы, що по води плыве; жинка сало проковтнула, та на кота перевернула; у жинки волосъ довгый, та умъ короткій; не вирь ни коню въ полп, ни жинци въ волп.—Изъ загадокъ: ой за лисомъ за пролисомъ балалайка плаще (языкъ).—Одинъ старикъ, довольно умный и опытный, давалъ дѣтямъ слѣдующее наставленіе: «Богу молитесь, старшому корытесь, батька и матирь поважайте, церкови святой не забувайте, бидному помогайте и ридъ не обижайте, не крадьте, гирко дбайте, на все добро промышляйте, не мотайте, видъ лыхого утикайте, колы можно,—погуляйте, а объ тымъ, що вмыраты треба, дуже цупко памятайте». См. «Исторія» и «Статистика».

1864 г. № 3. Приглашеніе къ сотрудничеству по составленію сборника пословицъ. *М. Номисъ*.

№ 4. Городище на Потемкинскомъ островѣ. *С.* См. «Исторія».

№ 33—39 и 42. Изслѣдованіе жителей херсонской губ. въ физическомъ, нравственномъ и гражданскомъ отношеніи (изъ Статист. описанія херсонской губ. А. Шмидта).

1865 г. № 6. Свадебные обряды у шведовъ колонистовъ. *М—къ*. Статья составлена по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ смотрителя колоніи г. Чернявскаго.

1867 г. № 47—52, 54—57. Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

1868 г. № 3. Народные обычаи. 1) Отношеніе сельскаго населенія къ шинкарямъ евреямъ, 2) Бытъ селянина.—Статья написана въ отвѣтъ на приведенную программу волостнымъ учителемъ *Ив. Титаренко*.

№ 8 и 9. Народный бытъ. С. Мариновка (ананьевск. у.) и ея окрестности. Волостной писарь *П. Рудковскій*.

1869 г. № 18, 19, 21—27, 34, 36, 38, 41, 46, 47, 58, 59, 68. Статистическіе очерки елисаветградскаго у., составленные лѣтомъ 1868 г. *А. Чирковъ*. Въ «Очеркахъ» есть и этнографическій матеріалъ. Содержаніе см. въ отдѣлѣ. «Статистика».

1870 г. № 12 и 13. Программа для указанія особенностей мѣстныхъ говоровъ южно-русской рѣчи.

1871 г. № 81—83. Описаніе рыболовныхъ орудій и способа ихъ употребленія на Днѣпрѣ, Бугѣ и днѣпровско-бугскомъ лиманѣ. 1) Невода, 2) сѣти плавныя, 3) ставныя сѣти и снасти, 4) крючки, 5) сандольи, 6) коты, 7) гребли и хватки.

1873 г. № 45—47. Изъ путевыхъ замѣтокъ по херсонской губ. Содержаніе: населеніе: малороссы, великороссы православные и старовѣры, молдаване, нѣмцы и евреи колонисты, природа и занятія населенія.

В. Ястребовъ.

Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшія въ 1891 г. [1]).

Альбомъ видовъ Георгіевскаго балаклавскаго монастыря въ Крыму (близъ Севастополя). Изд. по случаю празднованія 1000-лѣтняго (891—1891) юбилея монастыря. Спб. 2 д. 2 стр. текста+13 снимковъ.

Боцяновскій Вл. Публичная библіотека въ Житомирѣ. (По поводу ея 25-лѣтія). Оттискъ изъ ж. «Кіевск. Стар.». К. 1891. 8 д. 30 стр.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб. 1891. 8 д. 276 стр.+2 портр. Ц. 2 р. 50 к.

Врангель Ф. Ф. баронъ. Черноморская глубомѣрная экспедиція 1890 года. (Перепеч. изъ Изв. Имп. русск. геогр. общ.). Спб. 8 д. 20 стр.

Гордѣенко Е. С. проф. Историческій обзоръ дѣятельности харьковскихъ земскихъ учрежденій. Вып. I. Хар. 1891. 8 д. 96 стр.

Грушевскій М. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до к. XIV ст. К. 1891. 8 д. XVI+520 стр. +1 карта. Ц. 2 р. 75 к.

Д. К. М. Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Отт. изъ ж. «Кіевская Стар.» К. 1891. 8 д. 10 стр.

Западно-русскій мѣсяцесловъ на 1892 г. Вильно. 1891. 8 д. 56 стр.

Колмаковъ Н. М. Очерки и воспоминанія. Съ 1816 г. Отт. изъ «Рус. Стар.» Спб. 1891. 8 д. 92 стр.

Колоскы. Збирныкъ казокъ та оповиданнивъ. Од. 1891. 16 д. 114+II стр.

Котляревскій И. П. Наталка-Полтавка. Малор. опера въ 2 д. Спб. 1891. 16 д. 48 стр. Ц. 7 к.

Кубанскій сборникъ. Труды кубанск. обл. стат. ком., изд. подъ редакц. Е. Д. Фелицына. Т. II. Екатеринодаръ. 1891 г. 8 д. 42+VI+60+207+27+166+53+21+35 стр.

Кубанская справочная книжка 1891 г. Сост. Е. Д. Фелицынъ. Изданіе кубанск. обл. стат. ком. Екатеринодаръ. 1891. 8 д. XXIV + 191 + XIII + 629+XVI+126 стр.

Къ 50-лѣтнему юбилею общества кіевскихъ врачей. К. 1891 г. 8 д. LXXIV стр.

Л'Коротъ бне Израилъ бе-Кіевъ (Къ исторіи евреевъ въ Кіевѣ). Кіевъ. 1891. 8 д. 45 стр.

Марковичъ Д. В. Омелько каторжникъ. Два платочка. На «Вовчомъ хуторѣ». Три разсказа. М. 1891. 16 д. 36 стр.

Медицинскій отчетъ по зміевскому уѣзду. Харьковъ. 1891. 8 д. 67 стр.

Монтрезоръ В. Обозрѣніе растеній, входящихъ въ составъ флоры губерній кіевск. учебн. округа: кіевск., подол., волынск., черниг. и полтавской. Вып. V. К. 1891. 8 д. Стр. 419—508.

Моравскій С. Ѳедоръ Лисовскій. (1709—1722). Очеркъ изъ внутр. ист. Малороссіи въ 1 пол. XVIII стол. Отт. изъ ж. «Кіевская Старина». К. 1891. 8 д. 63 стр.

Николаевскій календарь и справочная книга на 1892 г. Николаевъ. 8 д. 104 стр. Ц. 10 к.

Отчетъ асѣевской низшей сельско-хозяйственной школы 2 разряда зміевскаго земства за 1890 г. Хар. 1891. 8 д. 114 стр.

Отчетъ одесскаго общественнаго еврейскаго народнаго, съ ремесленнымъ отдѣленіемъ, училища за 1889—90 уч. годъ. Од. 1891. 8 д. 40 стр.

Отчетъ по одесскому техническому училищу при юго-западной ж. д. за 1890—91 уч. г. Од. 1891 8 д. 21 стр.

Подолія. Историч. описаніе. Съ Высочайшаго соизволенія изд. при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 1 хромол., 2 фотот., 46 грав. и 2 картами. Спб. 1891. 8 д. XXXI+264+99 стр.

Richter A. Geschichte der Evang.-Lutherischen Gemeinde zu Simferopol 1812—1891. Festschrift zum 50-jährigen Jubiläum der Kirche. Спб. 1891. 8 д. 39 стр.

Рогова О. И. Сынъ гетмана. Ист. пов. Съ рис. Спб. 8 д. 288 стр.

Русскія древности въ помятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. 4. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева. Съ 168 рис. въ текстѣ. Спб. 1891. 8 д. 176 стр.

Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów sławiańskich. Wydany pod red. B. Chlebowskiego i W. Walewskiego według planu F. Sulimierskiego i z pomocą zgromadzonych przez niego materiałów. Zeszyt 131. Tom XI. Варшава. 1891. 4 д. Стр. 801—880.

— То же. Zeszyt 132. T. XI. Варшава. 1891. 4 д. Стр. 913—960.

Солнцевъ И. П. д ръ. Послѣдніе дни высокопреосвященнаго митрополита кіевск. и галицк. Платона. К. 1891. 16 д. 29 стр.

Фабриціусъ В. Кіевскій календарь на 1892 г. К. 1891. 8 д. 226 стр. Ц. 25 к.

Хрущовъ И. Богомольцы у святынь Кіева. Старый Кіевъ. Изд. 3-е. Спб. 8 д. 39 стр.

Чайченко В. Середъ крыжаного моря. Оповиданя. Од. 1891. 8 д. 76 стр. Ц. 15 к.

Турцевичъ Ар. Хрестоматія по исторіи зап. Россіи. Учебн. пособіе для учен. старш. клас. ср. уч. зав. Вильно. 1892. 8 д. XII+776 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Шеболдаевъ В. Очеркъ дѣятельности хирургическаго отдѣленія черниговской губ. земск. больницы за 1890 г. Изд. ред. «Земск. сборн. черн. губ.» Черниговъ. 8 д. 89 стр.

Шугуровъ Н. В. Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени. Отт. изъ ж. «Кіев. Стар.» К. 1891. 8 д. 73 стр.

Ѳирсовъ Н. Н. Содержаніе и характеристика галицко-волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку. (Пробн. лекція). Казань 1891. 8 д. 14 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXVI, 1892 г. Январь, Февраль и Мартъ.

	стр.
ОТЪ РЕДАКЦІИ.	I—IV
I. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. (Посвящается памяти А. А. Потебни). **Проф. Н. Ѳ. Сумцова.** 1—10, 206—225 . . .	409—423
II. ПРОТОІЕРЕЙ АЛЕКСѢЙ АНДРІЕВСКІЙ. (Эпизодъ 1789 г). **Проф. В. Б. Антоновича**	11—22
III. О ЯЗЫКѢ И ПОЭТИЧЕСКОМЪ СТИЛѢ НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМЪ. **П. И. Житецкаго**.	23—60
IV. РАСКОПКИ НА КНЯЖЕЙ ГОРѢ ВЪ 1891 Г. **Ник. Ѳ. Бѣляшевскаго** (*съ двумя таблицами снимковъ*)	61—104
V. КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ДУМЪ. (По поводу статьи г. Равиты о думахъ). **А. І. Степовича**	105—109
VI. ГЕТМАНЪ МАЗЕПА И ОСТЕРСКІЯ ОБЩІЯ ЗЕМЛИ. (Изъ исторіи землевладѣнія въ лѣво-бережной Украинѣ). **Проф. И. В. Лучицкаго**.	110—118
VII. «МАЛОРУССКІЯ СУЕВѢРІЯ, КОИМЪ МАЛО КТО ВѢРИЛЪ, СОБРАННЫЯ 1776 Г.». (Рукопись А И. Чепы). **Н. В. Стороженка**	119—130
IX. СТРАНСТВУЮЩІЕ ШКОЛЬНИКИ ВЪ СТАРИННОЙ МАЛОРОССІИ. **П. И. Житецкаго**	189—205
X. МАЛОРОССІЯ ПО РАЗСКАЗАМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ КОНЦА ПРОШЛАГО И НАЧАЛА НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ. **Л. Д. Синицкаго**	226—259

стр.

XI. БАРСКАЯ ОКОЛИЧНАЯ ШЛЯХТА ДО к. XVIII В. Этнографическій очеркъ. **М. С. Грушевскаго** . . . . . 260—277

XII. КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО. **Б. С. Познанскаго.** 278—294, 439—457

XIII. ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕР. ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ ВЪ 1787 ГОДУ. **Г. В. Есипова** . . . 295—306, 458—477

XIV. ПОМИНКИ ПО А. А. ВОСТОКОВѢ. **И. М. Каманина** . . . 307—311

XV. ПАМЯТИ КН. В Н. РЕПНИНОЙ. **Н. С.** . . . . . 312—313

XVI. ТЕОРБАНИСТЫ ГРЕГОРЪ, КАЭТАНЪ И ФРАНЦЪ ВИДОРТЫ. **А. А. Русова.** . . . . . 336—380

XVII. О ТОРБАНѢ И МУЗЫКѢ ПѢСЕНЪ ВИДОРТА *(съ нотами)* **Н. В. Лысенка.** . . . . . 381—387

XVIII. МАЛОРУССКІЯ ВИРШИ НРАВОУЧИТЕЛЬНАГО СОДЕРЖАНІЯ. **П. И. Житецкаго** . . . . . 388—408

XIX. ВОЗСОЕДИНЕНІЕ УНІАТОВЪ ВЪ М. РАТНОМЪ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1838 г. **Ѳ. Кудринскаго** . . . . 409—438

XX. ПАРАЛЛЕЛИ КЪ ПОВѢСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ВІЙ». **Проф. Н. Ѳ. Сумцова.** . . . . . 472—477

XXI. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи славянофильства на Руси. б) Письмо Ив. Носа къ прилуцкому полковнику Дм. Горленку о свадьбѣ его сына. **В. Г.** в) Замѣчательный универсалъ гетмана Мазепы. **А. Стороженка.** г) Старинное поученіе переяславскому семинаристу при вступленіи его въ Кіевскую академію. **А. Стороженка.** д) Уніатская колядка. Сообщ. **Хр. Ящуржинскій.** е) Распоряженіе генералъ-губернатора Глѣбова по случаю проѣзда турецкаго посланника черезъ г. Кіевъ (1764 г.) **А. А.** ж) Рукописныя замѣтки на поляхъ книги «Миръ человѣка съ Богомъ» Иннокентія Гизеля, кіевской печати 1669 г. **Н. П.** з) Къ вопросу о научномъ изданіи «Кобзаря» Т. Г. Шевченка. **В. Науменка.** и) Письмо Ив. С. Тургенева къ А. Д. Оболонскому по поводу выкупа родичей Т. Г. Шевченка изъ крѣпостной зависимости. **В. Н—ка.** і) Письмо Т. Г. Шевченка къ А. Д. Оболонскому. **В. Н—ка.** к) Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ Е. Б. Піуновой (Шмидгофъ). **В. Н—ка.** л) Къ помѣщаемымъ двумъ рисункамъ Т. Г. Шевченка. м) Воспоминанія о по-

стр.

койномъ А. А. Потебнѣ. н) Выставка картинъ кіевскихъ художниковъ. **Z.** о) Письмо В. Ганки къ министру народн. просв. гр. Уварову. **А. С—ча.** п) Къ исторіи г. Кіева и его окрестностей въ XV—XVII вв. **А. Стороженка.** р) Изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. **Н. В. Стороженка.** с) Листъ Тимоѳея Цыцюры. Сообщ. **В. Сторожевъ.** т) Необходимыя поправки. **Н. Ѳ. Сумцова.** у) Къ біографическому матеріалу объ А. А. Котляревскомъ. **А. Степовича.** ф) Южнорусскій громникъ. **Мирона.** х) Памятники старины въ селѣ Субботовѣ. **В. П.** ц) Переписка кіевскаго генералъ-губернатора М. И. Леонтьева по поводу назначенія ему жалованья (1743 г.). Сообщ. **А. Андр.** ч) Народныя пѣсни про мужей пьяницъ. Сообщилъ **Хр. Ящуржинскій.** ш) Забытый уголокъ Приворсклія. **А. Т.** щ) Изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. **Н. В. Стороженка.** ъ) Современное дѣло о знахарствѣ. Сообщ. **М. Давнаръ-Запольскій.** ы) Къ статьѣ г. Боцяновскаго о Житомирской публичной библіотекѣ. **Арк. Лященка.** 131—154, 314—349. . . . . 478—503

XXI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Графъ И. Толстой и Н. Кондаковъ.— Русскія древности въ памятникахъ искусства. В. четвертый. **В. Щербины.** б) Ал. С. Фаминцынъ. Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа: балалайка, кобза, бандура, торбанъ, гитара. **А. Степовича.** в) Коваленко «О народной медицинѣ въ переяславскомъ уѣздѣ, полтавской губ. въ «Этнографич. Обозрѣніи» 1891, IX, 141—150. г) Řegoř, Lidova lečba u haličskych Malorusů въ Časopis Musea českeho 1891 г. LXV, ч. 2, стр. 281—297. **Н. С.** д) Письма Вас. Ив. Туманскаго и его неизданныя стихотворенія. **Z.** е) Обзоръ замѣчательнѣйшихъ древностей воронежской губ. Л. Б. Вейнберга. **Арк. Л—нка.** ж) Bibliografia litewska od 1547 do 1701, przedstawił Maurycy Stankiewicz. **Арк. Л—нко.** з) Обозрѣніе журналовъ. и) Этнографическое Обозрѣніе 1891 г. книги VIII, IX и X. **Я. Ш.** і) Откликъ въ пользу голодающихъ. **А. Марковича.** к) Щербановская волость елисаветградскаго уѣзда херсонской губ. **В. Ястребова.** л) Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ саратовской губерніи. **Арк. Л — нко.** м) В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ. Опытъ словаря псевдонимовъ

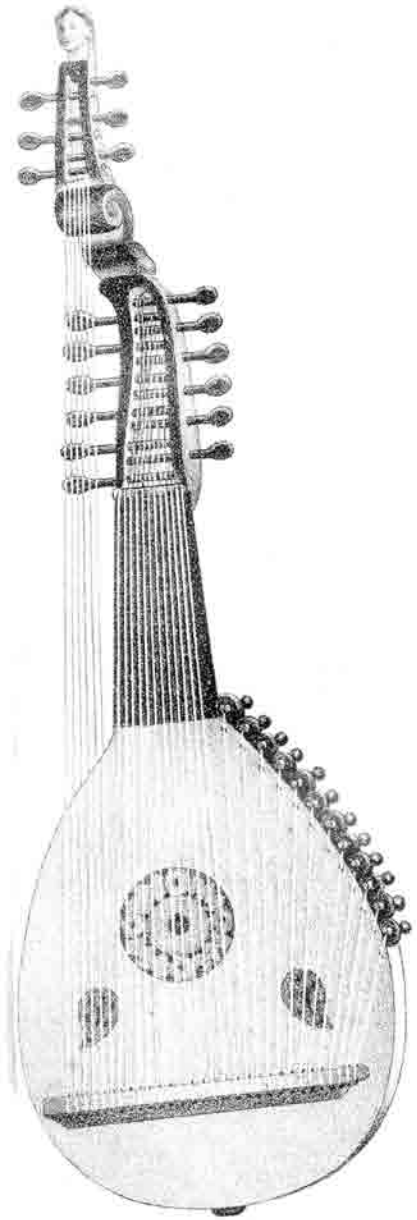
стр.

русскихъ писателей. **Арк. Л—нко**. n) В. Е. Постниковъ. Южно-русское крестьянское хозяйство. **А. Русова**. o) Бернардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году. **И. Каманина**. n) Сборникъ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ IX. **Р.** p) **А. Г. Брикнеръ**. — Потемкинъ. — Съ 2 портретами. **Z.** c) Опытъ изслѣдованія украинскихъ крестьянскихъ ярмарокъ. **Р.** т) Херсонскія Губернскія Вѣдомости 1839 — 1888 г. **В. Ястребова**. y) Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшія въ концѣ 1890 и въ 1891 г. 155—188, 350—364, 504—536

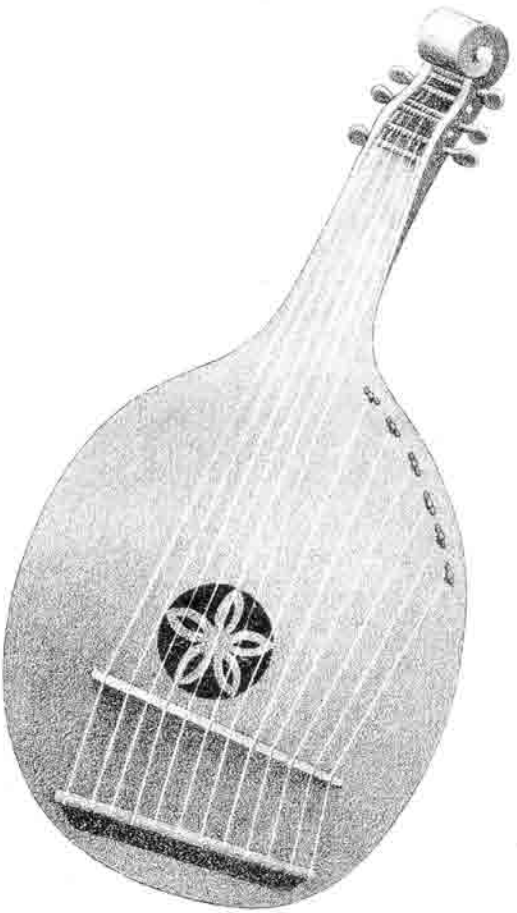
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Александра Аѳанасьевича Потебни.
2) Портретъ Тараса Григорьевича Шевченка.
3) Хата Шевченка въ с. Кириловкѣ.
4) Изображеніе торбана и кобзы.
5) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко

Хата Шевченка въ с. Кириловкѣ.



ТО́РБАНЪ.



КОБЗА.

Лит. Г. Т. КОРЧАКЪ-НОВИЦКАГО, Кіевъ.

1868 г. № 3. Народные обычаи. 1) Отношеніе сельскаго населенія къ шинкарямъ евреямъ, 2) Бытъ селянина.—Статья написана въ отвѣтъ на приведенную программу волостнымъ учителемъ *Ив. Титаренко*.

№ 8 и 9. Народный бытъ. С. Мариновка (ананьевск. у.) и ея окрестности. Волостной писарь *П. Рудковскій*.

1869 г. № 18, 19, 21—27, 34, 36, 38, 41, 46, 47, 58, 59, 68. Статистическіе очерки елисаветградскаго у., составленные лѣтомъ 1868 г. *А. Чирковъ*. Въ «Очеркахъ» есть и этнографическій матеріалъ. Содержаніе см. въ отдѣлѣ. «Статистика».

1870 г. № 12 и 13. Программа для указанія особенностей мѣстныхъ говоровъ южно-русской рѣчи.

1871 г. № 81—83. Описаніе рыболовныхъ орудій и способа ихъ употребленія на Днѣпрѣ, Бугѣ и днѣпровско-бугскомъ лиманѣ. 1) Невода, 2) сѣти плавныя, 3) ставныя сѣти и снасти, 4) крючки, 5) сандолья, 6) коты, 7) гребли и хватки.

1873 г. № 45—47. Изъ путевыхъ замѣтокъ по херсонской губ. Содержаніе: населеніе: малороссы, великороссы православные и старовѣры, молдаване, нѣмцы и евреи колонисты, природа и занятія населенія.

В. Ястребовъ.

Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшія въ 1891 г. [1]).

Альбомъ видовъ Георгіевскаго балаклавскаго монастыря въ Крыму (близъ Севастополя). Изд. по случаю празднованія 1000-лѣтняго (891—1891) юбилея монастыря. Спб. 2 д. 2 стр. текста+13 снимковъ.

Боцяновскій Вл. Публичная библіотека въ Житомирѣ. (По поводу ея 25-лѣтія). Оттискъ изъ ж. «Кіевск. Стар.». К. 1891. 8 д. 30 стр.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб. 1891. 8 д. 276 стр.+2 портр. Ц. 2 р. 50 к.

Врангель Ф. Ф. баронъ. Черноморская глубомѣрная экспедиція 1890 года. (Перепеч. изъ Изв. Имп. русск. геогр. общ.). Спб. 8 д. 20 стр.

Гордѣенко Е. С. проф. Историческій обзоръ дѣятельности харьковскихъ земскихъ учрежденій. Вып. I. Хар. 1891. 8 д. 96 стр.

Грушевскій М. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до к. XIV ст. К. 1891. 8 д. XVI+520 стр. +1 карта. Ц. 2 р. 75 к.

Д. К. М. Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Отт. изъ ж. «Кіевская Стар.» К. 1891. 8 д. 10 стр.

---

[1]) Свѣдѣнія заимствованы изъ №№ 227—283 „Правител. Вѣстн.“ за 1891 г.

Западно-русскій мѣсяцесловъ на 1892 г. Вильно. 1891. 8 д. 56 стр.

Колмаковъ Н. М. Очерки и воспоминанія. Съ 1816 г. Отт. изъ «Рус. Стар.» Спб. 1891. 8 д. 92 стр.

Колоскы. Збирныкъ казокъ та оповиданнивъ. Од. 1891. 16 д. 114+II стр.

Котляревскій И. П. Наталка-Полтавка. Малор. опера въ 2 д. Спб. 1891. 16 д. 48 стр. Ц. 7 к.

Кубанскій сборникъ. Труды кубанск. обл. стат. ком., изд. подъ редакц. Е. Д. Фелицына. Т. II. Екатеринодаръ. 1891 г. 8 д. 42+VI+60+207+27+166+53+21+35 стр.

Кубанская справочная книжка 1891 г. Сост. Е. Д. Фелицынъ. Изданіе кубанск. обл. стат. ком. Екатеринодаръ. 1891. 8 д. XXIV + 191 + XIII + 629+XVI+126 стр.

Къ 50-лѣтнему юбилею общества кіевскихъ врачей. К. 1891 г. 8 д. LXXIV стр.

Л'Коротъ бне Израилъ бе-Кіевъ (Къ исторіи евреевъ въ Кіевѣ). Кіевъ. 1891. 8 д. 45 стр.

Марковичъ Д. В. Омелько каторжникъ. Два платочка. На «Вовчомъ хуторѣ». Три разсказа. М. 1891. 16 д. 36 стр.

Медицинскій отчетъ по зміевскому уѣзду. Харьковъ. 1891. 8 д. 67 стр.

Монтрезоръ В. Обозрѣніе растеній, входящихъ въ составъ флоры губерній кіевск. учебн. округа: кіевск., подол., волынск., черниг. и полтавской. Вып. V. К. 1891. 8 д. Стр. 419—508.

Моравскій С. Ѳедоръ Лисовскій. (1709—1722). Очеркъ изъ внутр. ист. Малороссіи въ 1 пол. XVIII стол. Отт. изъ ж. «Кіевская Старина». К. 1891. 8 д. 63 стр.

Николаевскій календарь и справочная книга на 1892 г. Николаевъ. 8 д. 104 стр. Ц. 10 к.

Отчетъ асѣевской низшей сельско-хозяйственной школы 2 разряда зміевскаго земства за 1890 г. Хар. 1891. 8 д. 114 стр.

Отчетъ одесскаго общественнаго еврейскаго народнаго, съ ремесленнымъ отдѣленіемъ, училища за 1889—90 уч. годъ. Од. 1891. 8 д. 40 стр.

Отчетъ по одесскому техническому училищу при юго-западной ж. д. за 1890—91 уч. г. Од. 1891 8 д. 21 стр.

Подолія. Историч. описаніе. Съ Высочайшаго соизволенія изд. при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 1 хромол., 2 фотот., 46 грав. и 2 картами. Спб. 1891. 8 д. XXXI+264+99 стр.

Richter A. Geschichte der Evang.-Lutherischen Gemeinde zu Simferopol 1812—1891. Festschrift zum 50-jährigen Jubiläum der Kirche. Спб. 1891. 8 д. 39 стр.

Рогова О. И. Сынъ гетмана. Ист. пов. Съ рис. Спб. 8 д. 288 стр.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. 4. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева. Съ 168 рис. въ текстѣ. Спб. 1891. 8 д. 176 стр.

Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów sławiańskich. Wydany pod red. B. Chlebowskiego i W. Walewskiego według planu F. Sulimierskiego i z pomocą zgromadzonych przez niego materiałów. Zeszyt 131. Tom XI. Варшава. 1891. 4 д. Стр. 801—880.

— То же. Zeszyt 132. T. XI. Варшава. 1891. 4 д. Стр. 913—960.

Солнцевъ И. П. д рь. Послѣдніе дни высокопреосвященнаго митрополита кіевск. и галицк. Платона. К. 1891. 16 д. 29 стр.

Фабриціусъ В. Кіевскій календарь на 1892 г. К. 1891. 8 д. 226 стр. Ц. 25 к.

Хрущовъ И. Богомольцы у святынь Кіева. Старый Кіевъ. Изд. 3-е. Спб. 8 д. 39 стр.

Чайченко В. Середъ крыжаного моря. Оповидання. Од. 1891. 8 д. 76 стр. Ц. 15 к.

Турцевичъ Ар. Хрестоматія по исторіи зап. Россіи. Учебн. пособіе для учен. старш. клас. ср. уч. зав. Вильно. 1892. 8 д. XII+776 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Шеболдаевъ В. Очеркъ дѣятельности хирургическаго отдѣленія черниговской губ. земск. больницы за 1890 г. Изд. ред. «Земск. сборн. черн. губ.» Черниговъ. 8 д. 89 стр.

Шугуровъ Н. В. Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени. Отт. изъ ж. «Кіев. Стар.» К. 1891. 8 д. 73 стр.

Ѳирсовъ Н. Н. Содержаніе и характеристика галицко-волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку. (Пробн. лекція). Казань 1891. 8 д. 14 стр.

ленъ зосталъ въ Глуховъ, зъ писмами вчора написанними, да еще въ добавку и зъ доношеніемъ въ вой. енер. канцеллярію о томъ, чтобъ обстоятельно ко мнѣ написали о жителяхъ монастира, которихъ въ реестръ козацкій принять бы, ибо не означено нѣ сотнѣ, нѣ села где они живутъ, въ томъ листѣ правителскомъ. Якову Дубровѣ, отправленному въ Глуховъ, далемъ наказъ въ 5 пунктахъ. Романъ молодикъ пріехалъ зъ Лубенъ, которому завтрійшего дня велѣлемъ возокъ зъ тютюномъ моимъ провадить до Селецкого, въ якомъ каменей 45, и папушъ 35, и, припровадивши, вручилъ би возъ и листъ къ нему писанній, зъ 4 рублями на проездъ, въ томъ же листѣ запечатанними. До его жъ Селецкого, довѣдавшись отъ отца Федора лучанского, же якоби рушилъ зъ Токаровъ въ дорогу, послалемъ сторожа лубенского, жеби остоялся а подождалъ воза моего. Указомъ імпер. велич. предложилемъ п.п. Билиму и Дяченку правленіе полковое содержати, до моего повороту, а самъ позно уже виехалемъ зъ Ромна къ Ахтирцѣ, до Гадячого трактомъ и, не едучи простою дорогою до Липового, заблудилисмо по проводнику Івану Ющенку до футора сотниковой роменской, и хучай оттуду поехалисмо были къ его футору Івановому, однакъ, округъ сотничій футоръ обехавши, знову къ оному приблудились, потому что дороги не було и серенъ великій палъ, а тамъ въ томъ же футорѣ мусѣлисмо заночовати.

30. Рано поехавши оттуду, тако жъ блудили по степу, поколь около обѣдной години приблудилися до Липового, где пообѣдалисмо. Хлопецъ Вѣжевскій признался, же у футорѣ сотнички роменской, где ночовалисмо, запомнѣвъ шапки моей армянской зъ рожками баранковой, которую вишукать молодикови Івана Ющенка, отправленному отсюду, приказали. Пріехалисмо на ночъ въ Гадячъ и кватиру въ дворѣ удови Кушевской, въ городѣ, имѣлисмо. Мартинъ Штишевскій, суддя и наказ. полков. гадяцкій, бувъ у насъ, которій зъ розговору сказалъ, что отъ трави лихой на степу, до Сулаку лежачомъ, найдуючойся, ратовать конѣ и бидло оною заразившееся — медомъ патокою зъ горчицею змѣшавши и зливши въ горло коневи или скотинѣ.

31. Рано зъ Гадяча поехавши, переехалисмо черезъ Веприкъ и пріехали на обѣдъ до села Комишовъ, до замку Гадяцкого належачого, о полуднѣ, и тутъ обѣдалисмо, куда отъ Гадяча будетъ миль близъ чотирохъ. А прежде въ Гадячу почтара роменского отправилемъ въ Роменъ, зъ трома листами до родителки, самой и правителей полковихъ; въ первомъ, виразилемъ вѣдомость, отъ п. Мартина завзятую, о порушенню близъ десяти недель, отъ Сулаку родителскомъ учинившомся; въ второмъ, о Селецкомъ, жеби повторне ему предложила сама сподарить реестръ лѣкарствъ данній ему и если оставатимутся гроши, купилъ би каруну и полкаруну штукъ по двѣ, и Романъ би слуга вози воловіе споражалъ, и предложила би до Якова Дуброви, чтобъ ехалъ въ Глуховъ; а въ третемъ, до правителей, чтобъ колодниковъ дѣла розисковали зъ сотниками цѣлими и наказними, мѣючими на сей часъ пріѣхать въ Роменъ и оніе децедовали би зъ артикуловъ правнихъ; такъ же писали бы въ Лубнѣ о присланню целовалниковъ, а въ Лукомле о присилкѣ щетчика Лаврѣна Кодинца, а въ протчіе сотнѣ — о зборщикахъ, сторожахъ полевихъ, пушкахъ, ценѣ всякой пашнѣ и сѣна и еще о чомъ вѣденія не прислани откуду. А такъ по отправленню кушаня въ селѣ Комишахъ, пріехалисмо на ночъ до селця Злодѣевки, полковника ахтирского п. Лесевицкого, поздно барзо, куда отъ Комишовъ милъ будетъ зъ три добрихъ, и тутъ ночовалисмо въ дому полковничомъ, где слуга его Румнѣцкій принялъ насъ, которій сказалъ, что духовникъ государевъ отецъ Тимофѣй [1]) вчора зъ Тростянця поехалъ въ Москву и что Василь Кондратіевъ сумскій похороненъ въ Сумахъ.

КОНЕЦЪ ПРОТОКОЛУ [2]).

---

[1]) Тимофей Васильевичъ Надаржинскій, въ монашествѣ Товій. См. нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія и его портретъ — въ „Молодикѣ“ на 1844 г. (Спб., 1844).

[2]) Этимъ оканчивается первый томъ рукописи дневника, въ которомъ находится 75 полулистовъ (150 стр.), изъ которыхъ три (20, 21 и 75) — чистые. Въ этомъ томѣ недостаетъ нѣсколькихъ полулистовъ въ срединѣ рукописи, о чемъ сказано въ текстѣ. Рукопись переплетена въ кожу, на которой, по обѣимъ сторонамъ, по краямъ, вытѣсненъ бордюръ.

Протоколъ на 1725 рокъ.

Януарій 1. Пятокъ. Рано поехавши, пріехалисмо рано жъ до Ахтирки и, рано жъ, князю Михайлу Михайловичу Голѣцину кланялся, у которого засталемъ генерала маіора Роппа, полковника Псковского полку Лоренца и Нарвского полку Димитрія Федоровича Яропкина и многихъ; и обѣдалисмо у князя и до вечора позно забавились зъ шумомъ. Яковъ Василіевичъ и Коваль сторожъ пріехали въ Ахтирку отъ родителя, зъ Царицина, зъ писмомъ ко мнѣ родителскимъ, что прибули въ Царицинъ 15 декабря, а оттуду сюда рушили 18 декабря жъ. Отъ брата п. Семена листъ поданъ же, въ которомъ пишетъ, что люде мои 4 возами едутъ сюда, а хочай и болшъ десяти лошадей купили были, однакъ разсуждаючи трудность дороги нинѣшной, мѣли подлѣйшіе продать. Пили за здорове князя Голштинского, которому цесаревна Анна Петровна въ малженство послюблена, але еще не било малженства. Извѣстилемся, что въ Гилянъ съ полковъ Слободскихъ наряжено козаковъ 1000, а коммендиромъ надъ ними пойдетъ полковникъ харковскій Квѣтка.

2. Субота. Яковъ Василченко отправленъ въ Роменъ зъ Ковалемъ сторожомъ, черезъ которого писалемъ до родителки зъ поздравленіемъ оборотомъ родителскимъ, до ясневельможной — о томъ же и до правителей полковихъ — о присланню ко мнѣ сторожъ двохъ. Музиканти княжіи были у мене, которимъ 5 зол. далемъ. Бувъ рано у князя, а оттуду у Яропкинихъ, а оттуду въ церквѣ; и знову у князя, и кушалъ у его столу, и очинъ шумни были. Яропкинъ сказовалъ, что Монсъ, бывшій при государинѣ імператрицѣ камергеръ, за нѣкоторое свое преступленіе, казненъ плахою.

3. Неделя. Рано бувъ у п. Матвѣя Федоровича Боярского, суддѣ полкового ахтирского, и тамъ же видѣлся зъ атютантомъ княжимъ Петромъ Григор. Баскаковимъ и о Гилянѣ розговаривали. Его жъ Баскакова да секретаря Василія Бѣрулева обослалемъ водкою и проч., за любовъ пріятелскую. Часовъ послухавши у церкви ст. Георгія, въ господѣ кушалисмо. По обѣдѣ, поехалисмо зъ Ах-

тирки и пріехали, по заходѣ слонца, въ село замку гадяцкого Комишѣ и тутъ ночовалисмо, где дзигарикъ свой розбиралемъ и направилемъ мало.

4. Понеделокъ. Рано вставши, горѣлку паленую пили и поехали къ Веприку, куда будетъ миль 2 добрихъ, и тамъ перекусивши мало, пріехалисмо до Гадяча, у милю едну. Сторожъ лубенскій Охрѣмъ да Дмитра Постулниченка человѣкъ пріехали зъ Ромна, которихъ отправилемъ до родителя зъ писмами и брата п. Семена, въ которихъ привѣтъ виразилемъ, а особливе цедулою до родителя: о указѣ бунчуковимъ, въ походъ до Гилянѣ предлагаючомъ, о моей въ Ахтирцѣ битности писалемъ и на дорогу имъ 3 зол. далемъ и зъ подорожною. Пообѣдавши тамъ, позно уже, и поехавши оттуду, пріехали на ночъ въ Липовое село, въ 26 верстахъ отстоящое, и тутъ ночовали. Бутурлимъ хоружій (въ компанѣи при мнѣ бывшій зъ Яковомъ судденкомъ, Андрѣемъ молодимъ Зарудним, Іваномъ Ющенкомъ) въ розговорѣ своемъ сказалъ мнѣ, что Калюжновскій футоръ, доставшійся намъ — самой Калюжной батковщина, а не Калюжненковъ отца, которіи и неповинни Калюжненками зватися, бо ихъ отецъ запорожецъ, родомъ зъ Нѣжина, отъ старого Калюжного матки ихъ отца принятъ зосталъ, которому и дочь свою, а ихъ матку, Калюжновну въ малженство далъ.

5. Вовторникъ. При всходѣ слонца, рушивши зъ Липового, пріехалемъ, передъ полуднемъ двома годинами, въ Роменъ, отстоячій оттуду въ 30 верстахъ. Жена моя листи зъ Глухова, писанніе ко мнѣ и безъ мене принесеніе, вручила: 1) отъ ясневелможной—отвѣтній, повѣншователній; 2) отъ Троцкого канцеляристи, о его домовомъ інтересѣ и о посланномъ реестрѣ за рукою гетманскою бунчуковихъ; зъ войсковой енеральной канцелляріи въ колегію малороссійскую, а зъ Лубенъ отъ Петра Кулябки листъ зъ прошеніемъ на актъ веселній сина его зъ дочерю п. Турковского господара гадяцкого, мѣючій чинитися януар. 8. Писаръ Петрановскій, пріѣшовши, обявилъ укази, присланніе сюда на імя мое: 1) зъ колегіи о індуктѣ, закупленной прежними індукторами, Петромъ Тарнаіотомъ зъ товарищи, за прежную суму около 100000 зол., 2) зъ канцел-

ляріи енер. о учрежденіи кого зъ значковихъ, албо полковихъ особъ, въ Гилянъ коммендиромъ и чтобъ сотникъ лубенскій бувъ готовъ про запасъ; 3) о присланію щетчика; 4) о присилкѣ зборщиковъ. Посиланній до Андрѣяша и Кулябки Якима повернулся и карту отъ Якима привезлъ, а отъ Андріяша не взялъ, бо не далъ. Шапку зимнюю рисюю покрилъ мнѣ Авраамъ кушнѣръ. Казалемъ старшинѣ Дмитра Постулника наказать за непослушенство, же самъ не ездучи, зъ лубенскимъ сторожемъ своего футорного вислалъ. У лазнѣ милемся по вечерѣ, где и кошулю новую родителка дала. Листъ отъ Орановского о козакахъ сухоносовскихъ и перервинскихъ полученъ.

6. Середа. Крещеніе. До п. Федора и до п. судійной писма отправилемъ въ Прилуку, въ которихъ о зближеннюся родителскомъ писалемъ. Григорій Манжосъ далъ доношеніе въ полковую канцелярію, что Андріяшъ росписки не далъ зъ такимъ предложеннемъ, же мѣлъ до князя Голѣцина Михайла Михайловича ехать. Шапку рисюю принюсъ Авраамъ, зробивши.

7. Четвер. До лубенского сотника и до Худолѣя писалемъ о пріуготовленнюся имъ въ походъ до Гиляни. Получилемъ листъ отъ п. сотника глуховского о присланню сказки: почему владѣю Сварковомъ и того жъ часу отписалемъ и сказку послалемъ. Золотаръ, зъ пари шоръ зорвавши бляшки, взялъ переробить, а всей мосіенджи изъ шматками у его фунт. 2. Лаврѣнъ Кодинецъ, посиланній въ Глуховъ, въ щетчики, не принятъ, того ради что за нимъ доношеніе било въ канцелярію, а не въ коллегію и того ради отправленъ въ домъ зъ указомъ до лукомской старшини, жебы доношеніе въ колегію поручное за нимъ дано. Зборщики чорнускіе два, а еденъ чигириндубровскій непринятіе въ Глуховѣ. Указъ до всей старшини о індуктѣ закупленной посланъ въ сотнѣ. Адамъ повернулся зъ Криму и привюзъ всего товару: сафяну 30 бунтовъ, заполочи 20 окъ, вина простого и мусулесу по кухвѣ. Намѣрилемъ былъ ехать въ Глуховъ, але надѣючись скорого пріезду родителского, оставилемъ тую дорогу.

8. Пятокъ. До родителя виправленни Воротелякъ, Іванъ Ющенко, Федко Глинній и Пархомъ, атаманъ жовнинскій, и черезъ

нихъ писалемъ до родителя, а родителка сани ликгомѣни розныхъ вькупѣжъ послала. Писалемъ въ Глуховъ до ясневелможной о моей въ Ахтирцѣ бытности и до правителей, п. сотника глуховского и Троцкого, о наданню мнѣ курѣнчиковъ сух(оносовскихъ) и перер(винскихъ) [1]).

Петрановскому казалемъ пописать укази въ Чорнухи и Чигириндуброву о присланню грамотнихъ въ зборщики. Віехалемъ зъ Ромна рано и пріехалемъ до футорця Березового озера, где молодий дрикганчукъ буланострокатій зчѣлгановатѣвъ(?) барзо. Оттуду поехавши, прибули въ Куцупѣевщину, где коней брата п. Андрѣя стрижаковъ и третяковъ на станѣ 32 стоить, а тамъ же воловъ моихъ самъ пересмотрѣлемъ 18, зъ которихъ двохъ велми худихъ казалемъ взять на брагу, а такъ всѣхъ воловъ останется 16. Оттуду поехавши, прибули въ Андрѣевку, где горѣлки 10 куфъ, а одинадцятая неповна, дванадцятая дана шинкарцѣ Лавринисѣ по отездѣ родителки. Тамъ же конѣ мои тарани перемѣнилемъ буланими родителскими, которими пріехавши въ Токарѣ, старосту пяного засталемъ, а горѣлки въ коморѣ 2 куфи. Перемѣнивши тамъ коней, але взявши въ помочъ пару буланихъ, пріехалемъ позно въ Луку, где засталемъ Никиту Плетюнку, войта моего сварковского, и Романа лисого, которіи и писмо дали мнѣ отъ Якова Дубровы, въ якомъ пишетъ, что на мѣсто Плетюнки учинилъ войтомъ Пантелеймона Забару; такъ же и о тютюну ознаймуетъ, же въ Калюжномъ половину шнуровъ, тоесть 1200, повязалъ тютюникъ въ папушѣ, и надѣючись около 200 каменей, а меншая половина, то есть 1000 шнуровъ, неповязани. Въ Тулиголовахъ казановъ ужо мѣло устроитись 11, а дванадцятий не обискался; и о томъ пишетъ, что вдова Максимиха, сварковская подданая наша, зъ поддантства перейшла до козака. Плетюнка далъ реестръ мнѣ, въ которомъ означенни пахарѣ сварковскіе: одни двосошніе зубажаліе велми, а другіе односушніе, мѣючіеся добре; именно двосушніе: Федоръ

[1]) Можно понимать, что Марковичъ выпросилъ у Голицына, въ Ахтыркѣ, козаковъ сухоносовскихъ и перервинскихъ себѣ въ „куренчики“.

Заика, Васко Муравей, Василь Король, итого чловѣка 3, а односошніе: Андрѣй Дмитренко, невѣстка его, Евхимъ Овручено зъ братами, Яковъ Василченко, Іванъ Пугавченко, Артемъ Ларченко, Степанъ Швецъ, Самуйло Сохаченко, итого 8 чловѣка.

9. Суббота. Рано въ Луцѣ дрикгантовъ своихъ легчанихъ трохъ осмотрувалемъ, гнѣдого, вороностроката и бѣлого, которіе середніе сити показались. Буланенкихъ приблудъ двохъ носатихъ осмотрувалемъ, зъ которихъ одинъ вихожуватись показался. Опанасъ, бувшій староста, зъ женою були у мене и вимѣрались отъ нанесенного на ихъ пороку. Рибу, у криницѣ задихаючуюся, ловили и цеберъ привезли при мнѣ. Пообѣдавши тамъ рано, пріехалемъ въ Сухоносовку о полудню и при мнѣ Плетюнка. У винницѣ былемъ, где на 3 казани горѣлка робится, а на четвертій не починалася. Горѣлки виробили, по сказцѣ Орановского, 24 кадки, а кадка квартъ вѣдерковихъ 50, и зъ тоей горѣлки роздано на шинкъ 21: въ Лубнѣ, Лохвицю и Перервинцѣ по кухвѣ, а тутъ на лице кухва 1 горѣлки болшая. Тютюну осмотрувалемъ, которій барзо хорошій показался, а всего 3000 зъ чимсь пацушъ. Отъ Черняховского писмо мнѣ врученно, въ которомъ обявляетъ, что полковникъ Шереметевъ, по указу колежскомъ, не хочетъ половинних взимать раціоновъ и порціоновъ, да въ томъ же листѣ онъ же, Черняховскій, проситъ опредѣленія себѣ двохъ или трохъ чловѣка, на послугу. У вечернѣ булисмо, которую отспѣвалисмо за попа запившогося. Подданая наша, которой синъ затратилъ грошей Орановского 109 зол., просила респекту, въ чомъ ей отказано.

10. Неделя. Отецъ намѣстникъ Красногорскій и старшина чорнуская были у мене зъ обсилками. Бондаренки козаки приходили ко мнѣ за тимъ, что велено имъ готовитись въ походъ, а отъ нихъ братъ молодшій посланъ въ походъ низовій. Звѣраку атаманомъ чорнускимъ устроилемъ. Старшинѣ чорнуской говорилемъ, жебы по моемъ отездѣ, зъехали въ Сухоносовку и тутъ бы приговорили о млину, що край церкви, сколко за годъ прибилѣ надѣятись и тое бы отъ мене давано на церковъ, а млинкомъ владѣти мнѣ. Попъ отецъ Якимъ давалъ мнѣ суплѣку, писанную до отца

протопопи пѣратинского, въ якой громада проситъ его о тое, чтобъ поповъ синъ въ діакони посвятился. Той же старшинѣ говорилемъ, если отецъ протопопъ пѣратинскій не учинитъ мнѣ справедливости зъ отца Якима, задолжившогося мнѣ, то жебы они, зехавши въ село, учинили разсмотреніе и писмомъ росправили. Орановскому казалемъ зъ Перервинецъ въ позику взять зъ ями 150 четвериковъ жита лѣкомъ. Плетюнку старостою въ Сухоносовцѣ устроилемъ и емужъ шинки лохвицкій, лубенскій, сухоносовский и перервинскій, и футоръ Криворудскій вручилемъ. Казалемъ Алексѣйцеви 6 коней подлихъ до двора сухоносовского зъ стада вилучить для поездки старостѣ и для дворовихъ потребы. Далемъ наказъ въ 11 пунктахъ Орановскому и листъ до отца протопопи пѣратин. о дѣлѣ нашемъ зъ отцемъ Якимомъ, а Алексѣйцеви наказъ въ 6 пунктахъ, и передъ вечоромъ виехалемъ зъ Сухоносовки. Пріехавши въ Лохвицю, былъ въ шинку своемъ, где шинкаръ сказовалъ, что по порахунку Романа остался онъ за давній напитокъ виноватъ 64 зол., а вновъ взялъ горѣлки кухву у 80 зол., и меду кухву у 30 зол., и барило меду жъ по вимѣру. Поехавши оттуду, пріехалемъ позно въ Луку, где Тарасъ наказанъ кіемъ, за тое что оставался въ Пузникахъ, а насъ не здоганялъ. Ходилемъ у винницю, где винника вдарилемъ за тое, что самъ спать люгъ, а водка паровала. Отецъ Федоръ приходилъ и горѣлки пробовали, ажъ худа.

11. Понеделокъ. Конѣ, бывшіе дрикганти, гнѣдого и вороностроката поставили межъ панскими конми. Чернецъ зъ Красногорского монастирця, за кухвою горѣлки, обѣщанною отъ родителки, туда пріехалъ, которому оному видать казалемъ. Отецъ Федоръ лучанскій подарилъ мнѣ дуба болшъ двохъ саженъ должиною, которого казалемъ послать въ Сухоносовку старостѣ, на трубницю. Віехалемъ рано зъ Луки къ Андрѣевцѣ, а на дорозѣ отецъ Федоръ споткавши, доносилъ о нѣкоторомъ безчиніи, въ селѣ проявившомся. Пріехалемъ въ Андреевку, куда потомъ и родителка пріехала, и обѣдалисмо. Отъ Гамалѣйки старой Михайловой былъ листъ просителній на актъ веселній, мѣючій въ дому ихъ чинитись, внуцѣ

ей, а дочерѣ п. Івана Гамалѣи [1]), сотника лохвицкого, зъ Елисеемъ Зарудним узюмскимъ, январ. 29. Просилемъ у родителки жита до винницѣ сухоносовской и обѣщала хочъ зъ Журавки, хочъ зъ Савинецъ видать. Казалемъ войту и дворнику Федору винайти берестъ на трубницю до Сухоносовки. Передъ вечоромъ поехалемъ оттуду и пріехалемъ, осмой год. зъ полудня, въ Роменъ, где дякови и господареви приказалемъ де що зъ родителскихъ інтересовъ. Обявила жена моя, же въ скринцѣ родителской, викиненой зъ свѣтлицѣ въ сѣнцѣ, знайшли грошей 70 зол., старихъ копѣекъ. Писмо отъ старости шабалиновского подано мнѣ, въ которомъ пишетъ о посланнихъ сюда трубницяхъ двохъ и двохъ кадкахъ. Отъ п. Федора прилуцкого, другое, о его отездѣ въ Глуховъ и таковимъ далъ вѣдать ему и панеи его, когда родитель въ домъ повернется и прибудетъ.

12. Вовторокъ. Писаръ Петрановскій приносилъ 3 укази, безъ бытности моей сюда зъ коллегіи принесенніе: 1) о спусканню овецъ зъ сими баранами; 2) о присланню вѣдомости въ коллегію о селѣтрѣ, почему продается; 3) объ откупѣ ловлѣ рибной въ Обмачевѣ. Сторожъ чорнускій посланъ въ Глуховъ зъ доношеніемъ въ колегію о селѣтрѣ. Зъ листомъ до отца протопопи глуховского объ Орановскомъ и зъ другимъ листомъ до Василя господара о домашнихъ інтересахъ. Гаврило мой молодикъ, пасинокъ атаманскій и сторожъ глинскій, отъ родителя зъ Богучаровъ отправленніе, пріехали зъ листами; онъ же Гаврило говорилъ: 1) что коней купили мои люде 14, а 3 вози идетъ; 2) что за горѣлку первую взяли грошей 7 (?); 3) онъ, особливо, за 4 барилѣ взялъ 134 рублѣ; 4) за тютюнъ взяли 1000 зол., а въ Астраханѣ продали 30 каменей по полъ 7 зол; 5) покупки, родзѣнки, микъдали, рижу 8 каменей, баранковъ 20, шовку простого 20, а кренцоного 5 фунтовъ;

---

[1]) Вдова генер. есаула Михайла Андреевича Гамалѣи, который получилъ отъ Мазепы, въ 1694 г., сс. Безсалы и Ивахники, въ 1708 г.—с. Позники и отъ Скоропадскаго въ мартѣ 1709 г.—с. Вел. Пески. За участіе въ Мазепиномъ дѣлѣ Мих—лъ Г—лѣя жилъ въ Москвѣ, въ ссылкѣ, до 1715 г. Онъ живъ былъ еще въ 1723 году.

6) въ Астрахани моего тютюну оставилъ 1000 папушъ; 7) за горѣлку Якова прислали гроши Федоръ, а себѣ купивши, запровадили въ Сулакъ. Онъ же Гаврило посланъ до родителки зъ листами родителскимъ и моимъ, черезъ которого и о житѣ писалемъ, просячи оного до Сухоносовки. Посланъ указъ до Звѣраки о бытіи ему при правленіи атаманскомъ въ Чорнухахъ. Посланъ указъ до Гузенка, жебы зъехалъ до Самойловича за роспискою — значковий ли онъ или бунчуковий и буде бунчуковий, то жебы бувъ готовъ въ походъ. Такъ же и до Цися указъ—готовитись ему въ Гилянъ. До сенецкого сотника о присланю сюда Джикгиля съ росписками отъ значковихъ о поготовости въ Гилянъ. Сторожеви глинскому, зъ походу прійшовшому, далемъ сукна тузѣнку локоть 5, за тое що Вѣжевского хлопця зловилъ въ осени, въ Прилуцѣ, и привюзъ въ Глуховъ. Черезъ его жъ отправилемъ писма: 1, до Петра Зарудного и Василя сотника наказного, о прибытіи ихъ сюда, а 3, до Федора Зарудного и писара глинского о зъѣханню ихъ въ село Луку ради слѣдованія о безчинiи проявившомся. Лютню взялемъ и настроилемъ и, впервое, игралемъ. Вѣрши дочкамъ своимъ на привѣтъ родителскій сочинилемъ.

13. Середа. П. Василь глинскій пріехалъ и привюлъ коня воронего мнѣ, у Горуновича за 60 зол. купленного, а ему отъ мене приходится зол. 25; и Зарудний пріехалъ. Іеромонахъ Авимелехъ зъ гори Синайской бувъ у мене и обѣдалъ. Зъ канцел. енер. 3 укази принесени: два о присланню зборщиковъ таковихъ, якъ указъ требуетъ, а третій о приняттю мужиковъ нѣкоторихъ въ козаки въ Бодаквѣ, по изслѣдованію прапорщика Волжина. Зъ Сенчѣ доношеній 2 прислано: 1) о индуктѣ, а 2) о ценѣ пашнѣ. Гаврило повернулся зъ Луки и сказалъ, что родителка жита 100 четверти зъ Журавки видать обѣщала приказать до Сухоносовки. Попъ левченскій зъ суплѣкою явился на сотника наказ. роменского. Шевця Лисого наказалемъ и робить черевики зъ сафяну далемъ. Вѣрши Олесѣ на привѣтъ родителскій написани. П. судіина глинская була и просила на весѣлле дочерѣ своей, мѣючее 17 сего генваря отправоватисъ зъ синомъ Панченка прилуцкого.

14. Четверъ. Родитель мой пріехалъ въ Роменъ, въ ночѣ, год. зъ полночи около другой. Родителка пріехала зъ Луки, передъ службою, въ Роменъ. Молебенъ благодарственній бувъ и зъ пушечнимъ поздравленіемъ. Укази послани 2: одинъ въ пѣратинскую, а другій въ лохвицкую сотнѣ, о перемѣнѣ непринятихъ зборщиковъ и отсилцѣ въ Глуховъ. Писалемъ листъ до правителей о зборщикахъ неписменнихъ и зъ церковниковъ, что оніе въ недостатку другихъ избираются. Пробавили день и вечеръ зъ шумомъ пянственнимъ. Подводи въ Глуховъ отправлени 3, между которими отсюду пошло монхъ 4 воли, а зъ ними и Леско кухаръ, да на тихъ подводахъ два станки каретки и спалнѣ, меду прѣсного кухва, орѣховъ бочка, мѣди фунт. 20 и олова столко жъ, а велено имъ на Камень ехать для забранія оттуду переда спалнѣ. П. Семенъ братъ ночовалъ зъ нами.

15. Пятокъ. Архимандритъ гори Синайской Авимелехъ обѣдалъ. Зъ сотнѣ чигириндубровской доношенія о інтерессахъ сотенних принесени, такъ же и зъ сотнѣ чорнуской. Булисмо у вечеру у п. Несторовича зъ братомъ п. Семеномъ, Зарудним и Василемъ глинскимъ, которій бардакъ персидскій даровалъ мнѣ. Романъ поѣхалъ въ Сухоносовку росквѣтоватись въ шинкахъ зъ Плетюнкою, которому всѣ шинки поручени. Червоного своего и еще щось Романъ и Мартинъ придали Ілкови важничому на покупку тютюну.

16. Субота. Гаврило собою данніе п. Семену денги, за 4 барилѣ водки 134 р., отобралъ и отдалъ намъ; зъ тихъ грошей послалемъ черезъ Романа до Сухоносовки 100 зол., зъ которихъ винявши 10 зол., казалемъ купить овса для коней, на Засуллю стоячихъ, зъ тихъ же грошей заплатилемъ п. Василю глинскому 25 зол., за коня вороного. Зъ тихъ же грошей Антонови, отеждающому въ Кіевъ, по братовъ, далемъ 40 зол., на покупку минеи общой, тріодѣ постной и вина полинкового. Гаврило и Демянъ принесли отъ пана Семена грошей 8 мѣшечковъ и 4 р. П. Семенъ подарилъ мнѣ рися, а ему табакеръ золотую. Указъ зъ колегіи объ откупѣ перевозовъ чернѣговскихъ озеръ и проч. прине-

сенъ. Леонтій Янковскій зъ двома посполитими отправлени въ Глуховъ, до колегіи, на опредѣленіе ихъ къ магазейну. Гузенко повернулъся зъ Лохвицѣ и привюзъ отъ Самойловича писмо, и росписку отъ Цися, а за роспискою отъ Самойловича знову ехать ему предложено. Сторожъ чорнускій пріехалъ зъ Глухова зъ отвѣтомъ отца протопопи глуховского, что чарторійского попа дочеръ отдана замужъ. П. Андрѣй братъ пріехалъ въ Роменъ. Писалемъ до Орановского о прибытіи его сюда. П. Семенъ братъ говорилъ, что хоружій Корсунъ виноватъ намъ грошей 44 р. Казѣмиръ отправленъ въ Глуховъ зъ листами, черезъ которого писалемъ до господара о рознихъ інтерессахъ.

17. Неделя. Архимандритъ Авимелехъ воду святилъ и крестъ показовалъ, въ которомъ сказовалъ часть животворящаго древа и мощи на обоихъ сторонахъ ст. мучен. Пантелеймона, да ст. апостола Варфоломея. Яковъ Дуброва повернулся зъ Глухова и реестра господарей глуховского и тулиголовского и ключницкіе привезлъ зъ собою. Обѣдали много число людей зъ старшинами до шуму. Зъ Савѣцкимъ писаремъ поссорился. До п. Нестеровича ходилисмо.

18. Понеделокъ. Ілкови далемъ грошей еще на покупку тютюну и табаки 190 зол. Мартинъ купилъ 2 вѣдерки меду по 9 зол., на що и на иншіе потребы дано ему жъ грошей зол. 50. Орановскій пріехалъ и зъ нимъ Плетюнка. Указъ объ откупѣ въ Чернѣговѣ перевоза и протчихъ зборовъ публѣкованъ.

19. Вовторокъ. Орановскій зъ Яковомъ Дубровою грошей въ насъ взяли 100 рублей и зъ нихъ вилѣчивши дали 100 таляръ церковнихъ, а 200 зол. войту должнихъ отъ мене. Микита Плетюнка въ Глуховъ отпущенъ и ему бъ тамъ болшъ тижня не бавитись, о чомъ къ господару писано. Отецъ протопопъ Савѣцкій бувъ у мене и говорилъ о Орановскомъ и дочерѣ отца Іоанна намѣстника. Сотникъ олишевскій и наказ. полков. нѣжинскій зъ хоружимъ полковимъ нѣжинскимъ же, бывшіе въ Сулацѣ, обѣдали и отехали. У вечеру Комаровскій зъ Коленскимъ и Джулаемъ смѣшніе строили жарти. Зъ Глухова отъ Столповского писмо принесено и приложенній трактатъ мирний шахового посла Ісмаилъ Бѣка и

минѣстровъ его імператорского величества. Указъ зъ канцелляріи присланъ о нарадѣ значковихъ зъ бунчуковими, вмѣсто радовихъ козаковъ, въ Гилянъ. П. Андрѣевая братовая пріехала въ Роменъ. Гаврило въ допросѣ своемъ сказалъ мнѣ: 1, что Федоръ да Демянъ въ Сулацѣ продавали горѣлки вѣдерко по 6 рублей; 2, зъ горѣлки, собою припроваженной въ Астраханъ, возилъ опъ въ Сулакъ барилъ 4 и въ нихъ вѣдерокъ роменскихъ 22; 3, да съ тей же горѣлки продали они, насипавши куфу, короткую бажану (?) у полъ 14, албо полъ 15 вѣдерка.

20. Середа. Золотаръ приносилъ трость и срѣбро оправу, которое заважило 8 лот. Кійлянъ данъ золотареви для позлоти, а на оній и на трость данъ червоній. Родитель черезъ мене Петрановскому далъ гроней зол. 50. Петрановскій да Орановскій зъ мѣшечка денегъ моихъ вилѣчивши 474 зол., отдали сотникови наказному Данилови Савускову, якіе опъ у Смоленска, 721 году привюзши, стратилъ на мою потребу, и въ томъ мене квѣтовалъ. Хлопцеви далемъ на росходи 10 зол. П. Василь·глинскій пріехалъ зъ звароиъ родиннимъ, что родилась дочь ему Татіяна 18 числа. Повернулись подводи зъ Глухова, возившіе туда меду бочку, мѣдь и олово. Увѣдомилисмося, что сира 4 кухви, а масла 10 фасокъ моего на Засуллю есть. У лазнѣ милисмося. Мартинъ штабу желѣза далъ ковалямъ робить завѣси до дверей, до будинку сварковекого. Іванъ конюшій родителскій веселле свое зъ Малашкою сего вечора началъ имѣти. Указъ зъ канцелляріи принесенъ о присилцѣ зборщиковъ писменнихъ. Доношеніе отъ старшини лубенской принесено, что Лаврентій Кодинецъ посланъ въ Глуховъ въ щетчики. Гузенко повернулся зъ роспискою Самойловича, что онъ готовъ будетъ въ Гилянъ.

21. Четверъ. 200 руб. денегъ далемъ атаману роменскому на купленне воловъ, якіе денги пѣратинскій писаръ Семенъ Петрановскій да слуга мой Демянъ въ дому его лѣчили и отдали. 100 р. зъ собою до Глухова взялемъ денегъ, а еще 4 осталось. Родитель подарилъ куницъ 21 нечиненихъ. Веселле брачное Івану конюшому отправилося въ дому родителскомъ. Сотникъ и атаманъ лубенскіе,

и лукомскій сотникъ и протчіе попріездили. Отъ родителя унѣверсали пописани о содержаніи овецъ и походѣ значковихъ до Гиляни. Комисари полковіе Черняховскій и Христичъ пріехали въ Роменъ и презентовали мнѣ указъ, зъ колегіи къ нимъ отправленній, чтобъ сношеніе имѣли они зъ комисарами полку гадяцкого въ расположеніи драгунскихъ полковъ, дабы оное было равномѣрно. Трость, оправивши, принесъ золотаръ.

22. Пятокъ. Родитель и при немъ я, брати п. Андрѣй и п. Семенъ и п. Нестеровичъ виехали зъ Ромна рано, передъ свѣтомъ, а правленіе полковое поручено п. есаулѣ Семену, черезъ Петрановского. Пріехали на обѣдъ въ Смѣлое, куда и Казѣмиръ, посиланній въ Глуховъ, зъ листами отъ родителя, повернулся зъ писмомъ отвѣтнимъ ясневелможной. Братъ п. Андрѣй зъ Смѣлого отпущенъ назадъ въ Роменъ, черезъ котораго писалемъ до родителки и жени своей объ Орановскомъ, дабы его одружить хочъ за дочъ отца Іоанна, хочъ за Гапку, свойственную нашу. Якову Дубровѣ далемъ пункта, почому Федора допросить. Пріѣхали оттуду передъ вечоромъ у Корсаковъ футоръ и тамъ съ полчаса забавивши, на ночъ пріехалисмо до Козацкой и тамъ до всходу мѣсяца опочили, а поехавши знову оттуду, пріехалисмо передъ свѣтомъ у Камень.

23. Субота. Рано поснѣдалемъ зъ братомъ п. Семеномъ и п. Несторовичомъ. По снѣданню скоро свѣтать стало; зъ благословеніемъ, взятимъ отъ родителя, поехалемъ и пріѣхалемъ до Тулиголовъ, где засталемъ у імбарѣ въ 7 кухвахъ великихъ 80 зъ лишкомъ горѣлки, у винницѣ на 11 казановъ стала горѣлка робитися, а винникъ Сова майстеръ, которій после Козѣ сталъ робить у винницѣ сего 16 януар. Свиней у сажу 25 обрѣтается. У винницѣ на кадку горѣлки 4 коробки жита, 1 овса, а одна солоду житного; а зъ четверти молотого борошна 4 коробки виходитъ; зъ четверика глуховской мѣри виходитъ 3 носатки и коробка молотого борошна остается, а зъ четверика жита, на солодъ зробленного, придавши овса полъ 2 четверти, виходитъ коробокъ 20, а иногда 21. Поехавши оттуду, пріехалемъ въ Глуховъ у вечеру,

куда потомъ и родитель пріехалъ. Застalисмо въ дому швакгровъ обоихъ, Горковского и п. Антонову.

24. Неделя. Рано булисмо у господина брегадира, которій сказовалъ намъ зъ вѣдомостей заморскихъ отъ Амстердама, что въ портѣ Либавскомъ появилась риба чрезвичайной величини, которая по одному потоку рѣки заплила у верхъ и, за убувшою водою, осталася на песку; а она въ долготу 24 аршина 6 вершковъ, самая болшая толщина 12 аршинъ, висота 3 аршина и 10 вершковъ, хвостъ кончится двома хвостами, а разстояніе одного отъ другого 4 аршина, пространство ея рота 16 аршинъ и полъ, зубовъ въ ей числомъ 495, въ должину 2 аршина 10 вершковъ, переднѣе зуби ея 1 аршинъ и полъ, у верхней части въ носѣ щетина длиною въ перстъ, очи въ ей 9 дуймовъ, то есть четверть аршина съ полвершкомъ, а разстояніемъ одно отъ другого въ 3 аршина, въ 10 вершковъ зъ полвершкомъ. По службѣ у п. сотника билисмо и тамъ по чарцѣ водки випивши, заехали до прокурора, где и обѣдалисмо. Поехавши оттуду, на ліоду зъехалисмося съ ясневелможною, п. Федоромъ п. Кондзеровскимъ, ехавшими зъ Гамалѣевки, зъ которими, въ дворъ заехавши, просидѣли доволно. Укази зъ канцеллярiи енер. дани мнѣ 4: 1) о присланню нѣкоторихъ зборщиковъ, 2) пункта въ доношеніи інструкцѣи обервалтмейстерской о нерубаніи лесовъ заповѣдныхъ, 3) о подозрѣніи на судей, 4) о посулахъ служителямъ.

25. Понеделокъ. Демяна допрашовалемъ о послушаніи его, и отвѣтъ его прописалемъ. Троцкій и Столповскій були у мене. Отецъ протопопъ зъ попами были у родителя. Шкляра зъ войтомъ сварковскимъ послалемъ въ Сварковъ. Былисмо въ церквѣ ст. Апастасии, а потомъ обѣдалисмо у ясневелможной. Поехавши оттуду, билисмо у брегадира и просидѣли долго. П. Федоръ зо мною ночовалъ и п. Семеномъ братомъ.

26. Вовторокъ. Тарнавскій рано приходилъ. Були рано у Кошелева и тамъ родитель листъ записалъ на себе за лошадей пару безъ данихъ (?) его Кошелевихъ въ продажу, за 28 рублей пущенихъ. Обѣдалисмо у ясневелможной, где и ігуменія Карачевского

монастира и компанея приехавши, обѣдали. У вечеру булисмо въ Сухарева и тамъ просидѣли. Листъ отъ Столповского зъ Ярославця получилемъ зъ цедулою etc. Гаврило зъ ключникомъ были въ склену и вина зо всякого антала по 2 бутилки взяли.

27. Середа. Отецъ протопопъ глуховскій бувъ у мене и розговорували объ Орановскомъ. Реестровъ чили наказовъ господарскихъ пересмотрувалемъ и 17 речій начиталемъ неисполненнихъ. Зъ Ромна припроважени, на 3 подводахъ воловихъ, сира куховъ 4 и масла дѣжокъ 4. На мѣстѣ рукавички суконніе купилемъ за 2 зол. и 5 копѣекъ. Обѣдалисмо у ясневелможной, где и пожекгналисмо. По обѣдѣ заехали до брегадира, где посидѣли долго и простились. До Хрипунова Лаврентія заехали, куда и Бурковскій потомъ пріехалъ и до куреня моего въ походѣ просилъся. Пріездилъ Стаховичъ просить до Кошелева въ лоти играть Заруцкая и Голубиха були у родителя у вечеру. Родитель сталъ ускаржатись на ноги опухліе и боль въ нихъ. Указовъ 3 зъ канцелляріи енер. принесено ко мнѣ, на мое имя: 1) о присилцѣ радовихъ козаковъ въ Глуховъ, нараженнихъ до Гилянѣ, для смотру, 2) о взятіи росписокъ у бунчуковихъ о пріездѣ ихъ въ Глуховъ, тожъ для смотру, въ февр. 10 числѣ, 3) о непринятію бѣглихъ крестянъ и где бы появились они, взяттю онихъ за караули. Коленскому казалемъ отписать до старости овдоколского, писавшого ко мнѣ зъ требованіемъ наставленія о бѣглихъ крестянахъ нѣкоторого смоленского шляхтича, познавшого онихъ въ Овдоколлю, зачимъ согласно указови къ нему отписано, что самъ долженъ тую трудность отбувать. На горѣ бувъ, где казалемъ Гаврилови взять пергамѣнъ, вовни, кунтушъ легкій и прочая.

28. Четверъ. Імператорское величество Петръ Алексѣевичъ. по дѣлахъ, великій преставился, а манѣфестъ о немъ февр. 18 вираженъ, а преставился противъ сего числа, рано зъ полночѣ, 6 години 20 мѣнути. П. Минѣцкій, бувши у мене, далъ карту до своего чоловѣка о видачѣ намету его, которій на своей ценѣ, то есть 100 зол.. отпускаетъ. Покушавши, родитель отехалъ въ Каменъ, а я передамъ зъ крестянином Кошелева Лоховимъ, что онъ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.